

PA 6402

.R9 S3

1858

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PA6402

Book 55534

1858

YUDIN COLLECTION

А. 8.

Е. Ф. Влч...

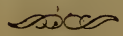
UDIN
7A/
402
65
34
858

1
52

2436
4445

САТИРЫ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

СЪ ЛАТИНСКАГО

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

М. Дмитриева

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНЫМИ.

МОСКВА.

1858.

САТИРЫ

КВИНТА ГОРАЦИЯ ФЛАККА.

САТИРЫ

Horatius Flaccus
КВШТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

СЪ ЛАТИНСКАГО

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

М. Дмитриева

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ.

Non ego ventosae plebis suffragia venor.

Horat. (Lib. 1 Ep. 19).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОТЬЕ.

1858.

РАГ 402
R9 S3
1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 13 Октября 1857 года.

Ценсоръ *Н. Фоль-Крузе.*

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Рѣшаясь печатать мой переводъ Сатиръ Горация, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ о моемъ переводѣ; но прежде всего считаю не лишнимъ представить мои понятія о переводѣ древнихъ вообще.

Искусство переводить древнихъ, особенно поэтовъ, представляетъ, по моему мнѣнію, понятіе весьма многосложное. Обыкновенно думаютъ: одни, что довольно literalной точности; другіе, что довольно красивой передачи оригинала.—Первымъ довольствуются по бѣльшей части Нѣмцы; вторымъ Французы. Но и эти два понятія, весьма неполныя, рѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же переводѣ. Такимъ образомъ иной точный переводъ, напримѣръ трагедіи Софокла, и иные красивые переводы одъ Горация, составляютъ двѣ крайности, которыя не сходятся между собою, и изъ которыхъ ни та, ни другая, не могутъ, думаю, удовлетворить того, кто читаетъ этихъ поэтовъ въ оригиналь!—Причина самая простая: ни тяжелымъ топоромъ, ни на легкомъ токарномъ станкѣ, не изваять копій съ древняго бюста!

1870

И потому, переводить древнихъ, думаю я, какъ сказали уже, есть задача многосложная и требующая борьбы съ оригиналомъ на всѣхъ пунктахъ, а не съ одной той стороны, которая кажется доступнѣе переводчику и болѣе ему по силамъ. Что же для этого нужно ?

1. *Литеральная близость.* Но подъ нею скрывается еще точность мысли. Часто одна совершенно уничтожаетъ другую. Требуется согласить ихъ; а это — дѣло не одного знанія языковъ: это — дѣло глубокаго изученія ихъ свойствъ, особаго изученія переводимаго автора, и, смѣю сказать, изученіе собственныхъ силъ переводчика.

2. *Точность мысли и выраженія.* Здѣсь не можетъ быть и слова о тѣхъ мысляхъ и выраженіяхъ, которыя передаются легко и свободно, какъ принадлежащія и тому и другому народу, и тому и другому языку, но есть мысли, не поддающіяся нашимъ новѣйшимъ понятіямъ, мысли, которыя объясняются только жизнію, философіею, религіею древнихъ, и происходящимъ отъ того ихъ образомъ жизни вообще; есть такія, которыя совершенно темны, безъ познанія ихъ обычаевъ, или такія, которыя объясняются мѣстностію, частностями, примѣненіями, утратившими для насъ свой смыслъ, свое значеніе. Есть выраженія, которыя не покарлются никакому искусству, или по причинѣ ихъ сжатости, или по причинѣ ихъ поговорочнаго характера, или по различію языковъ, или наконецъ по различію искусства древнихъ и новыхъ. — Какъ побѣдить это? — Въ семь случаевъ никакъ не помогаетъ знаніе языковъ; мало помогаютъ и комментаторы, которые объясняютъ затрудненіе, но не даютъ средства побѣдить его: одно прибѣжище — къ художественному чувству, ежели оно есть у переводчика.

3. Мысль автора должна быть выражена такъ, чтобъ читатель перевода не только понималъ бы ея смыслъ, но ощущалъ бы, при чтеніи ея, тоже, что читатель оригинала. Пере-

водчикъ, который понимаетъ ее хотя и вполнѣ, но только *наружно*, только грамматически, никогда не пойметъ ее точно. Нѣтъ! нужно понимать ее еще *внутренно*, т. е. ее жизнь и точное ее протяженіе: далеко ли мѣтиль авторъ, и на что онъ мѣтиль, хотѣлъ ли остановить на ней вниманіе, или сказалъ ее вскользь, мимоходомъ. Отъ этаго зависитъ не только вѣрность и колоритъ отдѣльнаго выраженія, но точность и колоритъ всего перевода.

4. Нужно *соблюденіе тона произведенія вообще*, и еще въ особенности *тона автора*.—Можно, пожалуй, произведеніе элегическое передать тономъ эпической поэмы; сохранить и мысли и выраженія все тѣже, но поднять тономъ выше, важнѣе. Можно перевести Горація тономъ метаморфозъ Овидія: мысли автора узнаешь; но въ нихъ не узнаешь Горація. Можно передать его оды, хотя съ тою же высокою, которая въ некоторыхъ изъ нихъ составляетъ главный ихъ характеръ, но не способности при томъ той легкости и свободы выраженія, которыя у него никогда не мѣшаютъ важности главнаго тона. Можно перевести некоторые его оды тономъ пѣсни, что и дѣлали иногда французскіе переводчики, передавая не только мысли, но и выраженія поэта, довольно близко; но это будетъ не Горацій. Трудно, и можетъ быть всего труднѣе, попасть на тонъ автора, особенно поэта!

5. Красивость, легкость и точность языка, по общему признанію, вообще принадлежатъ древнимъ. Безъ этихъ качествъ они конечно не пережили бы тысячелѣтій, и не сохранили бы той свѣжести, которая отличаетъ ихъ отъ новѣйшихъ. Следовательно красота, легкость и точность языка суть необходимыя условія перевода. Читая некоторые русскіе переводы древнихъ, невольно подумаешь: за что же такъ превозносятъ Пиндара, Софокла и другихъ, если они писали такимъ топорнымъ и черствымъ языкомъ, какой представляютъ намъ ихъ перевод-

чки ! И мудро ли, что Фаонъ убѣжалъ отъ пламенной Сафо, если она объяснялась съ нимъ надутымъ языкомъ семинариста ! — Не знаю близокъ ли переводъ Одиссеи Жуковскаго; но знаю, что при чтеніи его какое-то внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что я наслаждаюсь чтеніемъ Гомера: ибо отъ его Одиссеи вѣетъ свѣжестью первобытныхъ нравовъ челоѣка, юностію и простотою, хотя и грубою, но неиспорченною обдуманнѣмъ порокомъ !—Что же, послѣ этаго одна буквальная и грамматическая близость !

6. Переводчику древнихъ надобно перенестись совершенно въ древность, и сверхъ того понять ея отношеніе къ новѣйшему времени. Это понимается не одной наукой, не однимъ изученіемъ древности: но и тактомъ, необъяснимымъ для того, кто его не имѣетъ; но и тѣмъ художественнымъ инстинктомъ, безъ котораго не можетъ быть художественнаго перевода.

7. А сколько нужно, такъ сказать, матеріальныхъ свѣденій о древности, но свѣденій не мертвыхъ, заключающихся не въ поменклатурѣ, или не отдѣльно стоящихъ одно отъ другаго; а слитыхъ въ одно цѣлое, и сроднившихся со всеми понятіями переводчика !

Вотъ понятія, которыя я имѣю о переводѣ древняго поэта. Все это ведетъ къ общему понятію о художествѣ перевода, до коего нельзя достигъ ни знаніемъ, ни трудомъ, безъ эстетическаго чувства, которое дается одною природою, но которое требуетъ долговременнаго эстетическаго образованія !

Послѣ этаго сознанія моихъ понятій вообще о переводѣ древнихъ, я боюсь, не осуждаю ли я ими моего собственнаго перевода. — Объ этомъ пусть судятъ сами читатели и знатоки Горация. Но я почитаю нужнымъ сказать нѣчто о самихъ сатирахъ Горация, а потомъ и о моемъ переводѣ.

Понимая ихъ буквально, часто не разумѣешь смысла поэта. Для этаго-то необходимы объясненія, которыя я представляю

здѣсь въ видѣ примѣчаній, и къ которымъ прошу читателя обращаться всякой разъ, когда ему покажется непонятнымъ, или даже страннымъ, буквальный смыслъ сатиры. Другія примѣчанія служатъ, такъ сказать, только къ матеріальному объясненію; но и они нужны для незнакомыхъ съ древностію.

Почти двѣ тысячи лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ Горачія. Если и теперь, при нынѣшнемъ удобствѣ сообщеній; при нынѣшнемъ, такъ сказать, наглядномъ знакомствѣ народовъ; при болтливомъ книгопечатаніи, открывающимъ всю подноготную, и въ политикѣ, и въ торговлѣ, и въ жизни, и въ обычаяхъ — мы все еще не вполне понимаемъ обычан и образъ мыслей другихъ народовъ, намъ современныхъ: то каково же затрудненіе сродниться съ этими обычаями и образомъ мыслей, когда дѣло идетъ о народѣ, отдѣленномъ отъ насъ двумя тысячелѣтіями?

Вотъ въ чемъ состоитъ трудность понять и усвоить себѣ мысль и выраженіе древняго, особенно въ сатирахъ Горачія. Ода все-таки понимается легче: въ ней чувство, или мысль, общія человѣческія; а если и народныя, то свойственныя всякому народу. Но сатира есть зеркало своего времени и народа. Время это прошло невозвратно; а въ чудномъ зеркалѣ остается одно отраженіе народа!

За то, кто выкинетъ въ эти сатиры, тотъ увидитъ отчасти живой народъ, еще движущійся передъ его глазами, со всеми мелкими чертами его жизни, которыхъ не передаетъ намъ важная исторія. Вотъ достоинство сатиръ Горачія, уже не поэтическое, а историческое!

Намъ натолковали съ дѣтства о величій римскаго народа. Народъ римской былъ великъ войнами, законодательствомъ и дѣйствіями политики; но не жизнью. Сперва грубая сила; потомъ развратъ: вотъ исторія его жизни.—Онъ также представляется нашему воображенію въ какомъ-то величественномъ размѣрѣ, какъ досель представлялась намъ Англія. Но, рассмотрѣвши

ближе, въ нынѣшнюю войну, индивидуальность характера этого народа, мы увидѣли въ немъ всю мелочь личной корысти, низости и гордости; все безсиліе, скрывавшееся подъ личиною могущества; всѣ домашніе дразги подъ наружностію благородства и силы! Римъ вѣка Августова, при воспоминаніи людей прежняго времени, представляется намъ въ сатирахъ Горация тоже разоблаченный отъ своего фальшиваго величія! Вѣкъ Августа почитаемъ мы апогеей римскаго народа: онъ обладалъ міромъ и даровалъ ему миръ; что можетъ быть выше этого! Но червь разврата, корысти, лихоимства ростовщиковъ, обжорства, роскоши, мелочей жизни, поклонничества, рабства, софистическихъ ученій, догрызаетъ въ это время римскую имперію! Клавдій и Геліогабаль уже зараждаются въ духъ народа! Грѣшный Римъ умираетъ, какъ разслабленный сластолюбецъ на ложѣ покрытомъ пурпуромъ; какъ корыстолюбецъ, окруженный своими корыстями, которые вскорѣ пойдутъ на вѣтеръ! — Все это мы, или видимъ, или предчувствуемъ, въ сатирахъ Горация! — Онъ, въ этомъ отношеніи, стоятъ изученія, какъ допленіе римской исторіи!

Но чтобъ объяснить въ нихъ все, что казалось мнѣ нужнымъ, дабы понимать Горация почти какъ современника: для этого нужно мнѣ было во первыхъ самому изучить его; во вторыхъ, передать все это читателямъ въ моихъ примѣчаніяхъ. Кто знаетъ нашу литературу и наши пособія, тотъ легко пойметъ, какого стоило мнѣ это труда. Я пользовался десятью объяснителями; но всѣ они были новѣйшіе: только посредствомъ ихъ, и чрезъ ихъ цитаты, были доступны мнѣ объясненія схолиастовъ и вообще древнѣйшихъ комментаторовъ. Что же дѣлать! Признаюсь, и предлагаю что могу. Одно, о чемъ я чрезвычайно заботился: это о сводѣ ихъ разнорѣчій и о выборѣ правдоподобнѣйшихъ мнѣній, когда они разногласили между собою.

Эти примѣчанія, приложенныя къ концу каждой сатиры, служатъ къ объясненію: именъ собственныхъ, лицъ и ихъ отношеній, географическихъ и топографическихъ мѣстъ, обычаевъ, одежды, яствъ, поговорокъ, намековъ, нѣкоторыхъ постановленій и законовъ римскихъ, нѣкоторыхъ выраженій Горація, и наконецъ, гдѣ это казалось нужнымъ, содержатъ изложеніе различныхъ мнѣній его объяснителей.

Касательно моихъ примѣчаній, которыя могутъ показаться слишкомъ подробнымъ и обширнымъ, скажу, что я имѣлъ въ виду именно *русскихъ* читателей, изъ которыхъ многимъ недостаётъ самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній о Гораціи, о Римской литературѣ, о Римѣ. — И для этаго — по французской поговоркѣ — я почиталъ нужнымъ иногда mettre les points sur les i. — Есть примѣчанія, назначаема для ученыхъ; есть другія для учащихся; мои — для всякаго, кто только слышалъ о Гораціи. Но тѣмъ не менѣе я думаю, что они могутъ быть небезполезны и для молодыхъ людей, изучающихъ Горація въ подлинникъ; ибо я извлекалъ самоужнейшее — изъ многихъ объяснителей, сравнивалъ ихъ мнѣнія, оцѣнивалъ ихъ основанія, и избиралъ то, что казалось мнѣ достовѣрнѣйшимъ изъ многихъ различныхъ и нерѣдко противорѣчащихъ мнѣній. Такимъ образомъ, не присвоивая своимъ объясненіямъ характера ученыхъ изслѣдованій, я могу однако сказать по всей справедливости, что не многіе иностранныя переводы сатиръ Горація представляютъ въ совокупности такую *полноту* объясненія, хотя у нѣкоторыхъ переводчиковъ и объяснителей, напр. у Дасье и Санадона, у Нича и Габерфельда, и у другихъ, истолкованъ *каждый стихъ*, и примѣчанія гораздо обширнѣе моихъ.

Самое то, что я не принадлежу къ числу ученыхъ, *érudits*, послужило мнѣ можетъ быть въ пользу, тѣмъ, что я не бралъ на себя права выставять новыя, свои, иногда произвольныя и довольно страшныя догадки и толкованія, тамъ, гдѣ я нахо-

диль вѣрными чужія объясненія. — Примѣръ ученаго Бентлея казался мнѣ весьма опаснымъ; да онъ былъ для меня и невозможнымъ.

Не говорю уже о томъ, что кромѣ объясненій, находимыхъ мною въ трудахъ другихъ, мои примѣчанія требовали множества отдѣльныхъ пособій и повѣрокъ, какъ-то: указаній на Римскія Древности, свѣденій о законодательствѣ, даже справокъ съ картами древней географіи и планомъ древняго Рима.

Касательно слога моего перевода, я имѣлъ въ виду то, что говоритъ о слогѣ своихъ Сатиръ самъ Горацій. Онъ говоритъ, что пишетъ ихъ слогомъ простымъ, разговорнымъ :

Neque si scribat, uti nos,
Sermoni propiora, putes hunc esse poetam.

(Sat. 4. v. 42.)

И потому я переводилъ ихъ тоже языкомъ, близкимъ къ разговорному; но стараясь, чтобъ онъ не противорѣчилъ языку поэзіи, котораго отличіе отъ прозы состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ благородствѣ и округлости выраженій, которыя только въ поэзіи соединяются съ простотою. Горацій въ своихъ Сатирахъ конечно простъ въ выраженіи; но эта простота не есть пошлость обыкновенной рѣчи. Я старался соблюсти это и въ переводѣ. Успѣлъ ли въ этомъ, о томъ судить не мое дѣло.

Покрайней мѣрѣ приношу нашей литературѣ полный переводъ Сатиръ Римскаго поэта.

КНИГА ПЕРВАЯ.

САТИРА ПЕРВАЯ.

ПРОТИВЪ ЛЮБОСТЯЖАНІЯ.

- Что за причина тому, Меценать, что какую бы долю
Намъ ни послала судьба, и какую-бъ ни выбрали сами,
Рѣдкій доволенъ и всякой завидуетъ доль другаго?
«Счастливъ купецъ!» говоритъ отягчаемый лѣтами воинъ, ¹
5. Чувствуя, съ многихъ трудовъ, у себя какъ разбитые члены!
Еслиже буря бросаетъ корабль, мореходецъ взываетъ:
«Лучше быть воиномъ! что имъ! лишь кинутся въ битву съ врагами,
Часъ не пройдетъ—или скорая смерть, или радость побѣды!»
Опытный въ правѣ законникъ, слыша чѣмъ свѣтъ, что стучится
10. Въ двери къ нему довѣритель, хвалить удѣлъ земледѣльца!
Житель же сельскій, для тяжбы оставить село принужденный,
Вызванный въ городъ, считаетъ однихъ горожанъ за счастливцевъ!
Этихъ примѣровъ такъ много, что ихъ перечестъ не успѣлъ бы
Даже и Фабій болгунъ! ² — И такъ, чтобъ тебѣ не наскучить,
15. Слушай, къ чему я веду. Пусть бы кто изъ боговъ вдругъ сказалъ мнѣ:

«Вотъ я! исполню сей часъ все, чего вы желали! — Ты, воинъ,
Будешь купцомъ; ты, ученый дѣлецъ, земледѣльцемъ! — Ступайте,
Роли свои промѣнявъ, ты туда, ты сюда! ⁵ — Чтожь вы стали?»
Нѣтъ, не хотятъ!—А вѣдь счастье желанное онъ имъ дозволилъ!

20. Послѣ этаго какъ не надуть и Юпитеру губы! ⁴

Какъ же во гнѣвѣ ему не сказать, что впередъ онъ не будетъ
Столь благосклоненъ!—Но полно! я шутку оставлю; не съ тѣмъ я
Началъ, чтобъ мнѣ, какъ забавнику, только смѣшить!—Не мѣшаетъ
Правду сказать, и шутя, какъ прिवѣтливый школьный учитель

25. Лакомства дѣтямъ даетъ, чтобы азбукѣ лучше учились; ⁵

Но—мы въ сторону шутку: поищемъ чего поважнѣе.

Тотъ, кто ворочаетъ землю тяжелой сохою; и этотъ
Лживый шинкаръ, и солдатъ, и морякъ, преплывающій смѣло
Бездны сердитыхъ морей—всеѣ труды безъ роптанія сносятъ

30. Съ тѣмъ, чтобъ запасъ накопивши, подъ старость пожить на покоѣ.

«Такъ—для примѣра они говорятъ—муравей работающій,
Даромъ что малъ, а что сможетъ, ухватить и къ кучѣ прибавить!
Думаетъ тоже о будущемъ онъ и нужду предвидитъ!»

— Да! но лишь годъ, наступающій вновь, Водолей опечалитъ, ⁶

35. Онъ изъ норы ни на шагъ, наслаждаясь разумно запасомъ,
Собраннымъ прежде; а ты? — А тебя вѣдь ни знойное лѣто,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни желѣзо — не могутъ

Отъ твоихъ барышей оторвать: никакихъ нѣтъ препятствій!

Только и въ мысляхъ одно, чтобы не былъ другой кто богаче!

40. Чтоже въ томъ пользы тебѣ, что украдкой отъ всѣхъ зарываешь

Въ землю ты кучи сребра, или злата тяжелыя груды?...

«Стоитъ почать—говоришь ты —дойдешь до послѣдняго асса?»

Ну, а ежели ихъ не почать, что за польза отъ кучи?

- Пусть у тебя на гумнѣ намолотятъ сто тысячъ мѣръ хлѣба;
45. Твой вѣдь желудокъ не больше вмѣститъ моего: такъ какъ, еслибъ Ты, межъ рабами, сѣть съ хлѣбами несъ на плечахъ—ты однако Больше другаго, который не несъ, ничего не получишь!
- Что же за нужда тому, кто живетъ въ предѣлахъ природы,
Сто ли вспахалъ десятинъ онъ, иль тысячу?—«Такъ! да приятнѣй
50. Братъ изъ кучи большой!»—Повѣрь, все равно, что изъ малой,
Толькобъ я могъ и изъ малой взять столько же, сколько мнѣ нужно!
Чтожъ ты огромныя житницы хвалишь свои? Чѣмъ ихъ хуже
Хлѣбныя наши мѣшки?... Ну, такъ еслибъ тебѣ довелася
Нужда въ кувшинѣ воды, иль въ стаканѣ одномъ, ты сказалъ бы:
55. «Лучше въ большой я рѣкѣ зачерпну, чѣмъ въ источникѣ этомъ!»
Вотъ отъ того и бываетъ съ людьми ненасытными, если
Лишнихъ богатствъ захотятъ, что Авфидъ разъяренной волною ⁷
Съ берегомъ вмѣстѣ и ихъ оторветъ и потопитъ въ пучинѣ!
Еслижъ кто малаго хочетъ, что нужно, тотъ и не въ тинѣ
60. Черпаетъ воду себѣ, да и жизни въ волнахъ не погубитъ!
Многіе люди однакожъ, влекомые жадностью ложной,
Скажутъ: «богатство не лишнее; насъ по богатству вѣдь цѣнятъ!»
Съ этими что толковать! Пусть ихъ алчность презрѣнная мучитъ!
Такъ, говорятъ, Авинянинъ одинъ, и скупой и богатый,
65. Рѣчи людскія привыкъ презирать, говоря о гражданахъ:
«Пусть ихъ освищутъ меня; но за то я въ ладоши
Хлопаю дома себѣ, какъ хочу, на сундукъ свой любуюсь!»
—Тавталъ сидѣлъ же по горло въ водѣ; а вода утекала
Дальше и дальше отъ устъ!...⁸ но чему ты смѣешься?... Лишь имя
70. Стоитъ тебѣ измѣнить, не твоя ли исторія это?..
Спишь на мѣшкахъ ты своихъ, наваленныхъ всею, несчастный,

Ихъ осужденный беречь, какъ святыню; любишься ими
 Точно картиной какой!—А знаешь ли деньгамъ ты цѣну?
 Знаешь ли деньги на что?—Чтобъ купить овощей, или хлѣба,

75. Или бутылку вина, безъ чего обойтись невозможно.

Или приятно тебѣ, полумертвому съ страха, беречь ихъ
 Денно и ночью, боясь и воровъ, и пожара, и даже
 Собственныхъ въ домѣ рабовъ, чтобъ они, обокравъ, не бѣжали!
 Нѣтъ! я желалъ бы—быть благами этаго рода бѣднѣ!

80. Если когда лихорадки ознобъ ты почувствуешь въ тѣлѣ,

Или другою болѣзнію будешь къ постелѣ прикованъ,
 Кто за тобою будетъ ходить и готовить лекарства?...

Кто врача умолять, чтобы спасъ отъ болѣзни и снова
 Дѣтямъ, роднымъ возвратилъ?—Ни супруга, ни сынъ—не желаютъ;

85. А сосѣди твои и знакомые, слуги, служанки,

Все ненавидятъ тебя!—Ты дивишься?—Чему же?—Ты деньги
 Въ мѣрѣ всему предпочелъ, и знаковъ любви ты не стоишь!

Если ты хочешь родныхъ, безъ труда твоего и заботы
 Данныхъ природой тебѣ, и друзей удержать за собою:

90. Тщетно, несчастный, теряешь свой трудъ; какъ осла, не приучишь

Быть послушливымъ уздѣ и скакать по Марсову полю!

Полно копить!—Ты довольно богатъ; не страшна уже бѣдность!

Время тебѣ отдохнуть отъ заботъ; что желалъ, ты имѣешь!

Вспомни Умидіа горькій примѣръ; то не длинная повѣсть.

95. Такъ онъ богатъ былъ, что деньги считалъ уже хлѣбною мѣрой;

Такъ онъ былъ скупъ, что съ рабами носилъ одинакое платье.

И—до послѣдняго дня—разоренья и смерти голодной

Все онъ боялся!—Но вотъ, отпущенная имъ же на волю,

Видно, храбрѣйшая всѣхъ Тиндаридъ, ⁹ не задумавшись, разомъ

100. Въ руки топоръ ухвативъ, пополамъ богача раздвоила!
 «Чтожь ты совѣтуешь мнѣ?... Неужели, чтобъ жилъ я какъ Меній,¹⁰
 Или какой Номентанъ?» — Ошибаешься! Что за сравненье
 Крайностей, вовсе несходныхъ ни въ чемъ! ¹¹ Запрещаю быть скрягой,
 Всего не требую я, чтобъ безумный ты былъ расточитель!
105. Межъ Танаиса и тестя Визельева — есть середина! ¹²
 Мѣра должна быть во всемъ, и всему наконецъ есть предѣлы,
 Дальше и ближе которыхъ не можетъ добра быть на свѣтѣ!
 Я возвращаюсь къ тому же, чѣмъ началъ: подобно скупому
 Рѣдкій доволенъ судьбою, считая счастливецемъ другаго!
110. Если коза у сосѣда съ паствы придетъ съ отягченнымъ
 Вымемъ — густымъ молокомъ, и отъ этаго съ зависти сохнутъ!
 А никто не сравниваетъ себя съ бѣднякомъ; все съ богатымъ!
 Но вѣдь какъ ни гонись за богатымъ, все встрѣтишь богаче!
 Такъ на бѣгу колесницу несутъ быстроногіе кони;
115. Слѣдомъ возница другой погоняетъ своихъ имъ въ догонку,
 Силится ихъ обогнать, презирая далѣко оставшихъ!
 Отъ того-то мы рѣдко найдемъ, кто сказалъ бы, что прожилъ
 Счастливо вѣкъ свой, и кончивъ свой путь, выходилъ бы изъ міра
 Точно какъ гость благодарный, насытись, выходитъ изъ пира. ¹³
120. Но довольно; пора замолчать, чтобы ты не подумалъ,
 Будто таблички укралъ у подслѣпаго я, у Криспина! ¹⁴

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 1. САТИРА 1.

1) Ст. 4. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ читается въ этомъ стихѣ: *gravis animis*: такъ я и перевелъ. Въ другихъ: *gravis armis*. Для тѣхъ, которые принимаютъ послѣднее, можно читать въ переводѣ: «отягченный оружіемъ воинъ.»

2) Ст. 14. Кто былъ этотъ Фабій достоверно неизвѣстно. Одинъ безымянный схоластъ, который часто ссылается на свою, (недошедшую до насъ) книгу: «о именахъ, встрѣчающихся у Горация,» говоритъ, что здѣсь упоминается Фабій Нарбонскій, который былъ приверженцемъ Помпея и написалъ нѣсколько книгъ о сектѣ стоиковъ. Догадка Торренція, будто здѣсь идетъ рѣчь о Фабіѣ Мѣксимѣ, котораго острое слово на счетъ Августа извѣстно изъ Квинтиліана, (кн. 4. 3.) еще менѣе правдоподобна. Могъ ли Гораций, изъ одной угодливости къ Августу, открыто осмѣять одного изъ важнѣйшихъ людей Рима и друга Августова за такую незначительную шутку? Кромѣ того, говоритъ Виландъ, еслибы тутъ разумѣлся самый этотъ Фабій, скорѣе сказалъ бы поэтъ: *disasiog*, а не *loquasiog*; но онъ именно говоритъ о болтунѣ, а не о шутливомъ острякѣ.

3) Ст. 18. Употребленное здѣсь въ подлинникѣ слово: *partes*, принято иносказательно. Оно употреблялось у Римлянъ для означенія ролей актеровъ; почему я и перевелъ его словомъ: *роли*.

4) Ст. 20. На латинскомъ: *надуть обѣ щеки*. Я предпочелъ русское выраженіе: *надуть губы*, которое въ этомъ случаѣ почти выражаетъ для насъ мысль поэта, хотя и не совсѣмъ. *Надуть обѣ щеки* значить у Горация—*сердиться*; но на русскомъ языкѣ оно не совсѣмъ имѣетъ тотъ смыслъ. Ив. Матв. Муравьевъ-Апостоль, знатокъ древнихъ языковъ, въ своемъ прозаическомъ переводѣ этой сатиры, употребилъ тоже выраженіе: «*надуть губы*,» хотя оно и не очень благородно для такого лица, какъ Юпитеръ.

5) Ст. 25. Эти стихи нѣсколько напоминаютъ подобное же сравненіе, которое находится у Лукреція. Кн. 1. ст. 936.

Sed veluti pueris absinthia tetra medentes
 Cum dare conantur, prius ora, pocula circum
 Contingunt mellis dulci, flavoque liquore,
 Ut puerorum aetas improvida ludificetur
 Labrorum tenuis, etc.

А Лукрецію очевидно подражалъ Тассо, въ уподобленіи, столько известномъ:

Così all'egro fanciul porgiamo aspersi
 Di soavi licor orli del vaso;
 Succhi amari, ingannato, in tanto ei beve,
 E dall'ingano suo vita riceve.

6) Ст. 34. *Водолей* — знакъ зодиака, въ который вступаетъ солнце въ Генварь. Такъ какъ этотъ мѣсяцъ сопровождается въ Италіи дождями, то и приписывали это Водолею.

7) Ст. 57. *Асфидъ*, нынѣ *Ofanto*, рѣка, находящаяся въ Апуліи. Она беретъ свой истокъ въ Апенинахъ и впадаетъ въ Адриатическое море. Близъ ея береговъ происходила знаменитая битва при Каннахъ.

8) Ст. 69. *Танталъ*, сынъ Юпитера и нимфы Плуто. Желая испытать всевѣденіе боговъ, онъ подалъ имъ за ужиномъ члены своего сына Пелопса. Въ наказаніе за такое преступленіе, онъ былъ низверженъ въ тартаръ и осужденъ стоять по колѣни въ водѣ одной адской рѣки, гдѣ, страдая жаждою, не могъ утолить ея; ибо вода удалялась отъ устъ его.

9) Ст. 99. Здѣсь названы Тиндаридами двѣ дочери Леды и внуки Тиндара, Клитемистра и Елена, обѣ убійцы своихъ супруговъ: первая Агамемнона, а вторая Деифоба. Гораций разумѣетъ здѣсь подъ именемъ Тиндарида всѣхъ женщинъ, имъ подобныхъ, по рѣшительности, силѣ, и по преступленію.

10) Ст. 101. «Какъ должно читать это имя, (говоритъ Виландъ), Maevius, Naevius, или Maenius? Однако, такъ какъ *Мевій* и *Невій*, относительно порока, приписываемаго имъ Горациемъ, суть имена, намъ незнакомыя; а *Меній* встрѣчается въ 15 эпистолѣ, какъ негодяй известный, и очень идетъ подъ стать къ прославленному расточителю *Номентану*: то я, вмѣстѣ съ многими, читаю Maenius.» — По этой причинѣ я пишу: *Меній*, хотя въ вулгарныхъ изданіяхъ чаще встрѣчается *Мевій*; а школьными учебными признается правильнѣе: *Невій*. — Впрочемъ, такъ какъ это лице вполне неизвѣстное, то все равно, какъ бы оно ни называлось.

11) Ст. 103. Я не рѣшился, да и не смѣлъ употребить здѣсь смѣлую фигуру Горация:

. . . Pergis pugnantiâ secum,
 Frontibus adversis componere.

12) Ст. 105. Обѣ этихъ двухъ лицахъ мы не знали бы ничего и не могли бы понять этаго сравненія и противоположности, еслибы одинъ древній схолиастъ не далъ объ нихъ извѣстія. *Тинаисъ*, вольноотпущенникъ Мецената, былъ кастратъ; а безымянный *тестъ Визсліа* имѣлъ грыжу, и въ слѣдствіе этой болѣзни былъ подверженъ известному недостатку, или изнѣшеству. Пв. Матв. Муравьевъ-Апостоль, въ

упомянутомъ уже мною переводъ, (напечатанномъ въ Читеніяхъ Державинской Бесѣды). очень забавно замѣчаетъ объ этомъ лицѣ, что онъ «страдалъ болѣзнію, которая въ вышнемъ европейскомъ нарядѣ еще бы примѣтнѣе была, чѣмъ тогда, подъ широкою тогою.»—Между недостаткомъ и излишествомъ должна быть середина: вотъ въ чемъ заключается мысль Горація сравненія;

13. Ст. 119. Здѣсь, по замѣчанію Ламбина, Горацій очевидно мѣтитъ на стихъ Лукреція въ которомъ Натура говоритъ человѣкамъ:

Cur non ut plenus vitae conviva recedis.

14) Ст. 121. Этотъ Криспинъ вѣрѣдко попадаетъ и въ другихъ сатирахъ Горація, и потому заслуживаетъ подробнаго объясненія.

Сколько можно заключить изъ многихъ мѣстъ сатирика, онъ былъ нѣчто среднее между неудачнаго поэта и плохаго философа; жалкій стихотворецъ, который ставилъ себя въ достоинство. что скоро куеть стихи. (Сат. 4, ст. 14 — 16). По свидетельству древняго схоластика онъ написалъ въ стихахъ книгу: «О стоической сектѣ.» Онъ вѣроятно представлялъ собою, какъ и многіе въ то время, и *стоика* и *циника*. Онъ столь много болталъ о добродѣтели, что его прозвали въ насмѣшку: *Aretalogus*. Это слово, хотя собственно значить: *учитель добродѣтели*; но переводъ будетъ не столь выразителенъ. Ближе было бы сказать: *добродѣтелесловъ*, какъ мы говоримъ, напр. *Естествословъ*: что означаетъ не только учителя, но и знатока, т. е. такого человѣка, который выучился добродѣтели, какъ наукъ, и другихъ учить также.

У Горація при имени Криспина находится прилагательное *подслѣпный*, или правильнѣе сказать, имѣющій нагноенные глаза:

Ne me Crispini serinia *lippi*

Compilasse putes, verbum non amplius addam.

Бентлей, известный ученый филологъ и комментаторъ Горація, читаетъ здѣсь *lipum*, и относитъ этотъ эпитетъ къ самому Горацію; почему и Муравьевъ-Апостоль перевелъ это мѣсто такъ: «чтобы ты не подумалъ, что я *сосльпа* обокралъ Криспиновъ тетрадикъ.» — Въ подтвержденіе Бентлея и въ оправданіе своего перевода, онъ приводитъ два мѣста изъ Горація: кн. 1. Сат. 5. ст. 39 и 49. (Въ моемъ переводѣ ст. 31 и 51). Но это ничего не доказываетъ, кромѣ того, что Горацій былъ слабъ глазами: что мы и безъ того знаемъ. — Между тѣмъ во всѣхъ изданіяхъ читаемъ: *Crispini lippi*; кромѣ того, этотъ эпитетъ не одинъ разъ употребляетъ Гораціемъ въ насмѣшку, напр. въ началѣ 7-й сатиры этой книги.

Виландъ опровергаетъ поправку Бентлея съ извѣстною тонкостію ума своего. Между прочимъ приводитъ онъ слова Бентлея, который говоритъ: «это было бы безсмысленно, если бы Горацій, будучи самъ слабъ глазами, насмѣхался въ этомъ же надъ Криспиномъ.»—Виландъ возражаетъ на это: «Какъ будто Горацій, который подъ старость страдалъ глазами, и на 27-мъ году долженъ былъ страдать ими!»—Первая книга сатиръ выдана Гораціемъ на 30-мъ году жизни.—Виландъ однако не совсемъ правъ: 5 сат. этой же книги доказываетъ, что и тогда Горацій былъ уже слабъ глазами.

САТИРА ВТОРАЯ.

(ОТРЫВОКЪ.)

- Флейщицы, нищіе, мимы, шуты, лекаря площадные, ¹
Весь подобный имъ людъ, огорченъ и въ великомъ смущеньѣ;
Умеръ Тигеллій пѣвецъ: онъ для нихъ былъ и щедръ и привѣтлив! ²
А иной, опасаясь прослыть расточителемъ, даже
5. Бѣдному другу не хочетъ подать и бездѣльную помощь,
Чтобъ укрылся отъ холода онъ, утолилъ бы свой голодъ!
Спросивъ другаго: за чѣмъ онъ имѣнье блестящее дѣдовъ,
Или имѣше отца, на прожорливость тратить? За чѣмъ онъ
На заемныя деньги припасы къ столу покупаетъ?...
10. Скажетъ: не хочетъ онъ мелкой душошкой прослыть, или скрягой!
Хвалить конечно иной и его; а другой осуждаетъ!
- А богатый землями и въ ростъ отдающій Фуфидій, ³
Славы развратнаго, имени мота боясь, не стыдится
Брать съ должниковъ пять процентовъ на мѣсяцъ; ⁴ и даже чѣмъ больше
15. Кто нуждою стѣсненъ, тѣмъ болѣе онъ притѣсняется!

Больше онъ ловить въ добычу людей молодыхъ, у которыхъ
Строги отцы, и недавно надѣвшихъ вирильную тогу! ⁵

Какъ не воскликнуть, услышавши это: «Великій Юпитеръ!»

Скажутъ: «Конечно за то по доходамъ его и расходы?»

20. Нѣтъ! не повѣришь! онъ самъ себя недругъ! — Не меньше,
Чѣмъ, у Теренція, сына изгнавшій отецъ былъ страдальцемъ, ⁶
Также и онъ—самъ терзаетъ себя!—Но если кто хочетъ
Знать: къ чему я рѣчь эту веду; то къ тому, что безумный,
Бросивъ одинъ недостатокъ, всегда попадаетъ въ противный!
25. Такъ у Мальтина туника отвсюду виситъ и тащится; ⁷
А другой поднимаетъ ее до пупка!—Отъ Руфилла
Пахнетъ духами; Горгоній же козлищемъ грязнымъ воняетъ! ⁸
Нѣтъ середины ни въ чемъ! ⁹

17 Окт. 1852.

ПРИМЪЧАНІЯ.

КН 1. САТИРА 2.

1) Ст. 1. Такъ рѣшился я перевести два первые стиха этой сатиры, желая выразить русскими и понятными терминами латинскія названія, изъ которыхъ нельзя было пропустить ни одного; а между тѣмъ нѣкоторыя были бы намъ совершенно непонятны:

Ambubaiarum collegia, pharmacopulae,
Mendici, mimae, balatrones, etc.

Названіе флейщизъ, ambubaia, происходило отъ какого-то сирскаго слова, означавшаго флейту; ибо, какъ видно изъ одного мѣста Ювенала, римскіе флейщики и флейщизы были обыкновенно изъ Сиріи. Горацій, какъ полагаетъ Дасье, упоминаетъ здѣсь не о первыхъ, а объ однихъ флейщизахъ, потому что онъ болѣе приличествовали обществу развратнаго Тигеллія. Светоній замѣчаетъ тоже, что Неронъ ужиналъ иногда публично, *inter scortorum totius urbis ambubaiarumque ministeria*, т. е. что за столомъ служили ему развратницы со всего города, и всѣ *флейщизы*; ибо сіи послѣдніе промышляли тѣмъ же ремесломъ, какъ и первыя.

Pharmacopulae, ungentarii, (что я перевелъ словомъ: *площадные лѣкари*), были собственно не врачи, а продавцы разныхъ лѣкарствъ, и духовъ, или душистыхъ мазей. Что касается до лѣкарствъ, продаваемыхъ ими, то это были, такъ называемыя тайныя средства отъ болѣзней и универсальныя лѣкарства. И потому эти люди принадлежали къ разряду шарлатановъ и развратниковъ, презираемыхъ въ Римѣ.

Нищіе, mendici. Подъ именемъ нищихъ здѣсь разумѣетъ Горацій жрецовъ Цибеллы и Изиды, гадателей, толкователей сновъ, и прочихъ, имъ подобныхъ, которыхъ было тогда множество въ Римѣ и во всей Италиі. Особенно жрецы Изиды промышляли ремесломъ, не очень честнымъ; ибо храмъ этой богини былъ сборищемъ сладострастныхъ женщинъ. Всѣ эти люди носили суму, какъ нищіе; а между тѣмъ передавали римскимъ женщинамъ записочки и приглашенія къ свиданію.

Слово *мимы, mimae*, извѣстно и не требуетъ объясненія. Но здѣсь говорится о

женщинахъ, сопровождавшихъ свою мимическую игру или пляску, непристойными тѣлодвиженіями.

Balatronee—я перевелъ словомъ: *шуты*; но чувствую, что оно не вполне соответствуетъ значенію подлинника. Это слово было впрочемъ предметомъ многихъ толкованій; но настоящее его значеніе доселѣ осталось неизвѣстнымъ. Вообще должно думать, что оно означало пустаго и ни къ чему годнаго человека, если не совсемъ негодяя. Одно только должно замѣтить, что оно не означаетъ какой-либо особенной профессіи.

2) Ст. 3. Некоторые полагаютъ, что здѣсь говорится о *Тигелліи Гермогенѣ*, о которомъ упоминаетъ Гораций сатиры 9, въ стихъ 25, (въ моемъ перев. ст. 26). Но другіе, на прим. Дасье и Санадонъ доказываютъ, что здѣсь упоминается о другомъ Тигелліи—*сардинскомъ*; ибо о немъ говоритъ Гораций, кн. 1 въ сатирѣ 3, уже, какъ объ умершемъ; а о Тигелліи Гермогенѣ, въ той же самой сатирѣ (ст. 129, 130) какъ о находящемся въ живыхъ. Это замѣчаніе, кажется, вполне справедливо.

Этотъ Тигеллій сардинскій, своимъ прекраснымъ голосомъ и своею придворною обходительностію, вошелъ въ большую милость къ Диктатору Юлію-Цезарю, о чемъ пространно сказано мною въ примѣчаніи къ слѣдующей сатирѣ третьей, къ ст. 3. Послѣ Юлія-Цезаря онъ сдѣлался застольникомъ Августа, и тоже вошелъ къ нему въ милость; что не помѣшало однако Горацию осмѣивать его въ своихъ сатирахъ. Августъ любилъ Тигеллія за его талантъ и веселое собесѣдничество; но презиралъ за его пороки и развратную жизнь, которою въ то время вообще отличались его соотечественники.

3) Ст. 12. Здѣсь (въ подлинникѣ ст. 13) повторенъ у Горация стихъ 421 изъ его же *Ars poetica*; а именно:

Dives agris, dives positus in foenore nummis.

или, правильнѣе сказать изъ этой сатиры онъ повторилъ въ наукѣ поэзіи, которая издана имъ позже всѣхъ другихъ его сочиненій.

4) Ст. 14. Римляне брали проценты ежемѣсячно. Проценты были различныя, смотря по времени и по лицу, которое занимало. Самый высокій процентъ былъ тотъ, который назывался *centesima*, по одному со-ста въ мѣсяць, или по 12 процентовъ въ годъ. Это называлось *as usura*, или просто *as*; ибо все прочіе способы взиманія процентовъ заимствовали свои названія отъ этаго. Какъ-то:

Usura semis, когда брали полпроцента въ мѣсяць, т. е. 6 процентовъ въ годъ.

Bes—двѣ трети процента въ мѣсяць, или 8 процентовъ въ годъ.

Quadrans—четверть процента въ мѣсяць, или 3 процента въ годъ.

Quincunx—пятая часть процента въ мѣсяць, или 2 и $\frac{2}{3}$ процента въ годъ.

Triens—треть процента въ мѣсяць, или 4 процента въ годъ.

Sextans—шестая часть процента въ мѣсяць, или 2 процента въ годъ.

Наконецъ *usura unciaria*, когда платили двѣнадцатую часть процента въ мѣсяць, или одинъ процентъ въ годъ.

Закономъ XII таблицъ запрещено было брать выше сего послѣдняго: *ne quis unciario foenore amplius exerceat*. Впослѣдствіи и это было убавлено до половины; ибо постановлена была *usura semiunciaria*. Но иногда рѣдкость денегъ, иногда слабость судей, завѣдывавшихъ этою частію, иногда крайняя нужда частныхъ людей, а по большей части жадность ростовщиковъ, умѣвшихъ пользоваться обстоятельствами, дѣлали бесполезными постановленія закона; и назначеніе процентовъ зависло отъ произвола.

Упоминаемый здѣсь ростовщикъ Фуфидій бралъ по 5 процентовъ въ мѣсяць, что составляло 60 процентовъ въ годъ, такъ что въ 20 мѣсяцевъ удвоивался капиталъ.

Мысль Горация та, что Фуфидій, боясь прослыть глупцомъ, не прилагающимъ заботы о своихъ дѣлахъ, впалъ въ другую крайность.

5) Ст. 17. До юношескаго возраста дѣти Римлянъ носили тогу, обложенную пурпуромъ, которая называлась *toga praetexta*. Со вступленіемъ же въ юношество они признаваемы были вошедшими въ совершенный возрастъ, что происходило публично, при Преторѣ: на нихъ надѣвали обыкновенную гражданскую тогу, безъ всякихъ украшеній, которая называлась *toga pura*, или *toga virilis*, т. е. *тога мужская*. Этихъ-то молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, ловилъ Фуфидій; ибо до совершеннолѣтія должниковъ долги ихъ признавались не дѣйствительными.

6) Ст. 21. Комедія Теренція, подъ названіемъ: *Heautontimorumenos*, т. е. *самъ себя наказующій*. Имя этаго отца *Менедемъ*. Онъ рѣшился терпѣть различныя лишенія, въ наказаніе самаго себя за жестокость, отъ которой сынъ его *Клиній* бросилъ родительскій домъ и пошелъ на войну.

7) Ст. 25. *Malthas* значило у Римлянъ человека изнѣженнаго. Полагаютъ, что изъ этаго слова Горацийъ составилъ имя *Malthinus*. Нѣкоторые думали даже, что подъ именемъ *Мальтина* Горацийъ разумѣлъ здѣсь Мепената, который былъ довольно изнѣженъ и небреженъ въ одеждѣ. Но это только догадка.

Здѣсь должно замѣтить только то, что туника висящая или влачащаяся по полу- всегда была у Римлянъ признакомъ изнѣженности и слабодушія; а приподнятая знакомъ мужества. Средина между двумя крайностями состояла въ томъ, чтобы туника висѣла немного пониже колѣнъ. Квинтилианъ, въ гл. 4 кн. 11 именно указываетъ, какъ носили Римляне туннику и тогу. *Cui laticlavi jus non erit, говоритъ онъ, ita singatur, ut tunicae prioribus oris infra genua paulum, posterioribus ad medios poplites usque perveniant, nam infra mulierum est, supra centurionum.* «Тѣ которые не имѣютъ права носить латиклаву, должны подпоясываться такъ, чтобы туника спереди висѣла немного пониже колѣна; а сзади доставала до половины икры. Опускать ее ниже—это женоподобно; а поднимать выше—это повоенному.» Онъ говоритъ здѣсь о тѣхъ, которые не носили латиклавы; ибо латиклава, хотя имѣла форму тунники, но надѣвалась безъ пояса, и была длиннѣе обыкновенной тунники. И потому Светоній замѣчаетъ, какъ нѣчто необыкновенное, что Цезарь подпоясывалъ латиклаву.

Тога подвязывалась только на войнѣ. (Объ этомъ объяснено у меня въ примѣчаніи къ ст. 49 моего перевода Науки Поезій Горация). Тогу носили спереди нѣсколько пониже тунники, а сзади хотя и поднимали, но все-таки не выше тунники.

8) Ст. 27. Римляне считали постыднымъ употребленіе благовоній, какъ признакъ женоподобной вѣги. Известна черта Веспасіана, который давши нѣкоторую должность одному молодому Римлянину, отвялъ ее опять, за то, что онъ пришелъ благодарить его, умащенный благовоніями; при чемъ сказалъ ему съ презрѣніемъ: *maluisse al-lium oboluisse*, «по мнѣ лучше бы отъ тебя пахло чеснокомъ.» Известно также изрѣченіе Юлія Цезаря, который хвалился, что его воины также бы храбро сражались, даже и раздушенные благовоніями, *milites suos etiam ungentatos bene pugnare posse*.

Кто были Руфилъ и Горгоній, неизвестно; но все комментаторы полагаютъ, что они были изъ людей, весьма известныхъ въ Римѣ. Въ этомъ удостовѣряетъ и то, что замѣчаніе Горация о Горгоніи не прошло ему даромъ, а возбужило противъ него сильное негодованіе, что видно изъ другой его сатиры, именно: кн. 1. сат. 4. ст. 91 — 93.

9) Ст. 28. Здѣсь долженъ я былъ остановиться и не докончить перевода этой сатиры. У Горация она состоитъ изъ 134 стиховъ. Но все продолженіе ея не соответствуетъ ни требованіямъ чистой нравственности, ни цѣломудрію нашего вкуса. Большая часть иностранныхъ переводчиковъ останавливалась также на стихъ 28. Правда, Дасье и Фоссе — и нѣкоторые изъ самыхъ новѣйшихъ перевели эту сатиру вполне. Но у нихъ одна цѣль: полнота и точность ученаго перевода; а мы не забываемъ при этомъ уваженія къ человѣку и къ публикѣ.

САТИРА ТРЕТІЯ.

ПРОТИВЪ ОСУЖДАЮЩИХЪ ЧУЖІЕ НЕДОСТАТКИ.

- Общій порокъ у пѣвцовъ, что въ пріятельской доброй бесѣдѣ,
Сколько ни просятъ ихъ пѣть, ни за что не поютъ; а не просятъ—
Пѣвию пѣть и конца!—Таковъ былъ сардинецъ Тигеллій! ¹
Цезарь, ² который бы могъ и принудить, еслибы даже
5. Сталъ и просить, заклиная и дружбой отца и своею, ³
Все ни во что бы!— А самъ разноеся—съ янць и до яблокъ
Только и слышишь: «О Ваххъ!» ⁴ то высокимъ напѣвомъ, то низкимъ,
Басомъ густымъ, подобнымъ четвертой струи́ тетрахорда!
Не былъ онъ ровень ни въ чемъ!—Иногда онъ такъ скоро бывало
10. Ходить, какъ будто бѣжить отъ врага; иногда выступаетъ
Важно, какъ будто несетъ онъ священную утварь Юоны! ⁵
То вдругъ двѣсти рабовъ у него; то не больше десятка!
То о царяхъ говоритъ и тетрархахъ высокія рѣчи; ⁶
То вдругъ скажетъ: «довольно съ меня, былъ бы столъ, хоть треногой,
15. Соли простая солонка, отъ холода грубая тога!»

Дай сестерцѣй ему милліонъ, столь довольному малымъ,
И въ пять дней въ кошелькѣ ничего!—Ночь гуляетъ до утра;
Цѣлый день прохрапить!—Не согласенъ ни въ чемъ самъ съ собою!

Можетъ быть кто мнѣ замѣтитъ: «А самъ ты? ужель безъ пороковъ?»

20. Нѣтъ! есть они и во мнѣ, и не меньшіе, только другіе!

Меній однажды заочно надъ Новіемъ дерзко смѣялся.⁸

Кто-то сказалъ: «А тебя мы не знаемъ? — пль намъ неизвѣстно

Самъ ты каковъ?»—А Меній въ отвѣтъ: «О! себѣ я прощаю!»

Это пристрастье къ себѣ самому и постыдно и глупо!

25. Если свои недостатки ты видишь въ туманѣ; за чѣмъ же

Видишь ихъ зорко въ другихъ, какъ орель, или змѣй энцидавской?⁹

Вѣрь мнѣ: за то и они все твои недостатки припомнятъ!

«Этотъ строптивъ, говорятъ, ни малѣйшей не вытерпитъ шутки!

Да! хоть надъ грубою тогой, висящей до пятъ; надъ короткой

30. Стрижкой волосъ; надъ широкою обувью—можно смѣяться:

Но онъ честенъ и добръ, и нѣтъ лучше его человѣка!

Но надежный опъ другъ; но подъ этой наружностью грубой

Геній высокій сокрытъ и прекрасныя качества духа!¹⁰

Ты испыталъ бы себя: не посѣялаъ мать природа

35. Или дурная привычка—въ тебѣ недостатка какого,

Или порока?—Дурную траву сожигаютъ; но знаешь —

Гдѣ родится она?—На оброшенномъ пахаремъ полѣ!

Страстью любви ослѣпленный не видитъ ничуть недостатковъ

Въ милой подругѣ; даже ему и ея безобразье

40. Правится: такъ любовался Балбинъ и наростомъ у Агны!

Еслибъ мы такъ заблуждались и въ дружбѣ; сама добродѣтель

Вѣрно почтилабъ тогда заблужденье подобное въ другѣ!

Въ другѣ его недостатки должны мы сносить терпѣливо,

Также, какъ въ сынѣ отецъ снисходительно многое терпѣть!

45. Если сынъ косъ, говоритъ: «у него разбѣгаются глазки!»
 Если онъ малъ, какъ уродецъ Спзифъ, ¹¹ называетъ цыпленкомъ!
 Ежели сынъ кривоногъ, онъ бормочетъ сквозь зубы, что пятки
 Толсты немножко; за тѣмъ онъ на нихъ такъ и держится слабо!

Такъ ты суди и о другѣ: ежели скупо живетъ онъ —

50. Ты говори, что твой другъ бережливъ; а хвастливъ онъ, насмѣшливъ —
 Ты утверждай, что друзьямъ онъ понравиться шутками хочетъ;
 Ежели грубъ онъ и вольностей много себѣ позволяетъ —
 Ты за прямаго и смѣлаго выставь его человѣка;
 Если онъ бѣшенъ — скажи, что немножко горячъ! — Вотъ какъ дружбы

55. Связи хранятся, и вотъ какъ согласье людей съединяетъ!

Мы же напротивъ готовы черпнуть добродѣтель; наводимъ

Слой на прекрасную вазу. ¹² — Честнаго, скромнаго мужа
 Мы назовемъ простякомъ; а кто медленъ — тупымъ и тяжелымъ!
 Ежели кто осторожно людской западни избѣгаетъ;

60. Если, живя межъ людей и завистныхъ, и злобныхъ, и хитрыхъ,
 Злому не выдастъ себя безоружной своей стороною,
 Мы говоримъ: онъ лукавъ; а не скажемъ, что онъ остороженъ!
 Если кто простъ въ обращеньѣ — какъ я, Меценатъ, предъ тобою
 Часто бываю — чуть приходомъ своимъ, иль своимъ разговоромъ,

65. Въ чтеньѣ онъ насъ развлечетъ, въ размысленіи намъ помѣшаетъ:
 Тотчасъ готовы сказать, что въ немъ вовсе нѣтъ здраваго смысла!
 Ахъ, сколь безумно даемъ на себя же мы эти законы!
 Кто безъ пороковъ родится! — Тотъ лучше другихъ, въ комъ ихъ меньше
 Снисходительный другъ, какъ и должно — мои недостатки

70. Добрыми свойствами вѣрно пополнить; и если ихъ больше,
 Склонится къ добрымъ, когда онъ желаетъ и самъ быть любимымъ!

Съ этимъ условьемъ и самъ онъ на тѣхъ же вѣсахъ оцѣнится!
Если ты хочешь, чтобъ другъ твой горбовъ у тебя не замѣтилъ,
Самъ не смотри на его бородавку!—Кто спсеходенья

75. Хочетъ къ себѣ самому, тотъ умѣй спсеходить и къ другому!

Ежели гнѣвъ и порывы безумья, которые сродны
Слабости нашей природы, нельзя истребить совершенно,
Что же разсудокъ съ своимъ и мѣрой и вѣсомъ?— За чѣмъ же
Онъ не положить за все соразмѣрнаго злу наказанья?...

80. Еслибъ кто раснялъ раба, со стола относившаго блюда,
За проступокъ пустой, что кусокъ полусъѣденной рыбы,
Или простывшей подливки, онъ бѣдный дорогой отвѣдалъ:
Ты бы сказалъ, что безумнѣе онъ Лабеона! ¹³ — А самъ ты
Сколько безумнѣе, сколько виновнѣе! — Другъ предъ тобою

85. Въ самой бездѣлкѣ пустой провинился; а ты не прощаешь!

Вѣрь: все за это жестокимъ тебя назовутъ!—Ненавистно
Ты убѣгаешь его, какъ должникъ убѣгаетъ Друзона!

Какъ должникъ, съ наступленьемъ календы, не имѣя готовыхъ
Ни процентовъ, ни суммы, радъ провалиться несчастный,

90. Толькобъ предъ нимъ не стоять, какъ плѣвному, вытянувъ шею,

Толькобъ не слушать его нестерпимыхъ и скучныхъ исторій! ¹⁴

Какъ! Другъ столовое ложе мое замаралъ; или Эвандра ¹⁵

Старую чашу съ стола уронилъ; или съ блюда цыпленка

Взялъ, не смотря, что онъ былъ предо мной: и за это на друга

95. Я осержусь?—Да чтожь бы я сдѣлалъ, когдабъ обокралъ онъ,

Тайнѣ моею измѣнилъ, или мнѣ не сдержалъ обѣщанья?...

Тѣмъ, для которыхъ вины все равны—нѣтъ самимъ оправданья!

Противъ нихъ все вопіетъ: и разсудокъ, и нравы, и польза—

Мать справедливости, мать правоты—ихъ все осуждаетъ!

100. Люди, вначалѣ, когда, какъ стада беззловесныхъ животныхъ,
Пресмыкались они по землѣ — то за темныя норы,
То за гореть желудей — кулаками, ногтями дрался;
Билися палкамъ, послѣ оружіемъ; выдумавъ слово,
Стали потомъ называть именами и вещи и чувства. ¹⁶
105. Тутъ уклонились они отъ войны; города укрѣпили;
Противъ воровъ, любодѣевъ, разбойниковъ — дали законы:
Ибо и прежде Елены многія жены — постыдной
Были причиной войны; но всѣ эти, какъ дикіе звѣри,
Женъ похищавшіе чуждыхъ, отъ сильной руки погибали
110. Смертью безгласной — какъ быкъ погибаетъ, убитый сплывѣйшимъ!
Если раскроетъ кто дѣтопись міра, вѣковъ и народовъ,
Долженъ признать, что законъ произошелъ — отъ боязни неправды!
Правды съ неправдой натура никакъ различить не умѣетъ,
Такъ, какъ она различаетъ пріятное — съ тѣмъ, что противно!
115. Просто разсудкомъ нельзя доказать, что и тотъ, кто каушту
Въ огородѣ чужомъ поломалъ, и тотъ, кто похитилъ
Утварь изъ храма боговъ — преступленіе оба свершили! ¹⁷
Нужно, чтобъ правдо было и имъ полагалось возмездье
Равнымъ вины, чтобъ бичемъ не наказанъ былъ легкой проступокъ!
120. Впрочемъ, чтобъ розгою ты наказалъ, заслужившаго больше,
Этого я не боюсь! — Ты всегда говоришь, что различья
Нѣтъ межъ большой и межъ малой вины, межъ разбоемъ и кражей;
Что ты все бы одною косою скосилъ безъ разбора,
Еслибъ высокою властью почтили тебя сограждане!
125. Еслижъ мудрецъ, по твоимъ же словамъ, ¹⁸ и богачъ, и саюзникъ,
И красавецъ, и царь: такъ чего же желать, все имѣя?...
«Ты не понялъ меня — говоришь ты — Хризиниъ, нашъ наставникъ ¹⁹

Такъ говорить, что мудрецъ, хоть не шьетъ сапоговъ и сандалій,
Но сапожникъ и онъ!»—Почему? — «Потому, что и молча

130. Гермогенъ—все отличный пѣвецъ; а Альфенъ—все искусный
Былъ брадобрѣй, хоть и бросилъ онъ бритвы, и заперъ цирюльню! ²⁰
Такъ и мудрецъ!—Онъ искусенъ во всемъ; онъ всею обладаетъ!
Слѣдственно онъ надъ всеми и царь!»—Хорошо! отъ чего же
Ты невластенъ мальчишекъ прогнать, какъ они всей толпою
135. Бороду рвутъ у тебя, и какъ ты надрываешься съ крику?...

Ты и мудрецъ, ты и царь; а лаешь на нихъ попустому!

Кончимъ!—Пока за квадрантъ ты, властитель, отправишься въ баню,
Съ свитой покуда незнатной, съ однимъ полуумнымъ Криспиномъ,
Я остаюся съ друзьями, которые—въ чемъ по незнанью

140. Я погрѣшу, мнѣ охотно простать; я тоже охотно
Ихъ недостатки сношу!—И хоть я гражданинъ неизвѣстный,
Но увѣренъ, счастливѣй тебя проживу я на свѣтѣ!

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 1. сат. 3.

—

1) Ст. 3. Этотъ пѣвецъ, Тигеллій сардинскій (см. примѣч. къ сат. 2 ст. 3) игралъ немаловажную роль во время молодости Горація. Прелесть его голоса и гибкость характера ввели его въ такую милость къ диктатору Юлію-Цезарю, что Цицеронъ, въ письмѣ къ Фабію Галлу, считаетъ Тигеллія между *familiarissimi* Цезаря. Цицеронъ, въ это время, навлекъ на себя немилость знаменитаго пѣвца, и все письмо его относится къ этому обстоятельству, къ которому однако мужъ консуларный, кажется, былъ не такъ равнодушенъ, какъ ему хочется представить, хотя, впрочемъ, онъ называетъ Тигеллія «такимъ человѣкомъ, который заразительнее даже воздуха своего отечества.» Довольно сказать, что Тигеллій былъ однимъ изъ тѣхъ незаконныхъ сыновъ счастья, которые въ бѣдственныя времена триумвиратства выходили въ люди, или посредствомъ пріятныхъ талантовъ, или еще болѣе посредствомъ самаго прибыльнаго таланта—быть всѣмъ довольнымъ и годиться на такія услуги, на которыя ни одинъ честный человѣкъ не согласится.

При имени *Тигеллія* слово *сардинецъ* совсѣмъ не лишнее, потому что оно показываетъ презрѣніе къ нему Горація. Сардинцы съ давнихъ временъ были у Римлянъ въ худой славы. Когда Семпроній Гракхъ (въ 514 г. Р.) завоевалъ этотъ островъ, почти всѣ жители были привезены въ Римъ и проданы въ рабство; а такъ какъ этаго товара было много, и товаръ былъ плохой, то и произошла пословица: *Sardi venales, alius alio nequior!* *Сардинцы продажныя, одинъ другаго негодиле.*

2) Ст. 4. Здѣсь говорится объ Августѣ, который тогда назывался еще Цезаремъ.

3) Ст. 5. Отцемъ названъ здѣсь Юлій-Цезарь, которымъ былъ усыновленъ Августъ.

4) Ст. 6. Обѣдъ начинался у Римлянъ янцами, а оканчивался яблоками, какъ и у насъ десертомъ. И потому: *съ лицъ и до яблокъ*, значить. съ начала обѣда и до конца.

5) Ст. 7. Пришывъ: io Vasche!

6) Ст. 11. Изъ этого мѣста и изъ примечанія одного схоластика можно догадываться, что и въ праздникъ Юноны былъ въ употребленіи процессіи, въ которыхъ являлись санергогі, корзиноносцы. Первоначально такъ назывались жреческія дѣвы, которыя въ Аэнахъ, въ праздники Минервы и Цереры, носили на головѣ, въ корзинахъ, некоторыя символическія вещи, принадлежащія къ ихъ мистеріямъ. Такъ какъ при этомъ положеніи тѣла очень выгодно выказывается станъ молодой дѣвцы, то въ изображеніи канефоръ упражнялись искуснѣйшіе ваятели древности.

7) Ст. 13. *Тетрархи*, четверовластники, были собственно правители провинцій.

8) Ст. 21. *Меній* былъ известный расточитель и развратникъ, котораго имя, вѣроятно еще по сатирамъ Луцілія, вошло въ пословицу. Вѣроятно его же изображаетъ Гораций въ эпистолѣ къ Нумонію Валъ. Схоластики разсказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды, въ первый день новаго года, когда желанія и обѣты торжественно приносились передъ богами, онъ во всеуслышаніе молился въ Капитолиі, чтобы имѣлъ четыреста сестерцій долгу. На вопросъ изумленнаго слушателя о такомъ странномъ прошеніи, Меній отвѣчалъ: «если Юпитеръ приметъ мою молитву, я буду отъ этого 50 процентовъ въ выигрышъ, потому что я долженъ восемь сотъ тысячъ.» Его имя сохранилось въ Римѣ по *Меніевой колоннѣ* на римскомъ форумѣ. То мѣсто, гдѣ она находилась, при продажѣ Меніемъ своего дома подѣ построеніе базилики, удержано было имъ за собою, для того, чтобы смотрѣть оттуда на гладиаторскія игры. Промотавшись совсѣмъ, онъ промышлялъ какъ шутъ и прихлебатель.

9) Ст. 26. *Эпидавръ* — городъ въ Пелопоннѣ, известный храмомъ Эскулапа. Змѣй почитался у древнихъ животнымъ, имѣющимъ самое острое зрѣніе. Здѣсь упоминается змѣй эпидаврскій не потому, чтобы ему приписывалась преимущественно острота зрѣнія; но потому, что это животное посвящено было Эскулапу.

10) Ст. 28—33. Некоторые полагаютъ, что эти шесть стиховъ относятся къ Виргилію, который небрежно носилъ волосы, и мало заботился о своей одеждѣ.

11) Ст. 46. Любимый кардо триумвира Марка Антонія, прозванный *Сизифомъ* по причинѣ его злости и хитрости, который былъ ростомъ менѣе двухъ футовъ. Обычай имѣть у себя карловъ, кажется, былъ въ это время всеобщимъ у знатныхъ римлянъ; ибо Светоній замѣчаетъ (с. 83), какъ нѣчто необыкновенное, что Августъ не любилъ карловъ. Впрочемъ, кажется, онъ говоритъ собственно о безобразныхъ карлахъ: покрайней мѣрѣ у внука Августа, Юлія, былъ египетскій карла *Канопъ*, который былъ не многимъ выше двухъ футовъ; а супруга Августа, Ливія, имѣла у себя карлицу, вольноотпущенницу, именемъ *Андромеду*, таковаго же роста.

12) Ст. 57. Значить метафорически: затемнять самыя лучшія качества.

13) Ст. 83. Все схоластики, а за ними и новѣйшіе комментаторы, соглашаются, что здѣсь говоритъ Гораций объ *Антистѣ Лабоннѣ*, одномъ изъ знаменитѣйшихъ

правъ вѣдѣвъ Рима. Но все они основываются на одной догадкѣ: на томъ, что Лабеоны противѣрщили Августу всякой разъ, когда онъ уклонялся отъ древнихъ обычаевъ республики; они даже приписываютъ Горацию намѣреніе выслужиться этимъ передъ Августомъ.

Но Виландъ опровергаетъ это непрровержимой діалектикой. Почитаю нужнымъ выписать здѣсь почти все слова остроумнаго и тонкаго критика.

«Отецъ *Лабеоны*, говоритъ онъ, въ то время, когда вздымалась свобода Рима, былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ тѣхъ людей, которые низвергли Цезаря. *Лабеоны*, сынъ его, въ такой степени наследовалъ отъ отца любовь къ республикѣ, что по словамъ Тацита (*Annal.* 75), «сохранилъ и при вѣствованіи Августа душу свободную и неразвращенную;» хотя онъ, въ то время, когда Бруты и партія Помпея употребляли послѣднія усилія для спасенія свободы, былъ еще столь молодъ, что не могъ сражаться за одно съ ними. Въ то время онъ вѣроятно былъ занятъ еще пригтовительнымъ ученіемъ; или занимался, подъ надзоромъ тогдашнихъ правовѣдѣвъ, напр. К. Требація, наукою и практикою римскаго права: въ чемъ онъ въ послѣдствіи успѣлъ до такой степени, что онъ и *Апейи Капитоны* считались первыми знатоками въ этомъ родѣ знанія. Оба они, во время правленія Августа, были, по выраженію Тацита, *duo pacis decora*, «два украшенія гражданскаго состоянія.» *Sed Labeo incorrupta libertate*, прибавляетъ онъ, *et ob id famâ celebrationis Capitonis obsequium dominantibus magis probabatur.* «Но Лабеонова непокупная свобода приобрьла ему болѣе славы; а Капитонова угодливость сдѣлала его пріятнѣе людямъ властнымъ.» Лабеоны, вѣрный характеру истиннаго древне-римскаго юриста, жилъ въ окованномъ Римѣ такъ, какъ будто онъ совсѣмъ не зналъ, что его отечество потеряло дѣйствительно ту свободу, которая ему принадлежала по праву. Хотя это не было средствомъ поправиться Августу; однакожь, при такомъ боязливомъ похитителѣ власти, которому очень хотѣлось придать своему вѣствованію видъ пріятнаго и народнаго правленія, это было вѣрное средство быть у него въ уваженіи. Замѣчательный тому примѣръ, что когда Августъ нашелъ нужнымъ (735 г. Р.) преобразовать и очистить сенатъ, *Лабеоны* былъ однимъ изъ тѣхъ тридцати мужей, которымъ, подъ клятвенною обязанностію, дано было право выбрать каждому по пяти сенаторовъ. При этомъ-то случаѣ оказалъ онъ два опыта своей неуголивости. Каждому римлянину было извѣстно, какъ ненавистенъ былъ Августу старый Лепидъ, прежній его товарищъ по триумвиратству, у котораго онъ отнялъ всю власть, котораго онъ изгналъ изъ Рима, и которому онъ не оставилъ ничего, кромѣ титула первосвященника, *Pontifex maximus*, при чемъ сохранилась ему покрайней мѣрѣ личная неприкосновенность. А *Лабеоны*, при назначеніи въ сенатъ, изъ первыхъ выбралъ Лепида. Августъ въ первомъ движеніи гнѣва, не могъ удержаться, чтобъ не сказать ему, что назначеніемъ такого недостойнаго человека, каковъ Лепидъ, онъ нарушилъ свою клятву!—«Каждый имѣетъ право судить по своему собственному воззрѣнію;» — отвѣчалъ ему Лабеоны — «почему не почитать мнѣ достойнымъ сенаторскаго званія того, котораго ты оставилъ первосвященникомъ?»—Это, говоритъ Діонъ, было сказано кстатн, и Августъ успокоился. Вскорѣ послѣ этого, для личной безопасности Августа, по открытіи противъ него заговора, предложено было въ сенатѣ,

чтобы впредь одинъ изъ сенаторовъ, по очереди, находился на стражѣ въ передней его комнатѣ. «Что касается до меня, сказали Лабеоны, я не гожусь къ этой должности, потому что я во снѣ храплю.» Светоній хвалитъ Августа, что онъ оставилъ эти случаи безъ отмщенія; но Лабеоны чрезъ это не сдѣлали ему любезнѣе. Августъ, по словамъ Тацита, тѣмъ охотнѣе способствовалъ Атею Капитону въ полученіи консульства, чтобы онъ покрайней мѣрѣ этимъ званіемъ былъ выше Лабеоны.

«Это историческое извѣстіе о Лабеоны можетъ способствовать, съ перваго взгляда, къ рѣшенію вопроса: одно ли лице составляетъ этотъ М. Антоній Лабеоны съ тѣмъ Лабеономъ, о которомъ говоритъ Гораций, какъ о безумномъ.

«Между тѣмъ есть еще одно основаніе къ полной увѣренности, что безумный Лабеоны Горация—не есть знаменитый юристъ этого имени. Въ то время, когда Гораций написалъ эту сатиру, онъ не могъ быть ни преторомъ, ни однимъ изъ тридцати избирателей сената, потому что онъ былъ тогда еще очень молодымъ человекомъ. Если онъ, при назначеніи своемъ въ избиратели новаго сената былъ лѣтъ сорока, то онъ не могъ родиться прежде 696 г. Р. Следовательно, около 715 или 716 года, когда Гораций написалъ эту сатиру, онъ былъ лѣтъ девятнадцати, и не могъ никакими открытыми поступками и открытымъ противорѣчіемъ заслужить неблаговоленіе Августа и названіе безумнаго. Придаточное же имя Лабеоны принадлежало очень многимъ римскимъ фамиліямъ, которые не были въ родствѣ между собою.

«По всей вѣроятности Лабеоны, о которомъ упоминается у Горация, былъ дѣйствительно сумасшедшій; и безъ сомнѣнія это было всею столь извѣстно, что слова Горация были тогда для всякаго понятны.»

14) Ст. 91. Въ нѣкоторыхъ издавіяхъ Druso; въ другихъ Ruso. Одинъ схолиастъ называетъ его: Octavius Ruso. Вотъ слова его: Octavius Ruso acerbus foenerator fuisse, dicitur, item historiarum scriptor, et quas audientas significat solitum fuisse cogere debitores suos. «Октавій Рузонъ былъ, говорятъ, жестокій ростовщикъ и сочинитель исторій, къ слушанію которыхъ имѣлъ обычай принуждать своихъ должниковъ.» Если это такъ, то это черта очень забавная, хотя наброшенная мимоходомъ на плохаго автора, который заставляетъ должниковъ слушать свои ссчненія.

15) т. 92. Эвандръ — древній царь Италіи, какъ полагаетъ Дасье и нѣкоторые комментаторы. Другіе съ нимъ несогласны, и приписываютъ здѣсь имя Эвандра художнику, который, по смерти триумвира Алтонаія, вмѣстѣ съ другими пльвиници, былъ привезенъ въ Римъ, и обогатилъ его множествомъ прекрасныхъ произведеній своей работы. Бендлей и Винкельманъ того же мнѣнія.

16) Ст. 100—104. «Хотя Гораций, въ нравственной своей философій, говоритъ Виландъ, обнаруживаетъ въ себѣ послѣдователя Сократовой школы, къ которой и Эпикуръ, въ моральной части своего ученія, подходилъ довольно близко; однако, что касается до понятій Горация о мѣрѣ и о происхожденіи вещей, кажется, мнѣнія Эпикурейцевъ объ этомъ предметѣ представлялись ему и естественнѣе, и покойнѣе другихъ. И потому неудивительно, что о происхожденіи человекъ онъ думалъ какъ

Лукрецій. Впрочемъ, здѣсь цель его показать, что понятія о *привомъ и неправомъ* происходятъ отъ просвѣщенія, а не отъ природы.»

Это замѣчаніе справедливо; но тѣмъ не менѣе вотъ понятія о первобытномъ чело-
вѣкѣ—древняго поэта, умнаго, просвѣщеннаго, но язычника. Кто просвѣтилъ насъ,
если не Моисей и не законъ христіанскій? И не смотря на это, нѣкоторые фило-
софы изъ христіанъ, хотя не христіанскіе философы, какъ напримѣръ Руссо, дума-
ли, какъ язычникъ Гораций, что люди сначала ходили на четверенькахъ, и питались,
какъ звѣри, дикими кореньями!

17) Ст. 117—130. Цицеронъ сохранилъ намъ именно тѣ самыя правила, надъ
которыми смѣется здѣсь Гораций. Это мѣсто находится въ рѣчи Цицерона за Му-
рену. Вотъ оно:

«Былъ между греками челоѣкъ великаго ума, Зеновъ, котораго послѣдователи
«называются стоиками. Вотъ нѣкоторые изъ ихъ правилъ. Мудрый не смотритъ ни
«на какія титула. Онъ не прощаетъ ни одной вины; ибо сожалѣніе и снисходитель-
«ность суть слабость и глупость. Недостойно челоѣка ни разжалобиться, ни усту-
«пить чьей-либо прозвѣбъ. Мудрецъ, даже и горбатый, есть красавецъ; онъ богачъ,
«хотя проситъ милостыни; онъ царь даже и въ рабствѣ. Мы все не будучи мудре-
«цамъ, рабы и безумные. Все вины равны; всякая вина есть преступленіе. Кто уни-
«чаетъ цыпленка, не имѣя на то права, столько же виновенъ, какъ и тотъ, кто за-
«рѣзалъ отца. Мудрый никогда не раскаивается, никогда не ошибается, никогда не
«перемѣняетъ своего мнѣнія.

«И, въ моей молодости, не надѣясь на собственное знаніе, искалъ, какъ и Ка-
«тонъ, наставленій философовъ; но учителя, которымъ я слѣдовалъ, Платонъ и Ари-
«стотель, имѣютъ свои правила. Ихъ ученики, люди умеренные въ своихъ мнѣні-
«яхъ, полагаютъ, что и мудрецъ можетъ уступать обстоятельствамъ и особымъ
«уваженіямъ; что челоѣкъ можетъ уступить жалости; что есть степени и въ пре-
«ступленіяхъ, и въ наказаніяхъ; что добродѣтель и твердость могутъ милловать; что
«самъ мудрецъ можетъ иногда быть увлеченъ гнѣвомъ и тронуть чувствомъ соболз-
«нованія; что онъ можетъ, безъ всякаго стыда, обдумать вновь, имъ сказанное, и
«перемѣнить свое мнѣніе, если находитъ лучшее; что наконецъ все добродѣтели имѣ-
«ютъ нужду въ мѣрѣ, и должны опасаться крайностей.»

18) Ст. 125. Здѣсь начинается првіе съ стоикомъ. Весь конецъ этой сатиры
направленъ противъ тѣхъ, которые выводили крайности изъ мнѣній этой школы,
которая была столь сильна въ Римѣ, что составляла почти секту. Съ перваго взгля-
да эта сатира кажется однимъ опроверженіемъ людей, строгихъ къ чужимъ поступ-
камъ. Но Гораций, челоѣкъ тонкій, дальновидный и приверженный къ Августу,
вероятно имѣлъ мысль политическую. Секта стоиковъ была единственная оппозиція
Рима противъ самовластительства.—Кто не могъ пережить республики?—Не Катонъ
ли, принадлежавшій къ сектѣ стоиковъ!—«Истинные враги власти, говоритъ Пизаръ,
были стоики! Подъ одеждой моральной свободы, у нихъ скрывались и воспоминанія
о прежней свободѣ политической. Эти длиннобородые люди составляли нѣкоторый
родъ общины, неприязненной императорскому правительству. Когда Домиціанъ из-

гналъ изъ Рима философовъ, это было не по причинѣ ихъ страшной одежды, и не для дикаго и безумнаго удовольствія преслѣдовать словесность и науки въ лицѣ нѣсколькихъ діалектиковъ. Домцианъ боялся секты умствующей и воинствующей, секты, изъ которой выходили тѣ немногіе высокіе умы, которые могли еще приносить честь этому періоду; особенно же тѣ безстрашные люди, которые умѣли умирать и не на полѣ сраженія, и не отъ рукъ палачей! Тамъ только и были заговорщики; тамъ только и отворяли себѣ жилы! — Конечно Августъ былъ не Домцианъ; но республики уже не было, а стовки были и въ его время стовки. Гораций умѣлъ представить ихъ въ каррикатуры; но тѣмъ не менее и правила ихъ представлены вѣрно. Каррикатурно только примѣненіе ихъ правилъ къ лицу, выведенному на сцену. Въ отношеніи къ цѣли эта сатира, вмѣстѣ съ третьєю же 2-й книги, можетъ быть, важнѣйшія изъ всѣхъ сатиръ Горация.

19) Ст. 127. *Хризиппъ*, который непосредственно послѣ Клеанта занялъ кафедру стоической философіи перваго основателя ея Зенона. Гораций называетъ его: *отецъ Хризиппъ* потому что онъ у стовковъ былъ въ такомъ уваженіи, что они говорили: «безъ Хризиппа не было бы и стовк.» Онъ написалъ семьдесятъ книгъ, которыя до насъ не дошли. Я не могъ перевести выраженія: *pater Chrisippus*.

20) Ст. 131. Обыкновенно полагаютъ, что это относится къ знаменитому юристу *Публию Аффену Вару*. Но это мнѣніе не имѣетъ другаго основанія, кромѣ словъ одного схоластика. Юриспрудентъ Аффенъ пережилъ Горация, а Гораций говоритъ въ прошедшемъ времени: былъ. Этотъ неизвѣстный Аффенъ былъ кто иль-будь другой.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЪ ЗАЩИТУ САТИРЫ.

- Аристофанъ и Эвпóлпсъ, Кратинъ, ¹ и другіе поэты,
Мужи, которые древней комедіи славою были, ²
Если кто стоилъ представленнымъ быть на позорище людямъ, ³
Воръ ли, убійца ль, супружнихъ ли правъ оскорбитель безчестный,
5. Смѣло, свободно его на позоръ выставляли народу!
Въ этомъ послѣдовалъ имъ и Луцилій, ⁴ во всемъ имъ подобный,
Кромѣ того, что въ стихѣ измѣнилъ онъ и мѣру и стопу. ⁵
Весель, тонокъ, остеръ; но въ составѣ стиха былъ онъ жѣстокъ:
Вотъ въ чемъ его былъ порокъ!—Онъ считалъ за великое дѣло
10. Двѣсти стиховъ просказать, на одной на ногѣ простоявши! ⁶
Мутнымъ потокомъ онъ текъ; а найти въ немъ хорошее можно!
Но—многословенъ, лѣнивъ, не любилъ онъ трудиться надъ слогомъ
Многоль писалъ—умолчу! ⁷ — Но я вижу Криспина;
Вотъ... подзываетъ мизинцемъ меня: ⁸ «Возми-ка таблички,
15. Ежели хочешь; назначимъ свидѣтелей, время и мѣсто;

Да и посмотримъ: кто больше напишетъ!»—О нѣтъ! превосходно
Сдѣлали боги, что дали мнѣ умъ и скудный, и робкій!

Рѣдко и мало я говорю; но тебѣ не мѣшаю,

Если угодно тебѣ, подражать раздувальному мѣху

20. И трудиться, пока отъ огня размягчится желѣзо!

Счастливый Фанній! Онъ все сочиненья свои и свой обликъ

Выставилъ самъ, хоть никто не просилъ! ⁹ — Но моихъ сочиненій

Не читаетъ никто; а публично читать я боюсь,

Потому что не мало людей, порицанья достойныхъ:

25. Имъ не нравится родъ мой! ¹⁰ — Возми изъ толпы на удачу—

Этотъ терзается скупостью; тотъ честолюбьемъ несчастнымъ;

Этому нравятся женщины; этому мальчики милы;

Этого блескъ серебра восхищаетъ, а Альбія бронза!

Этотъ мѣняетъ товары ¹¹ отъ странъ восходящаго солнца

30. До земель, гдѣ оно заходящими грѣетъ лучами: ¹²

Умножая богатства, убытковъ страшась, онъ несется,

Онъ сквозь опасности мчится, какъ прахъ, воздвигаемый вихремъ!

Все, кто боится стиховъ, ненавидятъ за нихъ и поэта!

«Съно, кричатъ, на рогахъ у него!» ¹³ — «Берегись! Онъ и друга

35. Не пощадить; принуждаетъ себя, лишь бы только смѣяться!

Только бъ ему написать, всемъ мальчишкамъ, старухамъ,

Изъ пекарни ль, съ прудà ли идутъ, всемъ ужъ будетъ извѣстно!»

Хорошо! Но примптежь два слова въ мое оправданье!

Первое: я не считаю себя въ тѣхъ, которыми бы далъ я

40. Имя поэта; ¹⁴ стихъ заключить въ извѣстную мѣру—

Этого мало!—Ты самъ согласишься, что кто,, намъ подобно,

Пишетъ, какъ говорятъ, тотъ не можетъ быть признанъ поэтомъ! ¹⁵

Этого имени честь прилична лишь генію, духу—

Божеской силы; устамъ—великое міру гласящимъ! ¹⁶

45. Вотъ отъ чего и комедія многихъ вводила въ сомнѣнне ,

И поэма ль она, или нѣтъ, подвергалось вопросу;

Ибо ни силы въ ней духа, ни рѣчи высокой: отлична

Только извѣстною мѣрой стиха отъ рѣчей разговорныхъ. ¹⁷

«Такъ! но и въ ней—не гремитъ ли отецъ, пламенѣющей гнѣвомъ, ¹⁸

50. Ежели сынъ, безъ ума отъ развратницы, бракъ отвергаетъ,

Отъ невѣсты съ приданнымъ бѣжить, и при свѣточахъ, пьяный,

Засвѣтло бродитъ туда и сюда!» ¹⁹ — Но развѣ Помпоній,

Еслибы живъ былъ отецъ, не тѣ же бы слышалъ угрозы? ²⁰

Слѣдственно гладкихъ стиховъ для комедіи мало, хотя бы,

55. Мѣру отнявъ, могъ и всякій отецъ такъ грозиться!

Ежели мѣры и такта лишитъ все, что нынѣ пишу я

И что прежде Луцилій писалъ, и слова переставитъ,

Первое сдѣлать послѣднимъ, послѣднее первымъ: (не такъ, какъ

Въ этихъ извѣстныхъ стихахъ: «когда желѣзные грани

60. И затворы войны сокрушились жестокимъ раздоромъ») ²¹

Въ насъ невозможно найти и разбросанныхъ членовъ поэта! ²²

Но поэма ль комедія, или она не поэма,

Это оставимъ до времени. ²⁵ Вотъ въ чемъ вопросъ: справедливо ль

Ты считаешь опасной сатиру?—Пусть Сульцій и Капрій,

65. Оба охрипые, въ жаркомъ и сильномъ усердіи оба,

Ходятъ съ доносомъ въ рукахъ, негодяевъ къ великому страху; ²⁴

Но—кто честно живетъ, тотъ доносы и ихъ презираетъ!

Если на Целія, Бирра, разбойниковъ, самъ и похожъ ты, ²⁵

Все я не Капрій, не Сульцій: чего же меня ты боишься?

70. Въ книжныхъ лавкахъ нѣтъ вовсе моихъ сочиненій, невидю

Объявленій объ нихъ, прибитыхъ къ столбамъ; ²⁶ и надъ ними

Не потѣеть ни черни рука, ни рука Гермогена! ²⁷

Я ихъ читаю только друзьямъ; но и то съ принужденъемъ,

Но и то не вездѣ, не при всѣхъ!—А многіе любятъ

75. Громко читать, что напишутъ, на форумѣ, даже и въ банѣ,

Ибо въ затворенномъ мѣстѣ звончѣй раздается ихъ голосъ! ²⁸

Суетнымъ людямъ пріятно оно; а прилично ли время,

Нужды имъ нѣтъ безразсуднымъ!—«Но ты, говорятъ мнѣ, ты любишь

Всѣхъ оскорблять! Отъ природы ты склоненъ къ злорѣчью!»—Откуда

80. Это ты взялъ?—Кто изъ жившихъ со мной въ томъ меня опорочить?

Если заочно злословить кто друга, или злорѣчье

Слыша другаго о немъ, не промолвить ни слова въ защиту;

Если для славы забавника выдумать радъ небылицу,

Или для смѣха готовъ разсказать пріятеля тайну:

85. Римлянинъ! вотъ кто опасенъ, кто чоренъ! Его берегися! ²⁹

Часто мы видимъ—три ложа столовыхъ; на каждомъ четыре

Гостя; одинъ, безъ разбора, на всѣхъ насмѣшками брызжетъ,

Кромѣ хозяина; ⁵⁰ но лишь напьется, лишь только откроетъ

Бахусъ сокрытое въ сердцѣ, тогда и тому достается!

90. Этотъ однакоже кажется всѣмъ и любезнымъ и кроткимъ,

Но откровеннымъ; а я, лишь за то, что сказалъ про Руфилла,

Что онъ пахнетъ духами, что козлищемъ пахнетъ Горгоній, ⁵¹

Я за это слыву у тебя и чернымъ и ѣдкимъ!

Если о кражѣ Петилія Капитоллина кто скажетъ

95. Вскользь при тебѣ: то посвоему какъ ты его защищаешь? ⁵²

«Онъ былъ мнѣ съ дѣтства товарищъ; а послѣ мы были друзьями;

Много ему я обязанъ за разныя дружбы услуги;

Право я радъ, что онъ въ Римѣ, и цѣлъ и безвреденъ; однакожь...

Какъ онъ умѣлъ ускользнуть отъ суда, признаюсь, удивляюсь!»

100. Вотъ гдѣ злословія чернаго ядъ; вотъ гдѣ ржавчины вѣдность!
 Этотъ порокъ никогда не войдетъ въ мои сочиненья,
 Особливо же въ сердце!—Если могу, общаюсь!

Если же вольно что сказано мною, и ежели слишкомъ
 Смѣло, быть можетъ, я пошутилъ, то вмѣстѣ съ прощеньемъ

105. Ты и дозвожь: мой отецъ приучалъ меня съ малолѣтства
 Склонностей злыхъ избѣгать, замѣчая примѣры пороковъ. ⁵⁵
 Если совѣтывалъ мнѣ онъ умеренно жить, бережливо,
 Быть довольнымъ и тѣмъ, что онъ нажилъ; онъ говорилъ мнѣ:
 «Развѣ не видишь какъ худо Альбія сыну; какъ Барусъ

110. Въ нуждѣ живеть? ⁵⁴ — Великой примѣръ, чтобъ отцемъ нажитое
 Дѣтямъ беречь!»—Отклоняя меня отъ любви постыдной,
 Онъ мнѣ твердилъ: «ты не будь на Сцетана похожъ!»—Отвращая
 Отъ преступныхъ связей: «хороша ли Требонія слава?»
 Мнѣ намекалъ онъ: «ты помнишь—застали его и поймали!» ⁵⁵

115. «Но—почему хорошо одного избѣгать; а другому—
 Слѣдовать: мудрый тебѣ объяснить! ⁵⁶ Для меня же довольно,
 Если смогу безъ пятна сохранить по обычаю древнихъ
 Жизнь и добрую славу твою, пока надзиратель
 Нуженъ тебѣ. Но какъ скоро съ лѣтами въ тебѣ поокрѣпнуть

120. Члены и разумъ: то будешь плавать тогда и безъ пробки!» ⁵⁷
 Такъ онъ ребенка меня поучалъ; и если что дѣлать
 Онъ мнѣ приказывалъ: «Вотъ образецъ!» говорилъ: «подражай же!»
 Съ этимъ указывалъ мнѣ на людей, отличившихся жизнью! ⁵⁸
 Если же что запрещалъ: «не въ сомнѣннѣ ли ты, что безчестно

125. И бесполезно оно?—ты вспомни такого-то славу!»
 Какъ погребенье сосѣда пугаетъ больнаго прожору
 Какъ страхъ смерти—его принуждаетъ беречься: такъ точно

Душу младую отъ зла удаляетъ безславе другаго!

Такъ былъ я сохраненъ отъ губительныхъ людямъ пороковъ!

130. Меньшіе есть и во мнѣ; но надѣюсь, вы ихъ мнѣ простите! ³⁹

Можетъ быть лѣта и собственный зрѣлый разсудокъ, быть можетъ

Другъ откровенный, меня и отъ тѣхъ недостатковъ излечать;

Ибо я, лежа въ постелѣ, ⁴⁰ иль ходя подъ портикомъ, вѣрете,

Размышляю всегда о себѣ!—«Вотъ это бы лучше,»

135. Думаю я: «вотъ такъ поступаю, я жилъ бы пріятнѣй,

И пріятнѣе былъ бы друзьямъ!—Вотъ такой-то нечестно

Такъ поступилъ; неужель, неразумный, я сдѣлаю тоже?»

Такъ иногда самъ съ собой разсуждаю я молча; когда же

Время свободное есть, я все это тотчасъ на бумагу!

140. Вотъ одинъ изъ моихъ недостатковъ, который однако

Если ты мнѣ не простишь, то нагрянетъ толпа стихотворцевъ;

Вступятся всѣ за меня; а насъ таки очень не мало!

И причислимъ тебя, какъ жида, мы къ нашей ватагѣ! ⁴¹

ПРИМЪЧАНІЯ.

КН. 1. САТИРА 4.

1) Ст. 1. *Аристофанъ* извѣстный греческій писатель комедій, род. за 427 лѣтъ до Р. Х. Изъ 54 написанныхъ имъ комедій дошло до насъ одиннадцать. *Кратинъ*, современникъ Аристофана, тоже аеяннинъ и сочинитель комедій, изъ которыхъ извѣстны только отрывки. Они были изданы въ 1827 г. въ Лейпцигѣ. *Эполоиъ*, тоже греческій комикъ, написалъ 17 комедій, которыя до насъ не дошли. О немъ ничего неизвѣстно, кромѣ преданія, что онъ погибъ въ морской битвѣ, и что аеянне, сожалея о потерѣ комическаго писателя, постановили законъ, воспрепятствующій поэтамъ подвергать жизнь свою опасности, даже и для защиты отечества.

Горацій упоминаетъ о нихъ, какъ о безпощадныхъ комикахъ. О двухъ послѣднихъ мы судить не можемъ; но кто не знаетъ силы и смѣлости Аристофановой, въ осмѣяніи не только пороковъ, но и лицъ современныхъ? Сократъ и Клиній были выставлены имъ на сценѣ, при ихъ жизни, и даже въ ихъ присутствіи. Когда никто изъ актеровъ не смѣлъ взять на себя роли Клинія, опасаясь его могущества, Аристофанъ вышелъ самъ на сцену въ лицѣ сильнаго и опаснаго человѣка.

2) Ст. 2. Древняя комедія получила это названіе послѣ переменъ, которыя произведены были послѣдующими комиками. Такимъ образомъ произошли три рода комедій: *древняя*, *средняя* и *новая*. Древняя переносила на сцену действительность: въ ней и содержаніе, и лица не были вымышлены; а брались изъ извѣстныхъ всѣмъ происшествій, и съ извѣстныхъ лицъ. Въ средней комедіи происшества были тоже случившіеся действительно; одни только имена лицъ были вымышленныя. Новая состояла вся изъ вымысла: авторы изобрѣтали и содержаніе, и дѣйствующія лица. Аристофанъ, не смотря на то, что Горацій причисляетъ и его комедію къ древней, первый началъ среднюю; почему, въ послѣднихъ его комедіяхъ, лица имѣютъ уже имена вымышленныя. См. объ этомъ въ моемъ переводѣ Гораціевой «Науке поэзіи», примѣч. 50 къ ст. 284.

3) Ст. 3. Какъ наприм. *Клеонъ*, *Гиперболъ*, *Клеофантъ*. Но эти древніе комики часто употребляли во зло свою свободу: Кратинъ не пощадилъ и *Перикла*, а

Аристофанъ *Сократа*. Они пользовались такою вольностію, что посредствомъ личинъ представляли извѣстнѣйшихъ людей въ Аѳинахъ, въ натуральномъ ихъ видѣ. Хотя эта вольность и нравилась народу, который, узнавая на сценѣ знакомыя лица, всегда встрѣчалъ ихъ рукоплесканіями; хотя это нравилось и высшимъ лицамъ Аѳинскаго народа, не всегда довольнымъ особами правительственнымъ: но наконецъ это наскучило и было воспрещено закономъ.

4) Ст. 6. *Эний* и племянникъ его *Пакувій*, писали сатиры прежде *Луцилія*; но сей послѣдній далъ имъ другую форму, другой оборотъ, и старался ближе подойти къ духу древней комедіи.

5) Ст. 7. Сочинители комедій писали ихъ ямбическими стихами; а *Луцилій* избралъ для своихъ сатиръ гексаметръ. Правда, что нѣкоторыя изъ нихъ писаны тоже ямбами, и даже хорееми; но изъ тридцати сатиръ, имъ написанныхъ, было двадцать гексаметромъ. *Гораций*, видно, обращаетъ вниманіе на большее количество.

6) Ст. 10. *Stans pede uno*. «Стоя на одной ногѣ.» Выраженіе метафорическое и поговорочное, почти пословица, означающая короткость времени. Я не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ, употребивши небывалый, кажется, глаголь: «просказать.» Мнѣ хотѣлось избѣжать нерусскаго слова: «диктовать,» котораго на нашемъ языкѣ нѣтъ, и который мы должны замѣнить цѣлой рѣчью.

7) Ст. 13. Отрывки изъ сатиръ *Луцилія* были собраны изъ разныхъ древнихъ писателей, приводящихъ изъ нихъ, гдѣ одинъ стихъ, гдѣ нѣсколько стиховъ. Хотя этихъ отрывковъ много, однако они не могутъ дать достаточнаго понятія объ этомъ стихотворцѣ. И потому мы не можемъ судить сами на сколько правъ *Гораций*, обвиняющій *Луцилія*, что стихи его грубы и льются мутнымъ источникомъ. Впрочемъ, недостатокъ мягкости и отдѣлки, кажется, виденъ и изъ этихъ извѣстныхъ намъ отрывковъ. О самомъ *Луциліи* сказано въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ десятой, этой же книги.

8) Ст. 14. Это метафора, взятая отъ обычая борцовъ. Тѣ, которые были уверены въ своей силѣ и презирали своихъ соперниковъ, вызывали ихъ на бой, подавая имъ знакъ мизинцемъ, чѣмъ давали имъ знать, что однимъ мизинцемъ хотятъ повергнуть ихъ на землю. О самомъ этомъ *Криспінъ* см. сат. 1 примѣч. 12 къ ст. 121.

9) Ст. 22. *Фанній*—были фамиліи плебейской; но отличились въ разныхъ должностяхъ. Отъ этого рода произошли разные извѣстные отрасли. Тотъ *Фанній*, надъ которымъ смѣется здѣсь *Гораций*, имѣлъ прованіе *Quadratus*. О немъ же упоминаетъ *Гораций* въ сат. 10 ст. 81.

Но какъ понимать слова подлинника: *ultra delatis capsis et imagine*, это признають все объяснители *Горация* неразрѣшимымъ затрудненіемъ. Полагають, что онъ перевесъ свои сочиненія и свое изображеніе въ публичную бібліотеку.—Но въ какую?—*Азиній Поліонъ*, по свидѣтельству *Плинія* старшаго, первый учредилъ публичную

библіотеку въ Римѣ. Палатинская библіотека основана Августомъ въ 726 г. отъ основ. Рима; слѣдовательно лѣтъ десять послѣ сочиненія этой сатиры. Если и положить, что библіотека Полюва въ это время уже существовала: то есть свидѣтельство Плинія, (7 с. 30), что бюстъ одного только *Терренція Варра*, при жизни самаго сочинителя, былъ поставленъ въ эту библіотеку.

Виландъ перевелъ это мѣсто словами: *перенесъ въ музей*; Фоссъ, въ своемъ переводѣ избѣгнувъ указанія мѣста. Ничь переводить просто: *въ библіотеку*. Французскіе переводчики, которые никогда не задумываются надъ трудностями, переводятъ: *въ храмъ Аполлоновъ*.—Принимая въ соображеніе, что у самаго Горация не упомянуто мѣсто, и что *Фанній* перенесъ свои сочиненія по собственному желанію, я, вмѣсто слова *перенесъ*, употребилъ слово *выставилъ*, и прибавилъ къ этому для поясненія: «хоть никто не просилъ.»—Думаю, что это всего ближе, если не къ выраженію, то къ мысли подлинника.

10) Ст. 25. То есть: сатира.

11) Ст. 29. Въ древности торговля состояла въ мѣнѣ. Когда наконецъ дошли до употребленія денегъ, прежнее выраженіе мѣны сохранилось въ языкъ отъ долговременнаго употребленія. И потому *mutare mercēs*, «мѣнять товары,» значитъ также «покупать и продавать.»

12) Ст. 30. Все кораблеплаваніе Римлянъ ограничивалось Средиземнымъ моремъ, которое простирается отъ запада къ востоку.

13) Ст. 34. Нѣкто *Сицилій*, который надоедалъ правительственнымъ людямъ своими просьбами, жалобами и замѣчаніями, никогда однако не приступалъ къ *Крассу*. — Кто-то спросилъ его: «отъ чего онъ одного *Красса* оставляетъ въ покоѣ?» — «У него сѣно на рогахъ!» отвѣчалъ этотъ беспокойный человекъ. Этотъ отвѣтъ вошелъ въ пословицу, которую употребляли, говоря о человекѣ опасномъ. Метафора эта взята отъ обычая сельскихъ жителей обвязывать сѣномъ рога бодливыхъ быковъ, дабы предупреждать проходящихъ, и избѣжать ответственности, положенной по закону XII таблицъ, на тотъ случай, если рогатое животное причинитъ кому-либо вредъ ударомъ роговъ. Этотъ законъ повелевалъ, (tab. VII) *Si quadrupes pauperiem faxit, dominus poxi aestimiam oferto, si nolet, quod poxit dato*. «Если чье четвероногое животное нанесло кому убытокъ, то хозяинъ да заплатитъ чего убытокъ стоитъ; а если не хочетъ, то пусть отдастъ животное.»

14) Ст. 40. Гораций—свое право поэта основывалъ впоследствіи на своихъ лирическихъ произведеніяхъ, какъ видно изъ многихъ его одъ, особенно же изъ знаменитой оды: *Ehedi monumentum*; а также и изъ 19 эпистолы (къ *Меценату*). Но когда онъ писалъ эту сатиру, онъ незадолго до этого только что началъ заниматься лирическимъ родомъ.

15) Ст. 42. Цицеронъ былъ такого же мнѣнія о стихахъ комическихъ стихотворцевъ. *At comicorum senarii propter similitudinem sermonis sic saepe abjecti, ut non-*

nunquam vix in his numerus et versus intelligi possit. «Шестистопные стихи комиковъ, по причинѣ сходства съ обыкновенною рѣчью, часто бываютъ такъ низки, что иногда нельзя различить въ нихъ мѣры и стиха.»

16) Ст. 44. Здѣсь находится это знаменитое выраженіе Горация: *os magna sonaturum*. Разумѣется, оно относится къ высокимъ родамъ поэзіи: къ эпосѣ, трагедіи и героической одѣ.

17) Ст. 48. Горацийъ разсуждаетъ здѣсь совершенно сообразно своему правилу. Три качества, говоритъ онъ, составляютъ поэта: богатство изобрѣтенія, сила восторга и благородство языка. Объ этомъ же говоритъ Цицеронъ въ своемъ Ораторѣ: *Itaque video visum esse nonnullis Platonis et Demosthenis locutionem, et si absit à versu, tamen quod incitatus feratur, et clarissimis verborum luminibus utatur, potius poema putandum, quam comicorum poetarum, apud quos nihil est aliud quotidiani dissimile sermonis, nisi quod versiculi sunt.* «И потому нѣкоторые полагали, что выраженія Платона и Демосфена, хотя въ нихъ и отсутствуетъ мѣра стихотворная, однако, по быстротѣ, по блеску и по великолѣпію, должны скорѣе быть почтены поэзією, чѣмъ слогъ комическихъ поэтовъ, въ которыхъ ничего нѣтъ, кроме обыкновенной разговорной рѣчи, исключая того, что она написана стихами.»

18) Ст. 49. Старикъ, именемъ *Демеа*, въ комедіи Теренція: *Адельфы*.

19) Ст. 52. Молодые люди Рима ходили иногда по городу въ вѣнкахъ, и съ факелами, потому что это бывало по большей части ночью. Изъ одного мѣста Аристотелю видно, что въ Греціи это дѣлалось и днемъ: такое безстыдство натурально еще болѣе свидѣтельствовало о развратѣ.

20) Ст. 53. *Помпоніи*—многочисленная плебейская фамилія, которая однако съ 518 года начала принадлежать къ фамиліямъ консулярнымъ, и которая, чрезъ К. Помпонія, отличнаго оратора, и чрезъ знаменитаго Тула Помпонія Аттика, во время Цицерона была въ уваженіи. Изъ римской исторіи, и по монетамъ римскимъ, известны четыре отрасли этаго рода, которыя различались одна отъ другой разными прозвищами, какъ то: *Matro, Molo, Flaccus* и *Rufus*.

21) Ст. 60. Эти два стиха, по свидѣтельству Виргиліева комментатора Сервія, взяты изъ летописей Энійя, который былъ нѣкоторый родъ героической поэмы, и были писаны стихами. У римлянъ, долго сохранявшихъ старинную грубость и невежество въ предметахъ вкуса, Энійя, пока былъ имъ понятенъ, почтается римскимъ Гомеромъ. Подъ *затворами войны* разумѣется здѣсь храмъ Януса, котораго врата разтворялись во время войны, и затворялись во время мира.

22) Ст. 61. *Disjecti membra poetae* — прекрасное выраженіе Горация, всѣмъ известное, находится здѣсь. Въ подлинн. ст. 62.

23) Ст. 63. Древніе не положили средины между прозою и поэзією; а Аристотель признавалъ, что все, имѣющее мѣръ есть поэма.—«Проза, говоритъ онъ, должна имѣть *ритмъ*, но не *метръ*; иначе она будетъ поэма.»

24) Ст. 66. Кто были *Сульцій* и *Капрій* неизвестно. Схоласти говорят тоже, что мы знаем и из Горация: что они были доносчики. *Libelli*, что я перевел словом: доносы, были сведения, содержащая в себя имя и преступление обвиняемого. Их представляли претору, который заставлял однако доносителей их подписывать.

25) Ст. 68. «*Бирр* и *Целій*, говорит Дасье, были два молодые человека, которых развратная жизнь довела до многих преступлений.» Но откуда он взял это сведение, неизвестно. Может быть из слов схоластов: *Adolescentes perdit*. Фельдбауш прибавляет: «вероятно, они были казнены незадолго до написания Горацием этой сатиры.»—Но все это одни догадки.

26) Ст. 71. В то время, если кто из авторов хотел публиковать свои сочинения, он отдавал, или продавал их книгопродавцам, которые снимали с них списки и пускали в продажу. Так как они имели свои лавки под портиками, то объявления о литературных новостях прибавались к столбам, или к колоннам портиков. Так должно понимать: *nulla meos habet pilla libellos*; что я объяснил несколько в самом переводе;

«Не видно —

Объявлений об их, прибитых к столбам.»

27) Ст. 72. Кто был этот *Гермоген Тигеллий*, догадаться трудно. Некоторые думают, что это тот же, о котором говорится в сатирах 3 и 9. Другие, что вероятно это был один из таких любителей стихов, которые из одного тщеславия стараются первые достать их, чтобы блеснуть перед другими своим участием в литературных мелочах.

28) Ст. 76. Бани были со всех сторон закрыты, и получали свет через небольшие отверстия. Кроме того они были со сводом; и потому голос раздавался в них громче. Сенека, говоря о беспокойствах публичных бань, присовокупляет: *adjice illum cui vox sua in balneo placet*. «Прибавь к этому еще тех, которые в банях любят своим голосом.»

29) Ст. 85. И у нас говорится о дурном человеке: «человек черный!»— Но, кроме того, у римлян черный цвет считался предзнаменованием дурным, а белый хорошим. Так Катиль обращается к Цезарю:

*Nil nimium studeo, Caesar, tibi velle placere,
Nec scire utrum sis albus an ater homo!*

т. е.

Быть угодным тебе не забочусь я, Цезарь, ни мало!
И не знать не хочу: черен ли ты, или бел!

30) Ст. 88. Здесь в подлиннике игра слов, которую перевести невозможно: «брызгать на всех, кроме того, кто доставляет воду.» У римлян была поговорка: *frigidam alicui suffundere*; что значило: «надь кем выбудь насмехаться.» А прае-

bere aquam, «доставлять воду,» говорилось о хозяйнѣ пира, можетъ быть потому, что прежде стола гости смывались въ банѣ.

31) Ст. 92. Этотъ стихъ, на который здѣсь указываетъ Гораций, находится во 2-й сат. этой же книги, ст. 27.

32) Ст. 95. Одинъ схоластъ говоритъ, что *Петилій*, который имѣлъ надзираніе надъ капитоліемъ, былъ обвиненъ въ кражу, по случаю пропажи золотого вѣнца Юпитера; что судьи оправдали его только изъ угожденія Августу, который былъ его другомъ, и что по этому случаю *Петилія* прозвали въ насмѣшку *Капитолійскимъ*, *Capitolinus*. Но Виландъ, следуя Торренціо, говоритъ, что это, кажется, несправедливо; ибо это было прозваніе одной изъ отраслей фамиліи Петиліевъ. Это была фамилія плебейская, которой извѣстны двѣ отрасли, различившіяся прозваніями: *Spurinus* и *Capitolinus*. Не безъ основанія полагаютъ нѣкоторые, что *Capitolini* прозывались прежде *Libones*, а получили прозваніе *Капитолиновъ* по тому случаю, что одинъ изъ нихъ былъ въ числѣ десяти мужей, которые въ 383 году были установлены для надзора за священными книгами, хранящими въ капитоліи.

33) Ст. 106. Это мѣсто, гдѣ Гораций говоритъ о своемъ отцѣ, напоминаетъ тоже самое въ сатиру 6. Оба эти мѣста замѣчательны свѣдѣніями о воспитаніи Горация и свидѣтельствуютъ о благородной, чувствительной и благодарной душѣ поэта! «И этому человеку, съ такими чувствами, говоритъ Виландъ, приписывали комментаторы низкія чувства дести! Такъ опасно для писателя, прибавляетъ онъ, имѣть болѣе души и ума, чѣмъ схоласты и его толкователи.»

34) Ст. 110. *Тимъ Ветурій Барръ*, о которомъ говорится еще въ сатирахъ: 6 и 7. По словамъ одного схоласта, это былъ молодой человекъ, насмѣшливый, занятый своєю красотою и расточительный. Онъ наконецъ подвергся наказанію за обольщеніе весталки, именемъ: Эмилія.

35) Ст. 114. Вся эти лица: *сынъ Альбія*, *Сектанъ* и *Требоній*, совершенно неизвѣстны.

36) Ст. 116. *Мудрый* означаетъ здѣсь философа. Отецъ Горация, человекъ простаго званія, и вѣроятно неполучившій тщательнаго воспитанія, не имѣлъ достаточныхъ познаній, чтобы объяснить этотъ предметъ діалектически; и потому предоставляетъ это, современемъ, учителю свѣдущему, философу.

37) Ст. 120. Метафора, взятая отъ способа учить дѣтей плаванію, которыхъ причучали сперва держаться на водѣ, посредствомъ доски, сдѣланной изъ пробочнаго дерева.

38) Ст. 123. Въ подлинникѣ: *unum ex iudicibus selectis*, «одного изъ избранныхъ судей.» Преторъ избиралъ судей изъ сословія всадниковъ, и былъ обязанъ избирать людей честнѣйшихъ и лучшихъ. Гораций хотѣтъ сказать этимъ выраженіемъ, что отецъ указывалъ ему, для примѣра, на справедлѣйшихъ и самыхъ безукоризненныхъ людей Рима.

39) Ст. 130. Тоже говорить о себѣ Гораций: сат. 6 ст. 64—66.

40) Ст. 133. Гораций слѣдуетъ здѣсь правиламъ пиеагориковъ, которые предш-
вали не засыпать, не пройдя въ памяти трижды всего, что дѣлалъ въ продолженіе
минушаго дня.

41) Ст. 143. У Горация употреблено здѣсь слово *triba*, которое я перевелъ сло-
вомъ *ватага*. Иудей, говоритъ при этомъ стихъ *Ничь*, почитались у римлянъ на-
родомъ, не имѣющимъ терпимости и старающимся обращать другихъ къ своему за-
кону. Известно, что римляне, гордые своей матеріальной силой, мало обращали вни-
манія на этотъ слабый и презираемый ими народъ, и до такой степени мало его зна-
ли, что самъ Тацитъ почиталъ христіанъ за іудейскую секту и обвинялъ въ нена-
висти къ человечеству, (*odium generis humani*); между тѣмъ какъ христіане почи-
тали закономъ не только любовь къ ближнему, но и ко врагамъ.

САТИРА ПЯТАЯ.

ПОВЪЗКА ВЪ БРУНДУЗИУМЪ. (1)

Послѣ того, какъ оставилъ я стѣны великаго Рима,
Съ реторомъ Геліодоромъ, ученѣйшимъ мужемъ изъ грековъ, ²
Въ бѣдной гостинницѣ вскорѣ Ариція насъ пріютила; ³
Дальше былъ—Аппіевъ форумъ, ⁴ весь корабельщиковъ полный
5. И плутовъ корчмарей! ⁵ — Мы свой переѣздъ раздѣлили
На два; но кто не лѣнивъ и спѣшитъ, тѣ и въ день проѣзжаютъ.
Мы не спѣшили; дорогой же Аппія ѣхать покойнѣй. ⁶
Здѣсь, отъ несвѣжей и мутной воды, повздоривъ съ желудкомъ, ⁷
Съ безпокойствомъ я ждалъ, какъ сопутники кончатъ свой ужинъ. ⁸
10. Ночь между тѣмъ разстлала ужъ тѣнь, появлялися звѣзды. ⁹
Слуги съ владѣльцами лодокъ, а эти съ слугами бранились: ¹⁰
«Эй! причаливай здѣсь!» — «У тебя человекъ уже трпета!
Будетъ съ тебя! все полно!» — Но покудова все расплатились ¹¹
И мула привязали—часъ цѣлый прошелъ!—Комары и лягушки
15. Не дали спать!—Да лодошникъ пьяный съ какимъ-то проѣзжимъ

Взапуски пѣтъ принялся про своихъ отдаленныхъ любезныхъ!

Этотъ заснулъ наконецъ; а тотъ, зацѣпивъ за высокой

Камень—свою бечеву, пустилъ мула попасться;

Самъ же на-спину легъ, и спокойно всхрапнулъ, растянувшись!

20. Начпнало свѣтатъ; мы лишь тутъ догадались, что лодка
Съ мѣста неидеть!—Тутъ, выскочивъ кто-то, какъ бѣшенный, началъ
Бить, то мула, то хозяйна, пвовой палкой!—Досталось
Ихъ головамъ и бокамъ!—Наконецъ мы насилу, насилу
На-берегъ вышли въ четыре часа! ¹² — Здѣсь лице мы и руки

25. Чистой, Феронія, влагой своею омывъ, ¹⁵ и поѣвши
Вновь протащились три мили, и въѣхали въ Анксуръ, ¹⁴ который
Издали виденъ, красиво на бѣлыхъ утесахъ построень!
Здѣсь Мецената съ Кокцеємъ мы поджидали прїѣзда. ¹⁵

Оба отправлены были они съ порученіемъ важнымъ;

30. Оба привыкли друзей примирять, соглашая ихъ пользы. ¹⁶
Слабый зрѣніемъ, здѣсь я коллиріемъ очи помазаль. ¹⁷
Прибыль межъ тѣмъ Меценатъ; съ нимъ Кокцейъ, и съ нимъ же Фонтей, ¹⁸
Мужъ во всемъ совершенный; онъ былъ Антонию другомъ,
Какъ никто не бываль!—Мы охотно оставили Фунди, ¹⁹

35. Гдѣ насъ, какъ преторъ встрѣчалъ Ауфидій Косой! ²⁰ — Насмѣлясь
Вдоволь мы всѣ, и претекстъ его, съ пурпуровой прошивкой,
И курильницѣ, пуще всего, сумасшедшаго скриба! ²¹

Послѣ, усталые, въ городѣ мы отдохнули Мамурровъ; ²²

Здѣсь намъ Мурена свой домъ предложилъ; Капитонъ угощенье. ²⁵

40. Самый прїятнѣйшій день былъ за этимъ для насъ. въ Синуеесѣ; ²⁴
Ибо тутъ съѣхался съ нами—Плотій, Виргилій и Варій, ²³
Чистыя души, которымъ подобныхъ земля не носила,
И къ которымъ сильнѣе меня—никто не привязанъ! ²⁶

Что за объятія были у насъ, и что за восторги!

45. Нѣтъ! покуда я въ здоровомъ умѣ, ничего не сравняю я съ другомъ!

Близъ Кампанійскаго моста потомъ пріютила насъ вилла; ²⁷

А поставщики соль и дрова намъ прислали, какъ должно. ²⁸

Въ Капуѣ наши мулы сложили поранѣе пошу; ²⁹

Меценатъ занялся здѣсь игрой; а я и Виргилій

50. Сну предались, потому что въ бросанъѣ меча упражняться

Вредно и слабому зрѣнію, вредно и слабымъ желудкамъ! ³⁰

Миновавши корчмы Каудіума, ³¹ нѣсколько выше,

Приняты были Кокцеіемъ мы—въ прекраснѣйшей виллѣ.

Муза! повѣдай намъ кратко теперь, какъ въ битву вступили

55. Мессій Цицирръ и Сарментъ; открой и объ родѣ обоихъ! ³²

Мессій свой родъ знаменитый отъ Осковъ ведетъ; ³³ а Сармента

Госпожа—и донинѣ жива: то они подвизались!

Началь Сарментъ: «Ты похожъ, мнѣ сдается, на дикую лошадь!»

Мы засмѣялись.—А Мессій въ отвѣтъ: «Соглашаюсь!»—И тутъ же

60. Головою встряхнул!—Тотъ вскричалъ: «О! еслибы рогъ твой

Вырѣзанъ не былъ, чего бъ ты не сдѣлалъ, когда и увѣчный

Такъ ты грозилъ!»—И подлинно лобъ у него волосистый

Съ лѣвой лица стороны ужасный рубецъ безобразить! ³⁴

Наконецъ потрунивъ надъ его Кампанійской болѣзнию, ³⁵

65. Началь просить онъ его проплясать передъ нами Циклона,—

Говоря, что не нужно ему ни котурна, ни маски! ³⁶

Много на это Цицирръ; и спросилъ наконецъ: «Посвятилъ ли

Ларамъ онъ цѣпи свои, ³⁷ потому что, хотя онъ и служить

Скробомъ; но право надъ нимъ госпожи не уменьшилось этимъ! ³⁸

70. И зачѣмъ онъ сбѣжалъ, когда онъ такъ малъ и щедушенъ,

Что довольно и фунта муки для его пропитанья! ³⁹

Такъ мы продлили свой ужинъ и весело кончили вечеръ.

- Прямо оттуда поѣхали мы въ Беневентъ, ⁴⁰ гдѣ хозяинъ,
 Жаря намъ чахлыхъ дроздовъ, чуть и самъ не сгорѣлъ отъ усердья;
 75. Ибо, разлившись по кухнѣ, огонь—касаясь ужъ крыши! ⁴¹
 Всѣ мы голодные гости, и слуги всѣ наши, въ испугѣ,
 Бросились блюда снимать и тушить принялися!—Отсюда
 Видны ужъ горы Апуліи, мнѣ столь знакомыя горы! ⁴²
 Сушить горячій ихъ вѣтръ!—Никогдабъ мы на нихъ не взобрался,
 80. Еслибы не взяли отдыхъ въ сосѣдственной Тривикю впаля; ⁴³
 Но и то не безъ слезъ, отъ дыма камина, въ которомъ
 Сучья сырые съ зелеными листьями вмѣстѣ горѣли!
 Здѣсь я обманщицу дѣвочку прѣждалъ, глупецъ, до полночи;
 Наконецъ, какъ лежалъ на спинѣ, въ такомъ положеніи
 85. Непримѣтно заснулъ, и во снѣ насладился любовью!

- Двадцать четыре потомъ мы проѣхали миль—въ колязкѣ,
 Чтобъ прибыть въ городокъ, котораго даже и имя
 Въ стихъ не вмѣстишь; ⁴⁴ но узнаютъ его по примѣтамъ:
 Здѣсь продается—простая вода; но хлѣбъ—превосходный,
 90. Такъ что заботливый путникъ въ запасъ нагружаетъ имъ плечи;
 Ибо въ Канузѣ хлѣбъ смѣшанъ съ пескомъ, а источника урна
 Небогаче водой! ⁴⁵ — Городокъ же былъ этотъ основанъ
 Диомедомъ самимъ. ⁴⁶ — Здѣсь мы съ Варіемъ грустно разстались.

- Вотъ мы пріѣхали въ Руби, уставъ отъ пути чрезвычайно, ⁴⁷
 95. Отъ того, что дорога длинна и испорчена стала дождями.
 День былъ на утро получше; но въ Баріумъ, рыбой обильный,
 Хуже дорога пошла! ⁴⁸ — За нимъ насъ потѣшила вдоволь
 Гнація, городъ, построенный въ гнѣвѣ—нимфъ раздраженныхъ! ⁴⁹
 Здѣсь насъ хотѣли увѣрить, что будто на прагѣ священномъ

100. Ладанъ, безъ пламени, таетъ у нихъ! ⁵⁰ — Одному лишь Апеллѣ
Иудею—повѣрить тому; ⁵¹ а не мнѣ: я учился
Вѣрить, что боги безопасно живутъ, и если натура
Чудное что производитъ—не съ неба они посылаютъ! ⁵²
Такъ въ Брундузіумъ кончился путь, и конецъ описанью!

29 Июня. 1851.

М.

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн 1. САТИРА 5.

1) *Брундузіумъ*— нынѣ *Бриндизи*, укрѣпленный городъ и гавань въ нынѣшнемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ Terra d'Otranto, при Адриатическомъ морѣ. Для насъ Брундузіумъ замѣчательнъ еще тѣмъ, что въ немъ умеръ *Виргилій*.

Нѣкоторые объяснители полагаютъ, что описанное здѣсь путешествіе *Горация*, въ сообществѣ *Мецената*, совершено было въ 713 году отъ основанія Рима, когда *Меценатъ* ѣздилъ туда для переговоровъ съ *Антоніемъ* о мирѣ, который дѣйствительно былъ заключенъ въ *Брундузіумѣ*. Другіе относятъ эту повѣзку къ позднѣйшему времени, именно къ 717 году. Тогда переговоры происходили тоже въ *Брундузіумѣ*, а миръ былъ заключенъ въ *Тарентѣ*. Последнее вѣроятнѣе, потому что здѣсь, вмѣстѣ съ *Меценатомъ* и *Кокціемъ*, находится *Фонтей Капитонъ*; а при первыхъ переговорахъ былъ съ нимъ не *Фонтей*, а *Полліонъ*.

Для лучшаго уразумѣнія этого путешествія, прилагается здѣсь маршрутъ, которому слѣдовалъ *Гораций*, съ обозначеніемъ дней, станцій и разстояній. Это росписаніе пути составилъ *Орелли*.

Дни путешествія.	М ѣ с т а.	Римскія мили въ 1000 шаговъ.	Географическія мили.	Стихи сатиры.
	Римъ.			
1	Ариція	xvi	3 ¹ / ₃	3
2	Форумъ Аппіевъ (Ночное плаваніе по каналу)	xx	4	$\frac{7}{4}$
3	Въ 4 часа. Храмъ Фероніи Ликсуръ	24
4	Фунди Форміа	xx xii xii)	4 4 ¹ / ₃	26 34 38

Дни путе- шествія	М ъ с т а .	Римскія мили въ 1000 шаговъ.	Геогра- фичес- кія мили.	Стрхи сатиры.
5	Спнуесса	xviii)	4 ¹ / ₃	30
	Вилла близъ Кампанійскаго моста	iii)		46
6	Капуа	xxii	4 ² / ₃	48
7	Вилла Кокцея, близъ Каудиума	xxi	4 ¹ / ₃	53
8	Беневентъ	xii	2 ² / ₃	73
9	Вилла, близъ Тривика	80
10	Equum Tuticum	xxiv	4 ¹ / ₃	88
11	Канузіумъ	91
12	Руби	xxiv	4 ¹ / ₃	94
13	Баріумъ	xxi	4 ¹ / ₃	96
14	Гнація, или Эгнація	xxxvii	7 ² / ₃	98
15	Брундузіумъ, а	xliv	8 ⁴ / ₃	104
		ccsvi	61 ¹ / ₃	.

Эти 61¹/₃ географическихъ миль составляютъ 427 верстъ, 200 сажень, которыя проѣхалъ Горацийъ въ 15 дней. На каждый день приходится 25 верстъ съ половиной.

По свидѣтельству схолиаста Порфирія, эта сатира написана Горациемъ въ подражаніе *Луцилію*, который, въ одной сатирѣ 3 книги, описалъ тоже свое путешествіе изъ Рима до Капуи, а оттуда до Сицилійскаго пролива.

2) Ст. 2. Одинъ Горацийъ упоминаетъ объ этомъ Геліодоръ. Названіе *реторъ* показываетъ, что его ремесло было: учить красноречію, или ораторскому искусству. Вѣроятно онъ принадлежалъ къ свитѣ Мецената, (*cohortae amicorum*); ибо у знатныхъ римлянъ было въ обыкновеніи, между людьми, принадлежащими къ цхъ свитѣ, держать и греческихъ ученыхъ.

3) Ст. 3. *Agісіа*, небольшой городъ Лаціума на Аппіевой дорогѣ. Нынѣшнее его имя: *Rizza*.

4) Ст. 4. *Forum Appii*, Аппіевъ рынокъ, городокъ Лаціума, въ землѣ Волсковъ, въ Понтинскихъ болотахъ. Аппій Клавдій устроилъ чрезъ эти болота плотину; а потомъ Августъ велѣлъ прорыть каналъ отъ Аппіева форума до храма Фероніи.

5) Ст. 5. Не въ первый разъ содержателей гостиницы называетъ Горацийъ плутами. Также встречается: сат. 1 ст. 38. Это потому, какъ объясняютъ некоторые, что они поддѣлывали вина разною примѣсью.

6) Ст. 7. Аппіева дорога была первая въ Римской имперіи, которую вздумали вымостить. Она была устроена изъ гладкихъ мѣльничныхъ камней, обдѣланныхъ четверугольными плитами и такъ плотно соединенныхъ, что нельзя было замѣтить ме-

жду ними спаякъ. Она была столь прочно сдѣлана, что еще во время Юстиніана сохранилась неповрежденною, и столь отличалась красотою отделки, что по справедливости называлась *regina viarum*. Кромъ того на ней было много гостинницъ. Вотъ почему эта дорога была во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе для проезжающихъ. Аппій началъ эту дорогу отъ Porta Capena и довель ее только до Капуи; а по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ до горы, на которой стоялъ Анкуръ; потому что въ его время провинціи, лежащія далѣе, не принадлежали еще римлянамъ. Впослѣдствіи провели ее до крайнихъ предѣловъ Италіи, до самаго Ионическаго моря. Юлій Цезарь, бывши надзирателемъ этой дороги, употребилъ на нее большія суммы, и довель ее до того совершенства, въ которомъ она была во время Гораціи.

7) Ст. 8. Вода Аппіева форума была именно потому дурна, что онъ былъ окруженъ болотами.

8) Ст. 9. Горацій прибылъ въ Аппіевъ форумъ вечеромъ, и въ ту же ночь отправился далѣе, по каналу. Страбонъ говорить, что это плаваніе всегда совершалось ночью. Вѣроятно потому, какъ думаютъ нѣкоторые объяснители, чтобы мѣте быть обезпочены испареніями болота, которыя въ большемъ количествѣ извлекаемы были лучами солнца.

9) Ст. 10. Этотъ стихъ и въ подлинникѣ написанъ слогомъ, нѣсколько выше разговорнаго.

10) Ст. 11. По каналу плыли путешественники *бечевой*; судно тянули посредствомъ привязаннаго къ нему мула, ступавшаго берегомъ. Погонщикъ мула вѣроятно шелъ тоже по берегу, и воспользовавшись темнотою ночи и сномъ своихъ пассажировъ, онъ, какъ видно изъ сатиры, отвязалъ мула и пустилъ его пощипать травы, а самъ легъ и заснулъ.

11) Ст. 13. Плату за переездъ лошадишки получали впередъ; потому, передъ отъездомъ, и надобно было разсчитываться.

12) Ст. 24. Римляне болѣе 450 лѣтъ не знали раздѣленія времени на часы дня и ночи; они начали употреблять это дѣленіе за нѣсколько лѣтъ до войны съ Пирромъ. Двѣнадцать таблицъ раздѣляютъ день на три времени: восходъ солнца, полдень и закатъ. Когда введено было исчисленіе дня и ночи часами, они дѣлили и день и ночь на 12 часовъ, безъ отношенія ко времени года; и потому ихъ часы были не одинаковаго продолженія времени. Отъ весенняго равноденствія до осенняго дневные часы были длиннѣе почныхъ; а отъ конца сентября до конца марта, на оборотъ, ночные часы были длиннѣе. Здѣсь «въ четыре часа» значитъ—послѣ восхода солнца.

13) Ст. 25. *Feronia*—была древняя италійская богиня, или нимфа, которой, за долго еще до построенія Рима, воздавали честь и Латины и Сабинцы. Она почиталась у древнихъ народовъ Италіи богинею свободы. Въ послѣдствіи времени она была названа *Iuno Feronia*. Въ трехъ тысячахъ шагахъ, т. е. въ трехъ римскихъ мляхъ

города Анкура находились посвященные ей, древній лѣсъ и храмъ, гдѣ путешественники, провзжая мимо, воздавали ей поклоненіе.

14) Ст. 26. Анхиг или Ахиг, древній городъ Волсковъ, который былъ построенъ на высокой горѣ и казался висящимъ надъ помптинскими болотами. Имя Анхиг происходитъ отъ прозванія Юпитера, которому поклонялись тамъ подъ этимъ именемъ. Греки называли этотъ городъ *Trachinu*, изъ чего составилось позднѣйшее его имя Таггасіна. Онъ существовалъ еще во время Горація; но мало по малу жители переселились къ подошвѣ горы: древній городъ превратился въ развалины; а новый назывался только Таггасіна. Нынѣ называется онъ *Террачина*.

15) Ст. 28. *М. Кокцейй Нерва*, знаменитый юристъ и мужъ государственный того времени. Другъ и Октавіана, и Антонія, онъ не принадлежалъ собственно ни къ какой партіи; но посредствомъ своего благоразумія, умѣренности и праводушія былъ и той и другой сторонѣ пріятель и пужень. Онъ былъ консуломъ вмѣстѣ съ Луціемъ Гелліемъ Публицолою. Императоръ Нерва былъ правнукъ этаго Кокцейя.

16) Ст. 30. Меценатъ и Кокцейй, со времени мира, заключеннаго чрезъ ихъ посредство, осенью 714 года, между триумвиромъ Антоніемъ и молодымъ Цезаремъ, не переставали заботиться о приведеніи въ нѣкоторое равновѣсіе дѣлъ двухъ соперниковъ, спорившихъ объ обладаніи. По этой-то причинѣ говоритъ Горацій о Меценатѣ и Кокцейѣ—*aversos soliti comperere amicos*, «привыкшіе примырать друзей въ ихъ разногласіяхъ.»—«Слѣдовательно, (замѣчаетъ Виландъ) порученіе, по которому, въ этотъ разъ, Меценатъ и Кокцейй ѣхали въ Брундузіумъ, должно было относиться именно къ 717 году, а не къ 714, какъ полагали нѣкоторые комментаторы.» См. примѣч. 1.

17) Ст. 31. Въ подлинникѣ *nigra colliria*.

18) Ст. 32. Полагають, что это былъ отецъ К. Фонтеія Капитона, который въ 765 году былъ Консуломъ. Впрочемъ, о немъ ничего неизвѣстно.

19) Ст. 34. *Fundi*—небольшой городокъ, недалекій отъ Анкура, или Террацины. Онъ въ 9 вѣкѣ былъ разрушенъ Сарацинами.

20) Ст. 35. *Aufidius Luscius*.—Я почелъ пужнымъ перевести прозваніе *Luscius*, и назвать его въ переводѣ *Ауфидій Косой*, потому что Горацій, писавши это имя, вѣроятно имѣлъ въ виду его буквальное значеніе, и поставилъ его не безъ намѣренія посмѣяться.

Ауфидій были всею родомъ изъ Фунди; Ливія, со стороны матери, принадлежала къ той же фамиліи. Въ колоніяхъ и городахъ муниципальныхъ были тѣ же должностныя лица, какъ и въ Римѣ. Но здѣсь, относительно званія Ауфидія Луска, представляется то затрудненіе, что городъ Фунди былъ съ самаго начала только префектурой; а потомъ, хотя онъ и сдѣлался городомъ муниципальнымъ, однако не пользовался всеми соединенными съ этимъ правами, т. е. не избиралъ правительствен-

нихъ лицъ, изъ среды своихъ гражданъ, а получалъ ихъ отъ Рима. И потому онъ не имѣлъ собственно такъ называемаго претора. Впрочемъ, по свидѣтельству Феста, было два рода префектуры: одна, когда Римъ назначалъ префекта, избраннаго народомъ; а другая, когда преторъ Рима присылалъ ежегодно правительственные лица, какъ напр. въ Фунди, въ Формію, и проч. И такъ этотъ Ауфидій Лускусъ былъ конечно правитель города, присланный преторомъ Рима; но онъ, вѣроятно, какъ повѣренный претора, самъ представлялъ изъ себя претора. Такъ думаетъ Дасье. А Санадонъ говоритъ, что неизвѣстно, зависѣла ли его власть отъ римскаго претора, или онъ получилъ ее отъ города Фунди, котораго онъ, можетъ быть былъ дѣйствительно преторомъ.

21) Ст. 37. Это мѣсто изъяснить трудно. Горацийъ называетъ здѣсь тогу претексту и *latus clavus*—наградною скриба; можетъ быть потому, что въ колоніяхъ и городахъ муниципальных обыкновенно достигали префектуры — скрибы. Титъ Ливій, въ кн. 23 говоритъ наприм. о пренестцахъ: *Caeteri incolomae Praeneste cum praetore suo Manieio, scriba is antea fuerat, redierunt.* «Другіе невредимо достигли пренесты, съ преторомъ своимъ Манціемъ, который прежде былъ скрибомъ.» — Тога претекста давалась въ награду этой должности. Впрочемъ, какъ видно изъ 34 кн. гл. 7 Тита Ливія, она давалась весьма многимъ чиновникамъ, и не такъ была важна, какъ мы воображаемъ. Вотъ слова его изъ рѣчи Л. Валерія: *Purpura viri utemur, praetextati in magistratibus, in sacerdotiis; liberi nostri praetextis purpura togis utentur; magistratibus in coloniis municipiisque, hic Romae infima generi magistris vicorum togae praetextae habende jus permittemus; nec id ut vivi solum habeant tantum insigne, sed etiam ut cum eo crementur mortui; feminis duntaxat purpurae usum interdicimus?* «Мы, мужчины, употребляемъ претексту, обложенную пурпуромъ, будучи и судьями и священниками; наши дѣти тоже носятъ тогу, обложенную пурпуромъ; мы позволяемъ носить тогу претексту должностнымъ лицамъ въ колоніяхъ и въ городахъ муниципальных; здѣсь, въ Римѣ, самаго низкаго разряда начальники, надзиратели городскихъ частей, имѣютъ право не только носить тогу претексту во время своей жизни, но и по смерти быть сожигаемыми съ нею: не ужели мы однимъ женщинамъ запретимъ ея употребленіе?»

Курильница, которую несли передъ Ауфидіемъ, тоже возбудила много толкованій между объяснителями Горация; какъ-бы то ни было, но это должно приписать той же торжественной важности, которую хотѣлъ себѣ придать Ауфидій при встрѣчѣ Мещената.

22) Ст. 38. Городецъ *Formiae* былъ родиной нѣкогого Мамурры, человека низкаго происхожденія, который однако при Цезарѣ былъ въ Галліи *praefectus fabrum*: званіе неважное, но въ которомъ онъ умѣлъ такъ обогатиться, что первый обложилъ домъ свой мраморомъ. Городъ Мамурровъ, какъ называетъ Горацийъ Формію, это просто насмѣшка, и надъ Мамурромъ, и надъ городомъ.

23) Ст. 39. *Мурена*—братъ Лицинія, которая впоследствии была за мужемъ за

Меценатомъ. Этотъ Мурена, лѣтъ 16 или 17 послѣ того, былъ осужденъ на смерть за заговоръ противъ Августа.

24) Ст. 40. Послѣдній городъ Лаціума на границѣ Кампаніи, между Лириса и Пультурна. Онъ былъ названъ Синуссою, потому что стоялъ на берегу моря, при заливѣ Sinus Setinus.

25) Ст. 41. Три эпическіе поэта Августова времени. О Варіѣ знаемъ мы изъ Горация, что онъ воспѣлъ войны Августа. Плотій и Варій встрѣчаются опять въ 10 сатирѣ, 1 кн. въ числѣ избранныхъ людей, которымъ нравится Гораций.

26) Ст. 43. Нѣкоторые переводятъ этотъ стихъ такъ: «И которымъ больше меня никто не обязанъ.» Если принять сей послѣдній смыслъ, то можно объяснить его развѣ тѣмъ, что Virgilii и Варій познакомили Горация съ Меценатомъ (см. сат. 6). Въ такомъ случаѣ это будетъ относиться косвенно къ счастью быть извѣстнымъ Меценату и принадлежать къ кругу этого вельможи. Но мнѣ кажется, что натягивая такимъ образомъ объясненіе поэта, рискуешь иногда придать ему намѣреніе, котораго у него не бывало. Я предпочелъ простое выраженіе безкорыстной привязанности къ друзьямъ, которое сообразивъ съ благороднымъ характеромъ Горация.

27) Ст. 46. Географы не согласны въ мѣстоположеніи этого моста. Если онъ былъ на Вултурнѣ, то это долженъ быть мостъ Касилійскій, который былъ мняхъ въ пяти отъ Капуи. Это разстояніе довольно согласно съ тѣмъ, что говоритъ Гораций, что они прѣехали туда рано.

28) Ст. 47. По обычаю, введенному будто бы консуломъ Луціемъ Постуміемъ, всѣмъ служебнымъ лицамъ, вѣдущимъ по дѣламъ государства, по Италіи и по всѣмъ римскимъ провинціямъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они останавливались ночевать, должно было отпускать безденежно все самонужнѣйшее для ихъ продовольствія. Такъ какъ многіе пользовались этимъ правомъ къ отягощенію провинцій, то законъ, (*Lex Julia de provinciis*) ограничилъ эту подать буквально *дровами и солью*. Тѣ, которые были приставлены къ поставкѣ этихъ самонужнѣйшихъ предметовъ, назывались *magistri pagonum*. Гораций называетъ ихъ *ragochi*, что я перевелъ словомъ *поставщики*. Мѣста же, гдѣ можно было этого требовать, назывались *parochiae*.

29) Ст. 48. Капуя, главный городъ Кампаніи. Нынѣшняя Капуя не та, которая была въ древности. Древняя была двѣ географическіе мили выше; ея развалины еще видны. По недалекому ея разстоянію отъ мызы, близъ Кампанійскаго моста, гдѣ путешественники ночевали, должно предполагать, что они прѣехали около полудня.

30) Ст. 51. Гораций былъ слабъ глазами, а Virgilii подверженъ боли въ животѣ. И потому этотъ стихъ относится къ обоимъ. Игра въ мячъ требуетъ напряженія зрѣнія, чтобы попасть въ цѣль, и излишняго движенія, которое волнуешь кровь: первое было вредно самому Горацию; второе Virgilio.

31) Ст. 52. Старинный городокъ Самнитянъ, *Caudium*, находился на половинѣ дороги между Капуи и Беневента; вѣроятно недалеко отъ него находились тѣ корчмы,

или постоянные дворы, о которых упоминает здесь Гораций. Так как Кокцей имел по близости загородный домъ, то естественно, что онъ не допустилъ своихъ спутниковъ остановиться въ корчмѣ, а принялъ и угостилъ ихъ въ своемъ домѣ.

32) Ст. 55. Знатные Римляне любили за обѣдомъ веселое общество, и особенно любили забавниковъ, которые назывались *scuigas*. Кокцей, кажется, нарочно пригласилъ *Мессія Цицирра*, чтобы другому шуту *Сарменту* выставить достойнаго соперника. Сарментъ же вѣроятно былъ въ свитѣ Мецената. Это, должно думать, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Плутархъ въ жизни Антонія, какъ о фаворитѣ Цезаря, и о которомъ говоритъ Ювеналъ въ сатиру 5-й. Имя *Цицирръ*, какъ полагаетъ Санадонъ, было прозвище, взятое съ греческаго: *kikirrhos*; что означаетъ: пѣтухъ.

Здѣсь Гораций, приступая къ единоборству этихъ шутовъ, съ намѣреніемъ возвышаетъ тонъ и призываетъ эпическую музу, въ шутивномъ подражаніи Гомеру, почему я и перевелъ это мѣсто стариннымъ высокимъ слогомъ: «Муза! *повпдай* теперь, какъ въ битву вступили,» и проч.—«Открой и объ родѣ обоихъ.» Это тоже подражаніе эпическимъ поэмамъ, въ которыхъ, особенно у Гомера, не забывается и родъ героевъ.

33) Ст. 56. Это указаніе Горация на родовое происхожденіе Мессія Цицирра—не безъ намѣренія: одно оно показываетъ уже, что этотъ герой былъ человекъ безчестный и мошенникъ; ибо Оски, прибрежный народъ Кампаніи славились безчестною жизнію, особенно жители Капуи, которые были настоящіе Оски. Известно, что Аннибалъ, останавливался въ роскошной Капуѣ, увлеченный ея наслажденіями.

34) Ст. 63. Гораций объясняетъ самъ, почему Сарментъ сказалъ Мессію, что у него вырѣзанъ рогъ: у него на лѣвой сторонѣ леба былъ рубецъ.

35) Ст. 64. Кампанійскою болѣзнію названы здѣсь бородавки, надъ которыми смѣется Сарментъ, потому что самъ онъ былъ красавецъ. А о красотѣ его нельзя сомнѣваться, потому что онъ, какъ упомянуто выше, былъ, нѣкоторымъ образомъ, Ганимедомъ молодаго Цезаря, т. е. Августа. По свидѣтельству одного схоластика, бородавки были обыкновенны у Кампанійцевъ.

36. Ст. 65. Римляне очень любили пантомимныя пляски. Онѣ были разнаго рода: трагическія, эротическія, комическія, и проч. Къ послѣднимъ принадлежала и циклопская. Такъ какъ циклопы были огромнаго роста и безобразны (см. Одисс.): то само собою разумѣется, что для этой пляски нужны были котурпы и безобразная маска. Изъ словъ Сармента должно заключить, что Цицирръ былъ высокъ ростомъ и безобразенъ: потому-то ему и не нужно было ни котурновъ ни маски. Это предложеніе должно было чрезвычайно размышить всѣхъ собесѣдниковъ.

37) Ст. 68. Сарментъ задѣлъ Цицирра его безобразіемъ; а этотъ отплатилъ ему его низкимъ родомъ и рабскимъ состояніемъ. Изъ словъ Цицирра должно заключить, что Сарментъ бѣжалъ отъ госпожи своей, потому что вольноотпущенные, по полу-

чеші свободы, освобождаясь отъ какого нибудь ремесла, посвящали богамъ орудія, къ нему принадлежащія; такъ, у Луціана, Тимонъ посвящаетъ Пану свою кожаную одежду и заступь. Цицирръ советуетъ Сарменту посвятить богамъ свои цѣпи, желая тѣмъ показать, что онъ, какъ самый низкій рабъ, работалъ въ оковахъ. Но почему именно Ларамъ? Можетъ быть потому, думаютъ нѣкоторые, что принадлежа къ самому низкому разряду рабовъ, онъ, въ своемъ невѣжествѣ, не имѣлъ понятія ни о какихъ другихъ богахъ, кромѣ домашнихъ; или потому что бѣглому всего лучше казалось искать защиты Ларъ, боговъ-покровителей.

38) Ст. 69. Приличіе требовало, чтобы люди, подобные Сарменту, имѣли какое нибудь публичное званіе, дабы имѣть нѣкоторое право на короткое обращеніе съ такими лицами, какъ Августъ и Меценатъ; званіе, которое возвышало бы ихъ нѣсколько надъ чернымъ народомъ, къ которому они принадлежали. Должность, или просто титулъ *скриба*, было одно изъ отличій этаго рода; ибо, сколь ни было оно незначительно, однако тѣ, которые были записаны въ коллегіи скрибовъ, почти равнялись *новымъ всадникамъ*. Совсѣмъ тѣмъ, такъ какъ онъ не былъ законно отпущенъ на волю, то госпожа его сохраняла полное надъ нимъ право; а право это было не шуточное, ибо рабы были у римлянъ не лицомъ, а вещію. Титулъ скриба нѣсколько не освобождалъ его отъ этой власти.

39) Ст. 71. Каждый господинъ долженъ былъ давать своему рабу на пропитаніе ежемѣсячно по четыре модія ячменю, что составляло на день отъ трехъ до четырехъ фунтовъ печенаго хлѣба. Мессій Цицирръ хочетъ сказать этимъ Сарменту, что такъ какъ ему достаточно въ день и одного фунта муки, то у него отъ мѣсячнаго продовольствія были бы и остатки; а потому не для чего было ему бѣжать отъ госпожи своей.

40) Ст. 73. *Беневентъ* городъ въ землѣ Самнитовъ; а по нѣкоторымъ—въ землѣ Гаршновъ.

41) Ст. 75. Очаги дѣлались у римлянъ посреди комнаты и не имѣли надъ собою каменнаго навѣса, или колпака, и потому огонь, разгорѣвшійся сильно, необходимо долженъ былъ достигать до потолка, или, если не было потолка, то до самой крыши.

42) Ст. 78. Отъ Беневента открываются горы Апуліи, которыя Гораций называетъ знакомыми, потому что тамъ была его родина, гдѣ онъ провелъ младенчество.

43) Ст. 80. *Trivisum*—городъ въ Апуліи. Нѣкоторые полагаютъ, что это нынѣшній городъ *Тревизо*; другіе, что здѣсь упоминается не о самомъ городѣ *Тривикъ*: ибо онъ былъ не на Аппіевой дорогѣ. Впрочемъ Гораций говоритъ здѣсь только о виллѣ, соседственной *Тривикку*.

44) Ст. 88. По мнѣнію нѣкоторыхъ это городокъ *Equus Tuticus*, или *Equotuticum*; другіе находятъ топографическія причины не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ.

45) Ст. 93. *Канузійумъ*—небольшой городокъ на Авфидіѣ (см. сат. 1 примѣч. 7). Эта небольшая рѣка, собственно источникъ, почти пересыхала лѣтомъ; но въ полномъ водѣ, особенно зимою, была чрезвычайно быстра, и несла въ водахъ своихъ много

песку и грязи. По этому не мудрено, что въ Канузіумѣ былъ недостатокъ воды. Филостратъ говоритъ, что надобно было провести воду изъ другихъ мѣстъ, чтобы сдѣлать Канузіумъ обитаемымъ.

46) Ст. 93. Было преданіе, что Діомедъ по возвращеніи съ войны троянской, приставъ къ берегамъ Апуліи, вышелъ на берегъ, покоришь жителей и построилъ многія города, какъ-то Беневентъ, Эквотугіумъ, Арпи, Канузіумъ, и проч.

47) Ст. 94. Руби—тоже небольшой городокъ Апуліи, отстоящій довольно далеко отъ Эквотугіума, (если это точно тотъ городъ, котораго не упоминалъ Гораций, по невмѣстимости въ стихъ его имени). И потому немудрено, что путешественники устали отъ дороги: дорога была дурна, да и перевъздъ длинный.

48) Ст. 97. Баріумъ—приморскій городокъ Апуліи; потому и обильный рыбою. Можно бы, думаю, перевести просто словомъ: *рыбный*, какъ у Горация: *piscosus*; тѣмъ болѣе, что и у насъ говорится: *городъ рыбный, сторона рыбная*. Но мнѣ показалось, что это будетъ несовсѣмъ ясно.

49) Ст. 98. Гнація, (или правильнѣе *Egnatia*), городокъ Апуліи, между Баріума и Брундузіума. Гнація, по своему мѣстоположенію, подвержена была частымъ опустошеніямъ отъ сильныхъ водъ, текущихъ съ сосѣдственныхъ горъ. Такъ объясняетъ одинъ схолиастъ слова Горация: «въ гнѣвъ Нимфъ.» А другіе разумють подъ этимъ недостатокъ воды въ этомъ городкѣ.

50) Ст. 100. Чудо, въ которомъ хотѣли увѣрить Горация тамошніе жители, упоминается и Плиніемъ, какъ обстоятельство, упоминаемое другими писателями. (Н. Н. lib. 2 с. 107). «У нихъ былъ, говоритъ онъ, священный камень, на которомъ дрова загорались сами собою.»—Солнцъ рассказываетъ почти тоже о нѣкоторомъ вулканическомъ холмѣ, недалеко отъ Агригентскаго озера, въ той же сторонѣ Сициліи, гдѣ, по свидѣтельству Страбона, былъ найдень источникъ, по поверхности котораго плавало каменное масло. Древніе, какъ замѣчаетъ Виландъ, были, какъ известно, лѣнны и хладнокровны къ испытанію явленій подобнаго рода. Къ этому надобно прибавить, что физика древнихъ была въ состояніи младенчества; а химіи у нихъ не существовало.

51) Ст. 101. Кто этотъ Іудей Апелла, неизвѣстно. Печего приводитъ мнѣнія толкователей, потому что всѣ они не объясняютъ ничего.

52) Ст. 103. Въ физикѣ, (которую древніе причисляли къ ееологіи), Гораций слѣдовалъ, кажется, Лукрецію, и былъ еще въ то время, (какъ самъ говоритъ онъ о себѣ въ одной одѣ): *paucus deorum cultor et infrequens*; т. е. «скупой и рѣдкій поклонникъ боговъ». Эта сатира написана, какъ полагаюгъ, въ 717 г. отъ основ. Р., когда Горацию было 28 лѣтъ; а первая книга одъ, въ которой находится ода 34, свидѣтельствующая о его обращеніи къ богочитанію, издана въ 733 году: тогда было ему уже 44 года. Между этой сатирой и тою одой прошло 16 лѣтъ; а лѣта переменяють человека.

САТИРА ШЕШТАЯ.

О БЛАГОРОДСТВѢ.

Нѣтъ Меценатъ, хоть никто изъ Лидійцевъ не равенъ съ тобою
Знатностью рода—изъ всѣхъ, на предѣлахъ Этруріи жившихъ, ¹
Ибо, предки твои, по отцу и по матери, были
Многіе въ древнее время, великихъ вожди легионовъ: ²

5. Нѣтъ! ты орлиный свой носъ поднимать передъ тѣми не любишь, ³
Кто неизвѣстенъ, какъ я, сынъ раба, получившаго волю!
Ты говоришь, что нѣтъ нужды тебѣ, отъ кого кто родился,
Только бъ былъ самъ благороденъ; ⁴ что многіе даже и прежде
Туллія, также какъ онъ, произшедши изъ низкаго рода, ⁵

10. Жили, храня добродѣтель, и были безъ знатности чтимы;
Знаешь и то, что Левинусъ, потомокъ Валерія, ⁶ конемъ
Гордый Тарквиній былъ свергнуть съ царскаго трона и изгнать,
Римскимъ народомъ всегда—не болѣе асса цѣнился!

Римскимъ народомъ, котораго судъ и правдивость ты знаешь;

15. Этимъ безумнымъ народомъ, который всегда недостойнымъ

- Почести радъ расточать; безъ различія рабствуя славъ,
 Титламъ и образамъ предковъ всегда безъ разбора дивится! ⁷
 Что тутъ намъ дѣлать, далекимъ отъ низкихъ его предразсудковъ!
 Пусть же Левпунсу онъ, а не Децію, новому родомъ, ⁸
20. Важныя должности сталъ бы ввѣрять; пусть я, какъ рожденный
 Несвободнорожденнымъ отцемъ, чрезъ цензора Аппія былъ бы
 Выгнанъ: ⁹ мнѣ и за дѣло, что я не въ свою бы лѣзь кожу! ¹⁰
 Но вѣдь слава стремитъ за блестящей своей колесницей
 Низкаго рода людей, какъ и знатныхъ!—Что прибыли, Тиллій,
25. Что снявъ пурпуръ, опять ты надѣлъ, и сталъ снова трибуномъ? ¹¹
 Только что нажилъ завистниковъ ты; а ты ихъ и не зналъ бы,
 Еслибъ остался простымъ гражданиномъ: за тѣмъ, что какъ скоро
 Ноги обуесть у насъ кто въ ботины, ¹² грудь въ пурпуръ одѣнетъ,
 Тотчасъ вопросы: «кто онъ? отъ какого отца онъ родился?»
30. Точно, какъ Баррусъ, ¹⁵ который престранной болѣзнію боленъ,
 Именно страстью красавцемъ прослыть—куда ни пошелъ бы,
 Какъ-то всегда онъ дѣвицамъ умѣетъ внушить любопытство
 Все разсмотрѣтъ въ немъ, и станъ, и стройную ногу, и зубы,
 Даже и волосы: такъ между нами—и тотъ, кто спасенье
35. Гражданамъ, Риму, имперіи, цѣлой Италіи, храмамъ
 Нашихъ боговъ—обѣщаль, ¹⁴ возбуждаетъ заботу провѣдать:
 Кто былъ отецъ у него, и кто мать, не изъ низкаго ль рода?...
- «Какъ же ты смѣешь, сынъ Сира, раба, ¹⁵ Діонисія, Дамы,
 Гражданъ съ Тарпейской скалы низвергать, ¹⁶ или Кадму—для казни
40. Ихъ предавать? ¹⁷ — Да и Новій, товарищъ мой, степенью цѣлой
 Ниже меня!—Ну что онъ?—Что былъ мой отецъ, онъ такой же!» ¹⁸
 — Что же! или думаешь ты, что самъ ты Мессала, или Павелъ? ¹⁹
 Этотъ вѣдь Новій за то, какъ ему понадобится навстрѣчу

- Въ форумѣ двѣсти тѣлегъ, да хоть три погребенья, такъ крикнетъ,
 45. Что и голосъ трубы заглушить: онъ за то и въ почетѣ! ²⁰
 Но обращаюсь на себя я!—За что на меня нападаютъ?
 Нынче за то, что бывъ сыномъ раба, получившаго вольность,
 Близокъ къ тебѣ, Меценатъ; ²¹ а прежде за то, что трибуномъ
 Былъ я, и римской имѣлъ легионъ подъ начальствомъ! ²²
50. Въ этомъ есть разнища!—Можно завидовать праву начальства;
 Но не дружбѣ твоей, избирающей только достойныхъ!
 Я не скажу, чтобъ случайному счастью я тѣмъ былъ обязанъ!
 Нѣтъ! не случайность меня указала тебѣ, а Виргилій,
 Мужъ превосходный, и Варій—тебѣ обо мнѣ рассказали!
55. Въ первый разъ, какъ вошелъ я къ тебѣ, я сказалъ два-три слова:
 Робость безмолвная мнѣ говорить предъ тобою мѣшала!
 Я не пустился въ разговоръ о себѣ, что высокаго рода,
 Что поля объѣзжаю свои на конѣ сатурейскомъ; ²⁵
 Просто сказалъ я, кто я.—Ты отвѣтилъ мнѣ тоже два слова;
60. Я и ушелъ.—Ты меня черезъ девять ужъ мѣсяцевъ вспомнилъ;
 Слова призвалъ, и дружбой своей удостоилъ! ²⁴ — Горжуся
 Дружбою мужа, который честныхъ людей отличаетъ
 И не смотритъ на родъ, а на жизнь и на чистое сердце!
 Впрочемъ, природа дала мнѣ, съ прямою душою, иные
65. Тоже, какъ всѣмъ, недостатки: правда немного, подобно
 Пятнамъ на тѣлѣ прекрасномъ. Но если ушелъ отъ упрека
 Въ скупости, въ подлости, въ низкомъ, постыдномъ развратѣ;
 Если я чистъ и невиненъ душой и друзьямъ драгоцѣненъ,
 (Можно же въ правдѣ себя похвалить), я отцу тѣмъ обязанъ!
70. Бѣденъ онъ былъ и владѣлъ не обширнымъ, не прибыльнымъ полемъ.
 Но не хотѣлъ посылать онъ меня для ученія къ Флавію въ школу, ²⁵

- Въ школу, куда благородныя дѣти центуріоновъ, ²⁶
 Съ сумкой, висящей на лѣвой рукѣ, и съ табличкой—ходили
 Обучаться проценты по идамъ считать, и просрочку; ²⁷
75. А рѣшплся онъ мальчика въ Римъ отвезти, чтобы тамъ онъ
 Тѣмъ же учился наукамъ, которымъ у римлянъ и всадникъ
 И сенаторъ своихъ обучаютъ дѣтей! ²⁸ — Посмотрѣвши
 Плате мое и рабовъ провожатыхъ, иной бы подумалъ,
 Что расходъ на меня—мнѣ въ наслѣдство оставили предки!
80. Нѣтъ! самъ отецъ мой всегда былъ при мнѣ, мой безмездный хранитель;
 Самъ, при учителяхъ, тутъ же сидѣлъ!—Что скажу я?—Во мнѣ онъ,
 Спасъ непорочность души, красоту добродѣтелей нашихъ,
 Спасъ отъ поступковъ меня онъ, спасъ и отъ мыслей безчестныхъ!
 Онъ не боялся упрека, что нѣкогда буду я тоже,
85. Чтò онъ и самъ былъ: публичный глашатай, иль сборщикъ; ²⁹ что буду
 Малую плату за трудъ получать!—Я и тутъ не ропталъ бы!
 Нынѣ-жь за это ему воздаю похвалу я тѣмъ болѣ,
 И тѣмъ болѣ ему благодарностью вѣчной обязанъ!
 Нѣтъ! покуда я смыслъ сохраню, сожалѣть я не буду,
90. Что такого имѣлъ я отца; не скажу, какъ другіе,
 Что не я виноватъ, что отъ предковъ рожденъ не свободныхъ!
 Нѣтъ! ни въ мысляхъ моихъ, ни въ словахъ, я не сходствую съ ними!...
 Еслибъ природа намъ прежніе годы, прожитые нами,
 Вновь возвращала, и новыхъ родителей мы избирали,
95. Всякой бы выбралъ другихъ—честолюбія гордаго въ мѣру:
 Я же никакъ не хотѣлъ бы родителей, коихъ отличье—
 Ликторовъ пуки и кресла курульныя!—Можетъ быть черни
 Я показалсябъ безумцемъ; но ты бы призналъ мой разсудокъ,
 Въ томъ, что не взялъ на себя я заемнаго бремени тягость:

100. Ибо тогда бы мнѣ должно свое умножать состоянье;
 Въ многихъ искать; звать того и другаго въ деревню;
 Множество слугъ и коней содержать и имѣть колесницу!
 Нынче—могу я въ Тарентъ на кургузомъ мулѣ отправляться,
 У котораго спину натеръ чемоданъ мой, а всадникъ
105. Вытеръ бока!—И никто мнѣ не скажетъ за это упрека
 Въ скупости, такъ какъ тебя упрекаютъ всѣ, Тиллій, когда ты
 Ъдешь, какъ преторъ тибурской дорогой, ⁵⁰ и пятеро слѣдомъ
 Юныхъ рабовъ, кто съ лоханью, кто съ коробомъ винъ! —Отъ того мнѣ
 Право спокойнѣе жить, чѣмъ тебѣ знаменитый сенаторъ!
110. Да спокойнѣй и многихъ другихъ!—Я, куда пожелаю,
 Отправляюсь одинъ; самъ справляюсь о цѣнности хлѣба,
 Самъ о цѣнѣ овощей; плутовскимъ пробираюсь циркомъ; ⁵¹
 Пóдъ-вечеръ часто и въ фóрумъ—гадателей слушать; оттуда
 Я къ пирогу, къ овощамъ—и домой! ⁵² — Нероскошный мой ужинъ
115. Трое рабовъ подаютъ. ⁵³ — На мраморѣ бѣломъ два кубка
 Вмѣстѣ съ ціатомъ стоять; ⁵⁴ простая солонка и чаша,
 И рукомойникъ—посуды простой, кампанійской работы! ⁵³
 Спать я иду, не заботясь о томъ, что мнѣ надобно завтра
 Рано вставать, и на площадь, гдѣ Марсій кривляется бѣдный,
120. Въ знакъ, что онъ младшаго Новія даже и видѣть не можетъ! ⁵⁶
 Сплю до четвертаго часа; ⁵⁷ потомъ, погулявши, читаю,
 Или пишу, про себя, что нибудь, что меня занимаетъ;
 Послѣ я масломъ натрусь; не такимъ, какъ запачканный Ната, ⁵⁸
 Краденнымъ имъ изъ ночныхъ фонарей!—Тутъ, ежели солнце
125. Жаромъ меня утомить и напомнить о банѣ прохладной,
 Я отъ жара укроюсь туда!—Насыщаюсь нежданно,
 Ъмъ, чтобъ быть сыту и легкимъ весь день сохранить мой желудокъ!

Дома потомъ отдохну.— Жизнь подобную только проводятъ
Люди, свободные вовсе отъ узъ честолюбія тяжкихъ!

130. Я утѣшаюся тѣмъ, что пріятнѣй живу, чѣмъ когда бы
Дѣдъ мой, отецъ, или дядя, были бы квесторы Рима.

28 Дек. 1848.

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 1. сат. 6.

1) Ст. 2. Горацийъ слѣдуетъ здѣсь общему преданію, утверждавшемуся на Геродотѣ, по свидѣтельству котораго Этруски, (впослѣдствіи: Тосканцы), будто бы происходили отъ одной Лидійской колоніи, приведенной туда Тирренеємъ, сыномъ царя Атиса. Неосновательность этаго преданія, которое уже Діодоръ Сицилійскій называетъ сказкою, опровергается розысканіями новѣйшихъ ученыхъ. Діодоръ говоритъ даже, что Этруски ничего не имѣли общаго съ другими народами, ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, и что они были родовые туземцы земли, ими обитаемой. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ преданіе это существовало, то Горацийъ, какъ поэтъ, имѣлъ полное право имъ воспользоваться.

3. Ст. 4. Кто были предки Мецената, начальствовавшіе легіонами, это неизвѣстно. Въ застахъ (лѣтописяхъ) римской республики нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы фамилія, изъ которой происходилъ Меценатъ, была отличена высокими званіями. Но было преданіе, что онъ происходилъ отъ царей Этрускихъ.

Древніе Этруски составляли двѣнадцать соединенныхъ областей, изъ которыхъ каждая управлялась *Лукумономъ*, который былъ вмѣстѣ и полководецъ, и верховный судья, и первосвященникъ. Римляне называли ихъ царями. Родъ Мецената (gens *Silvia*) производилъ себя отъ одного изъ сихъ Лукумоновъ. Такое древнее происхожденіе должно было имѣть большой вѣсъ у римлянъ, въ тѣ времена, когда Цезари имѣли притязаніе на происхожденіе своего рода отъ Венеры, Энея и сына его Іула. И потому Горацийъ никогда не упускаетъ случая воспользоваться преданіемъ о знатности Мецената. См. кн. 1 ода 1 и кн. 3. ода 29.

Другія свидѣтельства о его родѣ находятся слѣдующія. Объ одномъ изъ сильныхъ и богатыхъ предковъ Мецената упоминаетъ Т. Ливій (10: 3). Цицеронъ говоритъ о Каіѣ Меценатѣ, римскомъ всадникѣ, который храбро сопротивлялся Марку Ливію Друзу. Цильвій, котораго хвалитъ Силій (*Silius L. 8 v. 29*) былъ изъ той же фа-

миліи. Тотъ же стихотворецъ (L. 10) говоритъ еще объ одномъ Мecenатѣ, который былъ убитъ при Кавнахъ, и котораго олъ производить тоже отъ царей Лидійскихъ и Этрусскихъ.

Слово: *legionъ*, не употреблялось у Этрусковъ. Гораций употребилъ его вместо общаго слова: войска.

3) Ст. 5. Я предпочелъ русское выраженіе: *поднимать носъ*; что значить: *гордиться*. Горациево *nasо adunco suspendere*, которое Ниваръ называетъ непереводаемымъ, значить *почти* тоже: оказывать насмѣшливое пренебреженіе, *arguet persiflage*, пренебрегать, пересмѣхать. Какъ было перевести это иначе?

4) Ст. 8. Въ подлинникѣ: *ingenuus*. Гораций съ намѣреніемъ употребилъ это слово, имѣющее двойное значеніе, какъ и у насъ слово: *благородный*, означающее и благородное происхожденіе, и благородную душу. Чтобы повѣять это и многія подобныя мѣста изъ Горация, надобно вспомнить, что великая государственная перемена, претерпѣнная римскою республикой въ правленіе Августа, произвела нѣкоторое ослабленіе древняго римскаго духа и республиканскихъ нравовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо должна была произвести упадокъ и поддѣлку въ степеняхъ гражданскихъ состояній. После междоусобныхъ войнъ и проскрипцій, осталось очень немного патриціанскихъ фамилій. Сенаторское достоинство много потеряло прежняго своего блеска отъ *новыхъ людей*, (*novi homines*), которые въ великомъ множествѣ принимаемы были въ это сословіе, даже изъ самаго низкаго класса народа, (*plebs*) единственно изъ милости, или по богатству. Важность званія всадническаго, напротивъ, возвышалась по мѣрѣ упадка званія сенаторскаго. Также возвысилось и званіе *свободно-рожденнаго* (*ingenui*) и составило какъ-бы нижнее дворянство, которое непримѣтно сливалось съ званіемъ всадниковъ, причисляясь къ нему или посредствомъ полученія почетныхъ мѣстъ, или посредствомъ записки въ цензъ. Перемена, которую это должно было произвести въ римскомъ народномъ духѣ, была тѣмъ значительнѣе, что и въ классѣ *ingenui* попадали, перескакивая черезъ одну степень; а именно: *libertini*. или сыновья вольноотпущенниковъ, составляли прежде *средній классъ* между *libertis* и *ingenuis*, и только сынъ *libertini* (т. е. внукъ вольноотпущеннаго), имѣлъ право на званіе *ingenui*; но въ это время давалось это названіе и дѣтямъ вольноотпущенниковъ, а *libertus* и *libertinus* считались за одно. Что это вошло въ употребленіе еще во время Цицерона, явствуетъ изъ его речи про Сluentio, гдѣ дѣло идетъ о защитѣ Скамандра, *liberti* Фабриціевъ, и гдѣ Цицеронъ говоритъ, что онъ въ защитствѣ Скамандра воспользовался такимъ основаніемъ, которое *in libertinorum causis* всегда признавалось достаточнымъ. Многіе толкователи, по невнимательности къ этому смѣшенію состояній, произшедшему незаметно въ послѣднія времена республики, изъ этихъ словъ: *libertinus*, которое употребляетъ Горацийъ, говоря о своемъ отцѣ, и *ingenuus*, говоря о себѣ, заключили, что еще отецъ Горация былъ сынъ вольноотпущенника. Но доказательство Альда Мануція младшаго, что въ это время слово *libertinus* потеряло свое старое значеніе и означало тоже самое, что прежде *libertus*, а равно и вся связь этой сатиры, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что заключеніе этихъ толкованій не имѣетъ основанія.

И такъ *ingenuus* употреблено здѣсь не такъ, какъ слово *права* для означенія свободнаго человека, котораго и отецъ не былъ рабомъ. Здѣсь оно, какъ и у насъ слово: *благородный*, употреблено въ смыслѣ благородныхъ качествъ души.

5) Ст. 9. Горацій слѣдуетъ мнѣнію народному, которое почитало Сервія Туллія человекомъ низкаго происхожденія, потому что онъ былъ сыномъ рабы; но дѣйствительно онъ происходилъ отъ высокаго рода, который уронилъ одинъ жребій войны. Его отецъ былъ убитъ, при взятіи Корнкулума, гдѣ онъ начальствовалъ войскомъ; а мать его, Окрузія, беременная имъ, была взята въ пѣвнъ и привезена въ Римъ, гдѣ царица, супруга Тарквинія Приска, дала ей свободу, и воспитала Сервія Туллія; но онъ былъ рожденъ еще до полученія свободы, почему и названъ *Servius*. По нашему: *рабичь*, или *рабыничь*. Такъ, у Нестора, говоритъ Рогнеда о Владимірь: «Не хочу разуть рабынича.»

6) Ст. 11. Фамилія *Valeria* была изъ древнѣйшихъ и благороднѣйшихъ фамилій въ Римѣ. Валерій Публикола, (который намѣсто Коллатина данъ былъ въ товарищи по консульству знаменитому Юнію Бруту, потому что вмѣстѣ съ нимъ наиболее способствовалъ къ изгнанію Тарквинія Гордаго), положилъ первое основаніе знаменитости рода Валеріевъ, коего отраслями были: Левинусы, Корвины, Катиллы, Флакки, и другіе.

И потому *Публикола* и *Левинусъ* принадлежали къ двумъ различнымъ отраслямъ одного и того же рода Валеріевъ, изъ которыхъ первая была отрасль патриціанская, а вторая плебейская. Изъ послѣднихъ тоже было четыре консула. Тотъ, о которомъ говорится здѣсь, долженъ быть П. Валерій Левинусъ, сынъ консула того же имени, который сражался противъ Пирра. Этотъ сынъ его велъ столь неизвѣстную жизнь, что ничего не сохранилось о немъ, кромѣ его имени. Одинъ схоластъ говоритъ, что онъ, по дурной славъ, навлеченной дурными нравами, никогда не могъ достигнуть выше претуры. Не отъ него ли упала эта фамилія? По свидѣтельству Плинія (кн. 35 гл. 2), ораторъ Мессала запретилъ даже помѣщать Левинусовъ между изображеніями предковъ его дома.

7) Ст. 17. Римляне сохраняли изображенія предковъ, какъ памятники, свидѣтельствующіе древность и знаменитость рода.

8) Ст. 19. Деціи были плебен. Вѣроятно, разумѣется здѣсь Публий Децій Мусъ, который столь славенъ принесеніемъ себя на жертву за республику, и который, первый изъ Деціевъ, изъ плебейскаго происхожденія достигъ (въ 415 г. Р.) консульства. Въ отношеніи къ Валерію Левинусу, его современнику, и можетъ быть сопкастною консульства онъ былъ *homo novus*.

9) Ст. 22. Здѣсь говоритъ Горацій не собственно о себѣ, а о людяхъ его состоянія, которые были бы въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Нужно однакожь объяснить, о какомъ изгнаніи здѣсь говорится. Полагаютъ, что незадолго до паденія республики, вольноотпущенные принимаемы были въ число сенат-

торевъ. Ценсоръ Аппій Клавдій исключилъ ихъ, оставя только влукровъ вольноотпущенниковъ. Здѣсь, въ подлинникѣ, то же слово *ingenitus*, какъ и въ стихѣ 8. (См. прим. 4); но здѣсь оно употреблено въ смыслѣ права.

Діонъ Кассій говоритъ, что ценсоръ Аппій Клавдій исключилъ изъ сената не только вольноотпущенныхъ, но многихъ мужей и знатнаго происхожденія, въ томъ числѣ и историка Саллюстія. Аппій былъ патриціанскаго происхожденія и гордился своимъ родомъ.

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ переводчикъ Саллюстія, Dureau Delamalle: «надобно признаться, что нѣкоторые сенаторы и всадники, исключенные Аппіемъ Клавдіемъ, были достойны этаго посяганія. Но если нѣкоторыя исключенія и были несправедливыми, тѣмъ не менше все они должны были казаться таковыми, будучи произведены такимъ ославленнымъ человекомъ, каковъ былъ самъ Аппій Клавдій, который незадолго до своего ценсорства былъ замѣшанъ въ два обвиненія, и одолженъ былъ своимъ спасеніемъ болѣе силъ Помпея, чѣмъ своей безвинности.»

Ценсура въ хорошія времена республики была конечно учрежденіемъ мудрымъ, въ тѣ времена, когда должность ценсоровъ возлагалась на людей безукоризненныхъ, и когда, по чистотѣ нравовъ, наказанія были рѣдки. Но не то уже было, когда всеобщій развратъ распространился и на самыхъ ценсоровъ, и требовалъ столь же частыхъ наказаній, сколь часты были преступленія.

Такимъ образомъ нельзя не обвинять Аппія Клавдія за исключеніе Саллюстія изъ числа сенаторовъ. Поводомъ къ этому былъ его связи съ нѣкоторыми знатными римлянами: порокъ общій въ это время всеобщаго разврата, который не могъ быть достаточною причиною къ позорному униженію такого человека, каковъ былъ Саллюстія.

Послѣ этаго очень понятно, почему Гораций говоритъ объ этихъ исключеніяхъ съ такой презрительной насмѣшкой.

10) Ст. 22. Сравненіе, вѣроятно, взятое изъ басни Езопа: оселъ въ львиной кожѣ.

11) Ст. 25. Обыкновеніе обшивать одежду пурпуровою каймою перешло, какъ полагаютъ, изъ Азіи въ Грецію, а оттуда въ Италію. Въ Римѣ первый последовалъ этому обычаю Тулла Гестилій; впоследствии пурпуровыя полосы были знакомъ отличія всадниковъ отъ простаго народа, а сенаторовъ отъ всадниковъ. Туника всадниковъ имѣла двѣ узкія полосы, и потому называлась *angusticlavia*; а сенаторы напротивъ отличались одною широкою полосою: *latus clavus*. Впрочемъ, гдѣ онъ назывался, никто этаго не знаетъ: одни думаютъ, что спереди, другіе, что по бокамъ; одни, что онъ доходилъ до самаго низу и окружалъ подолъ; другіе, что онъ доходилъ только до пояса. Изображеній же римлянъ въ этомъ костюмѣ до насъ не дошло.

Патриціи носили *latus clavum*, по праву рожденія, еще до принятія *togae virilis*. (См. примѣч. 37 къ сат. 5). Августъ распространилъ это право на всехъ сыновей

сенаторовъ; а въ позднѣйшее время оно стало зависеть просто отъ снисходительности государей (*indulgentia Principis*), и право носить *latus clavus* сдѣлалось милостію, которую можно было получить отъ благорасположенія и счастья, безъ правъ рожденія и безъ достоинства. Во время Августа, когда упадокъ старыхъ обычаевъ старались еще, посредствомъ разныхъ измѣненій, сдѣлать не столь замѣтнымъ, сынъ плебея могъ, чрезъ должность военнаго трибуна, достигъ до степени всадника, а сынъ всадника, чрезъ ту же военную должность, до права сенаторскаго, или до *latus clavus*. При позднѣйшихъ императорахъ смотрѣли на это уже не такъ строго; было множество трибуновъ почетныхъ, т. е. только по титулу, а не по должности, которые для того только добивались этаго чина, чтобы получить *latus clavus*, который отъ этаго сдѣлался наконецъ столь обыкновеннымъ, что пересталъ служить знакомъ отличія.

Кто былъ *Туллій*, (или *Туллий*, какъ пишется въ некоторыхъ изданіяхъ), достоверно неизвѣстно. Полагаютъ, что это былъ тотъ самый, человекъ низкаго происхожденія и дурныхъ нравовъ, который, воспользовавшись смятеніями междоусобныхъ войнъ для достиженія высокихъ должностей, былъ принужденъ Цезаремъ снять латиклаву, за то, что онъ принадлежалъ къ сторонѣ Помпея. Послѣ смерти Цезаря, онъ опять надѣлъ ее и былъ народнымъ трибуномъ.

Впрочемъ одинъ комментаторъ (Геснеръ), для объясненія этаго стиха Горация, замѣчаетъ, что даже кандидаты на сенаторское званіе, въ надеждѣ полученія этаго достоинства, заранее надѣвали *latus clavum*, и такимъ образомъ, въ случаѣ неудачи, должны были снимать съ себя пурпуръ.

12) Ст. 28. Здѣсь разумѣть Горацийъ ботинки, или полусапожки сенаторовъ, называвшіяся *mulleus*. — Они дѣлались изъ черной, или изъ бѣлой кожи, на высокой подошвѣ, доставали до половины икры и завязывались ремнями, которые сверху застегивались пряжкой.

13) Ст. 30. Объ немъ говорится въ сатиру 4-й ст. 110. См. примѣч. 36.

14) Ст. 36. Это относится вѣроятно къ формѣ клятвы, которую давали высшія должностныя лица въ Римѣ, при вступленіи въ должность.

15) Ст. 38. Рабы римлянъ были по большей части изъ Сиріи, или изъ Фракіи. Вотъ почему имя *Syrus*, сиріяннинъ, дается почти всегда рабу въ ихъ комедіи. *Dama* и *Damas* — тоже обыкновенное имя раба, сокращенное изъ имени *Demetrius*, также какъ говорилось *Menas* вмѣсто *Menodorus*, *Thevdas* вмѣсто *Theodorus*.

16) Ст. 39. Тарпейская скала составляла южную остроконечность горы Капитольской, гдѣ вѣроятно была старая крѣпость еще до Ромула. *Tarpeia*, дочь Сп. Тарпея, которому вверена была защита этаго поста, допустила, какъ говоритъ баснословное преданіе, подкупить себя *Тацію*, предводителю латинянъ, и отворила ему тайныя ворота, ведущія въ крѣпость. Отъ нея эта остроконечная скала получила имя Тарпейской.

Одинъ схолиастъ говоритъ, что низвергать государственныхъ преступниковъ съ скалы Тарпейской было должностію народныхъ трибунъ. Въ римской исторіи встрѣчаются примѣры, что народные трибуны угрожали даже и людямъ высокой степени низверженіемъ ихъ съ скалы Тарпейской, что было наказаніемъ позвѣны, или другихъ неслыханныхъ преступленій. Что въ Гораціево время это не было отмѣнено, то свидѣтельствуется самымъ этимъ мѣстомъ сатиры; а Тацитъ повѣствуетъ (лѣт. кн. 6 гл. 19), что цезарь Тиберій низвергъ съ Тарпейской скалы Секета Марія, который, къ своему несчастію, былъ богатѣйшій человекъ во всей Испаніи.

17) Ст. 40. Кадмъ, вѣроятно, былъ ликторъ. Имъ предавали виновныхъ для телеснаго наказанія, или для отсѣченія головы.

18) Ст. 41. Новій былъ самъ вольноотпущенный; а говорящій — былъ вольноотпущеннаго: следовательно степенно выше перваго. Это презабавная черта новичка, сказать по нашему, вышедшаго въ люди, который, презирая товарища за то, что онъ одною степенно ниже его, промовился такъ недобко: «чѣмъ былъ мой отецъ, онъ такой же!»

19) Ст. 42. Мессала былъ изъ рода Валеріевъ; а Павелъ изъ Эмилиевъ: оба изъ знаменитыхъ и древнихъ домовъ Рима.

20) Ст. 45. Духовые инструменты, трубы и флейты, употреблялись у римлянъ: первые при погребеніи людей зрѣлаго возраста, а вторые дѣтей. Закономъ XII таблицъ число этихъ трубъ и флейтъ ограничено десятью. Погребенія проходили обыкновенно чрезъ форумъ, гдѣ иногда останавливалась процессія для произнесенія надгробныхъ рѣчей. Это очень забавная черта, что этотъ Новій въ почетъ за то, что громко кричить. Это бывасть и не у римлянъ.

21) Ст. 48. Горацій былъ *convictor* Менената. У насъ нѣтъ слова для перевода этого названія. Повліяіе, представляемое этимъ словомъ, означаетъ собственно человекъ, который живетъ въ домѣ другаго; но оно же значить и такого, который составляетъ всегдашнее общество другаго и пользуется, когда хочеть, его столомъ. Наше слово: со-жительъ, имѣеть другое значеніе; а слово: застольникъ, было бы слишкомъ низко. Ближе всего слово: собесѣдникъ, невольнѣ однако выражающее понятіе римскаго слова.

22) Ст. 49. Горацій былъ подъ начальствомъ Брута и находился въ битвѣ при Филиппахъ. Трибунъ имѣлъ подъ начальствомъ тысячу человекъ; но изъ словъ Горація видно, что онъ начальствовалъ легиономъ. Странно, что вѣтрили эту должность столь молодому человеку; но въ это время безпорядка неудивительно.

23) Ст. 58. Городокъ *Saturejum* находился на землѣ тарентинской. Эта сторона славилась коннозаводствомъ. Въ окрестностяхъ Тарента были превосходныя пастбища.

24) Ст. 61. Это мѣсто тѣмъ болѣе стоить быть замѣченнымъ, что оно служитъ хронологическою повѣркою нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни Горація. Въ битвѣ

при Филиппахъ (въ 713 г.) Горацийъ предводительствовалъ легиономъ подъ начальствомъ Брута, съ которымъ за два года до того онъ познакомился въ Афинахъ. А такъ какъ онъ родился въ 689 году, то тогда ему было 23 годъ отъ роду. Послѣ несчастнаго исхода этой битвы, которой первымъ и несчастнѣйшимъ послѣдствіемъ— была смерть Брута и Кассія, Горацийъ воспользовался всеобщимъ прощеніемъ, которое даровалъ побѣдитель всемъ приверженцамъ Брута и Кассія, которые положить оружіе и спокойно возвратятся въ домъ. Горацийъ, (какъ выражается онъ въ эпистолѣ къ Юлію Флору), возвратился на свою родину *decisis humilis pennis*, «съ подрѣзанными и низко порхающими крыльями.» Небольшое наследственное родительское имѣніе (ст. 70) потерялъ онъ черезъ опалу, которой подверглись отъ триумфировъ все приверженцы убійцы Цезаря. Онъ очутился въ такомъ положеніи, въ которомъ ему не оставалось никакихъ другихъ средствъ, кромѣ его хорошаго воспитанія и дарованія поэтическаго; а въ поэзій, какъ видно изъ сатиры 10 (ст. 31) онъ упражнялся еще въ Афинахъ. Безсомнѣнія вскорѣ послѣ этого познакомился онъ съ обонми поэтами, Виргиліемъ и Варіемъ, которые по любви своей къ нему, познакомили его съ Меценатомъ, положили основаніе его благополучію. Виргилій и самъ не прежде, какъ въ 713 году, прибылъ изъ Мантуи въ Римъ и познакомился съ Меценатомъ. Если предположить, что Виргилій прежде долженъ былъ самъ убѣдиться въ любезныхъ качествахъ своего новаго друга, и потомъ уже могъ осмѣлиться сказать, «что онъ такое, *quid esset*, другу и любимцу Октавія Цезаря; и такъ какъ, кромѣ этого, между тѣмъ временемъ и днемъ, въ который Горацийъ былъ лично представленъ Меценату, (какъ показываетъ въ подлинникѣ слово *olim*), прошло не мало времени: то съ основательностію можно заключить, что онъ едвали прежде 715 года могъ въ первый разъ сдѣлаться вхожимъ къ Меценату. Между этимъ днемъ и тѣмъ временемъ, когда Меценатъ опять призвалъ его и объявилъ ему, что впредь будетъ считать его въ числѣ своихъ пріятелией, (*jubes esse in amicorum numero*), прошло девять мѣсяцевъ: и такъ эпоха короткой связи между ними приходится никакъ не ранѣе конца 715, или начала слѣдующаго года. Такимъ образомъ и настоящая сатира могла быть написана не прежде, но и не послѣ 717 года. Очень вѣроятно, что она слѣдовала непосредственно за путешествіемъ въ Брундузіумъ: слѣдовательно она относится къ такому времени, когда благосклонность Мецената къ Горацию была уже известна, но такъ еще нова, что обращала на себя вниманіе, какъ новость, и возбуждала въ мелкихъ душахъ зависть, какъ это видно во многихъ мѣстахъ и другихъ его сатиръ. Напр. въ 6 сат. 2 кн. и проч. Эта зависть, какъ видно, изыскивала всевозможныя средства ослабить то выгодное положеніе, въ которое ставили его покровительство молодаго Цезаря, дружба Мецената и слава его дарованія.

25) Ст. 71. Флавій былъ, какъ видно, учитель, который обучалъ читать, писать и считать. Надобно полагать, что его школа была въ Венузіи, родинѣ Горация.

26) Ст. 72. Центуріоны, сотники, были, по нашему, ротные начальники, но они были только въ пехотѣ, а не въ конницѣ. *Magui centuriones*, какъ названы они здѣсь въ подлинникѣ, начальствовали первой ротой и потому считались выше первыхъ.

27) Ст. 74. Чтобы уяснить этот стих, надобно припомнить следующее. Каждый римской мѣсяцъ раздѣлялся *идами* почти на двѣ равныя части, и хотя это названіе принадлежало только 13 или 15 числу мѣсяца, однако на *иды* считалось по осьми дней, и потому-то Гораций называетъ ихъ *octonas*.

Обыкновенно у римлянъ проценты на занятую сумму платились ежемѣсячно, (см. сат. 2 примѣч. 3), или *въ календы*, т. е. въ первый день мѣсяца; или *въ иды*, т. е. въ половинѣ мѣсяца. Въ подлинникѣ, подъ словомъ *аега*, разумѣть Гораций не иное что, какъ проценты. И такъ этотъ стихъ значитъ, что ученики приносили учителю арифметическія задачи, заданныя имъ для рѣшенія на дому; напр. «сколько процентовъ принесутъ въ мѣсяцъ столько-то сестерцій, считая по столько-то на сто?» Это сатирической взглядъ на ту же современную черту характера народа, которой касается поэтъ и въ эпистолахъ къ Пизонамъ, какъ главной причинѣ, почему римляне отстали отъ грековъ въ изящныхъ искусствахъ и въ поэзій.

28) Ст. 77. Эти науки были: грамматика, риторика, діалектика, правоученіе и проч.

29) Ст. 85. *Праесо*—былъ публичный возгласитель при аукціонныхъ продажахъ; *соастог*—тотъ, который собираетъ деньги, полученныя за продажу. Это званіе отца Горация, *exactionum coactor*, упоминается и въ древнемъ жизнеописаніи Горация, которое приписываютъ Светонію. Любопытные могутъ найти его въ подлинникѣ въ переводахъ Дасье и Санадона сочиненій Горация. Издан. 1731 года т. I.

30) Ст. 107. Вѣроятно тотъ же, о которомъ упоминается въ стихъ 25.

31) Ст. 112. Большой циркъ былъ между горою Палатинскою и Авентинскою. *Circus maximus* и *Forum romanum* были всегда, особенно вечеромъ, наполнены множествомъ праздныхъ людей, между которыми находили случаи отправлять свое ремесло всякаго рода промышленники и искусники: фокусники, площадные лъкарп, толкователи словъ, гадатели, и другая подобная имъ сволочь. Гораций считаетъ въ числѣ выгодъ своего неизвѣстнаго состоянія, что можетъ забавляться какъ ему угодно. Человѣку высшаго состоянія было бы неприлично толкаться между народомъ и слушать шарлатановъ и гадателей; а его никто въ этомъ не осудить.

32) Ст. 114. Чрезвычайно трудно передать на новѣйшій языкъ древнюю кухню. Овощи у Горация поименованы; но какъ ихъ названія возбуждаютъ разногласіе объяснителей, то я рѣшился употребить общее нарицательное имя. А *lagani catinum*, по изъясненію большей части изъ нихъ, значитъ пироги изъ муки, на оливковомъ маслѣ и съ медомъ.

33) Ст. 115. Трое рабовъ, то есть: 1. поварь; 2. *Structor*, который накрываетъ на столъ и подаетъ кушанье; 3. *Pocillator*, разливатель питья. Кажется, для одного человѣка довольно этой прислуги; но въ сравненіи съ множествомъ слугъ, которыми наполнены были столовыя знатныхъ и богатыхъ римлянъ, это число было самое ограниченное для порядочнаго человѣка. Трое слугъ прислуживаютъ за столомъ сына вольноотпущенника, и этаго мало! Чудно какъ любили барствовать эти римляне!

34) Ст. 116. Два бокала или два кубка: одинъ для воды, другой для вина; и одинъ cyathus, для вина смѣшаннаго съ водой: ибо чистое вино безъ воды употреблялось рѣдко. Cyathus былъ въ родѣ небольшого стакана. Онъ содержалъ въ себѣ двѣнадцатую часть секстарія (sextarius), или, какъ говорятъ некоторые комментаторы, одинъ глотокъ.

На пирахъ, при питьѣ за здоровье, что было въ употребленіи между молодыми людьми, измѣрялось цѣтами сколько каждому должно выпить; наприкладъ: выпить столько цѣатовъ, сколько буквъ содержитъ его имя. Это видно изъ одной эпиграммы Марціала:

Naevia sex cyathis, septem Iustino bibatur,
Quinque Lycas, Lyde quattuor, Ida tribus.

35) Ст. 117. Вся эти роды посуды, само собою разуметсяя, нельзя перевести вѣрно, а только приблизительно. Иные обычаи и потребности древнихъ; иные наши. Самые точные переводчики и комментаторы несогласны ни въ значеніи, ни въ переводѣ на новѣйшіе языки этихъ названій, по неизвѣстности, иногда формы посуды, иногда ея значенія и употребленія.

Кампанія доставляла Риму глиняную посуду, подобную нынѣшнему фаянсу.

36) Ст. 120. Извѣстна изъ Мифологіи басня о сатиръ Марсіѣ, который, съ своей флейтою, вызывалъ Аполлона, съ его цитрою, на состязаніе. Когда музы отдали преимущество въ игрѣ Аполлону, а Марсію объявили побѣжденнымъ, тогда немилосердый побѣдитель содралъ съ живаго Марсію кожу. Поясная статуя несчастнаго Сатира стояла на большомъ римскомъ форумѣ, въ той сторонѣ, гдѣ находились столы римскихъ мѣняль. Одинъ изъ этихъ ростовщиковъ былъ младшій Новій, котораго физіономія была вѣроятно очень непріятна римскимъ повѣсамъ и расточителямъ, которые были ему должны. Шутливая причина, приводимая Горациемъ, почему кривляется Марсіѣ, объясняется такимъ образомъ сама собою. Но для насъ русскихъ, по странному сходству одного нашего выраженія съ мыслию Горация, это мѣсто должно быть еще понятнѣе: мы говоримъ о ростовщикахъ, что они съ своихъ должниковъ «кожу дерутъ.»

37) Ст. 121. Это, по нынѣшнему измѣренію дня, часовъ до девяти утра. Объяснители Горация оправдываютъ такое позднее пробужденіе отъ сна — тѣмъ, что онъ проводилъ ночь въ чтеніи и письмѣ. Изъ многихъ свидѣтельствъ древнихъ видно, что это было у нихъ въ обычаѣ; можетъ быть, по жаркому климату, который препятствовалъ заниматься днемъ умственной работою.

38) Ст. 123. Natta было прозваніе одной изъ отраслей Пинаріевъ, которая раздѣлялась на три: Mamertini, Natta и Rufi. Вся они были патриціанскаго происхожденія. Кто былъ самый этотъ Natta, упоминаемый здѣсь — неизвѣстно.

САТИРА СЕДЬМАЯ.

Т Я Ж Б А.

- Всякой цирюльникъ и всякой подслѣпый, я думаю, знаетъ, ¹
Какъ полуримлянинъ Перей, ² съ проскриптомъ Рунилемъ въ ссорѣ, ³
(Прозваннымъ Царь), отплатилъ за его ядовитость и гнусность!
Перей богачъ былъ; имѣлъ онъ большія дѣла въ Клазоменѣ; ⁴
5. Съ этимъ Рунилемъ-Царемъ имѣлъ онъ тяжелую тяжбу!
Жѣсткой онъ былъ человѣкъ, ненавистникъ: въ томъ и Царя онъ
Могъ превзойти!—И надменецъ и гордъ, оскорбительной рѣчью
Онъ на бѣлыхъ коняхъ обгонялъ и Сизенну и Барра! ⁵
Возвращаюсь къ Рунилю снова.—Никакъ не возможно
10. Было ихъ согласить—за тѣмъ, что сутяги имѣютъ
То же право стоять за себя, какъ и храбрые въ битвѣ!
Такъ между Гекторомъ, сыномъ Приама, и храбрымъ Ахилломъ
Гнѣвъ былъ столько великъ, что лишь смерть развела ратоборцевъ! ⁶
А причиною одно: что въ нихъ мужество равное было!
15. Еслижъ вражда между слабыхъ, или война межъ неравныхъ,

Такъ, какъ случилось между Діомедомъ и Главкомъ ликійцемъ:

То трусливый назадъ; и подарки еще предлагаетъ! ⁷

Персій съ Рупиліемъ въ битву вступили предъ преторомъ Брутомъ: ⁸

Азіей правльв богатою онъ. — Самъ Бноъ и самъ Бакхіи

20. Менѣ были бь равны, чѣмъ они на побоищѣ этомъ! ⁹

Оба выходятъ на судъ, другъ на друга горячіе гнѣвомъ;

Оба великое зрѣлище взорамъ собранья готовятъ!

Персій свой искъ изложилъ, и былъ всеми согласно осмѣянъ!

Претора Брута сперва расхвалилъ онъ, потомъ и когорты;

25. Солнцемъ всей Азіи Брута назвавъ, онъ къ звѣздамъ благотворнымъ

Свиту его примѣнилъ; одного лишь Рупилія назвалъ

Несомъ — созвѣдіемъ злымъ, ненавистнымъ для всехъ земледѣльцевъ! ¹⁰

Персій стремился, какъ зимній потокъ нерубленнымъ лѣсомъ!

Началь Пренестецъ потомъ; отплатилъ онъ ему, и съ избыткомъ!

30. Такъ виноградаръ, когда закукуетъ прохожій кукушкой,

Бранью его провожаетъ, пока онъ изъ глазъ не исчезнетъ! ¹¹

Вотъ грекъ Персій, Италиі укусомъ выкупанъ вдоволь, ¹²

Вдругъ закричалъ: «Умоляю богами, о Брутъ благородный!

Ты, который съ царями, справляться привыкъ! — Для чего ты

35. *Этаго* терпишь? — Оно бы твое настоящее дѣло!» ¹³

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 1. САТИРА 7.

1) Ст. 1. Слова Горация: *lippis et tonsoribus notum*, т. е. «известно всякому, имѣющему гнойные глаза, и всякому брадобрею» — должно думать, были поговоркой, которая значить просто: «известно всякому.» Такъ какъ для слова *lippus*, (по французски *chassieux*), у насъ нѣтъ термина, заключающагося въ одномъ словѣ, то я рѣшился перевести приблизительно, словомъ *подслѣпный*; отъ чего мысль и выраженіе Горация, и безъ того для насъ неясныя, не теряютъ ничего.

Кажется, глазная болѣзнь, которую означаетъ слово *lippus*, была въ Римѣ довольно обыкновенною, судя потому, что объ ней у Горация упоминается часто. Лавки продавцевъ глазной мази и лавки брадобревей были всегда наполнены людьми, которые, въ ожиданіи, пока ихъ отпустятъ, занимались разговорами и рассказами о городскихъ новостяхъ. Вотъ почему, вѣроятно, брадобревей и больныхъ глазами Гораций почитаетъ востовщиками. Это слово *lippus*, и въ первой сатирѣ, гдѣ говоритъ Гораций о философѣ Криспинѣ, и въ пятой, гдѣ говоритъ о самомъ себѣ, довольно часто у него встрѣчается, и нерѣдко въ насмѣшку.

2) Ст. 2. *Hybrida Persius* — я перевелъ словами: *полуримлянинъ Персій*. Слово *hybrida* или *ibrida*, значить по своему словопроизводству: вѣтвь, привитая къ дереву другаго рода. Персій былъ сынъ римлянина и гречанки, или, какъ полагаютъ нѣкоторые, съ болѣею вѣроятностію, сынъ грека и римлянки; ибо въ стихѣ 31 Гораций называетъ его грекомъ; следовательно по понятію римлянъ — помесь, выродокъ, происшедшій не отъ чистой римской крови.

3) Ст. 2. Публий Рупилій, по прозванію «Царь», уроженецъ Пренесты, былъ военный сослуживецъ Горация, въ лагерѣ Брута, и вмѣствъ съ другими, въ правленіе триумвировъ былъ подвергнутъ проскрипціи. Странно, что Гораций упоминаетъ, какъ бы въ упрекъ ему, проскрипцію, которой и самъ подпалъ наравнѣ съ нимъ, какъ приверженецъ Брута.

4) Ст. 4. *Клазомена*—знаменитый торговый городъ въ малой Азіи, на западной сторонѣ небольшого залива, который образовало Эгейское море между имъ и Смирной, лежащей по восточную сторону того же залива. Изъ уваженія къ выгодному положенію этого города, удобнаго для торговли, Клазоменъ покровительствовалъ Александръ Великій, а потомъ и римляне. Августъ столь распространилъ ее и украсилъ, что на монетахъ Клазомены изображалось лице Августа, какъ втораго ея основателя.

5) Ст. 8. *Баррусъ* и *Сизена*—имена въ точности неизвѣстныя. О Баррусъ думаютъ, что это тотъ самый, о которомъ говорится въ сатиры 4 и 6. О Сизенѣ полагаютъ, тоже по догадкѣ, что это тотъ самый Корнелій Сизена, котораго острое слово, сказанное имъ въ сенатѣ на счетъ Августа, упоминается у Діона. Его упрекали дурною жизнію его жены. Онъ отвѣчалъ: «я женился на ней по совѣту Августа.» Онъ хотѣлъ дать знать этимъ отвѣтомъ, что Августъ принудилъ его на ней жениться, чтобы удобнѣе имѣть съ нею сношенія. Хотя все это догадки, но я долженъ былъ привести ихъ, какъ мнѣнія объяснителей.

Выраженіе подлинника: *equis albis praecipere* — «обгонять на бѣлыхъ коняхъ» — было поговорка, или пословица, которая произошла отъ мифвія, будто бѣлая лошадь быстрѣе прочихъ. По этому и *Виргилій* говорить о коняхъ *Илдумна*:

«Превосходили снѣгъ близной, а скоростью вѣтеръ.»

6) Ст. 13. Поэтъ сравниваетъ ихъ, въ шутку, съ двумя величайшими героями войны троянской.

7) Ст. 17. Встрѣча на полѣ битвы *Главка* съ *Діомидомъ*, описана у *Гомера* въ 4 пѣснь *Иліады*.

8) Ст. 18. Хотя Азія была провинція проконсульская, т. е. такая, которой правители, по обыкновенному порядку, должны были быть изъ консуловъ; но въ томъ безпорядкѣ, въ который пришла республика послѣ смерти *Юлія Цезаря*, не строго смотрѣли на права лицъ, при ихъ назначеніи къ важнымъ должностямъ. Сенатъ, при всей своей слабости и боязливости, былъ однако убѣжденъ, что вся надежда на восстановление республики заключалась въ *Брутѣ*, и потому поспѣшилъ надавать ему столько провинцій, сколькими онъ могъ управить. Такимъ образомъ сначала онъ получилъ, какъ пропреторъ, островъ *Критъ*; потомъ *Македонію*; а въ 711 году, послѣ проконсула Азіи, *Требонія*, и эту богатую провинцію. И такъ слово: преторъ *Гораций* употребляетъ въ смыслъ пропретора; а между тѣмъ и *Плутархъ* говорить, что *Брутъ* объѣзжалъ города Азіи, и судилъ тяжбы и споры въ качествѣ претора.

9) Ст. 20. *Биоъ* и *Бакхій* были два гладіатора, которые въ одномъ побойщѣ побѣдили всѣхъ прочихъ, и потому должны были наконецъ битъ между собою. Такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ признать другаго побѣдителемъ, то наконецъ они пали оба, и побѣда осталась нерѣшеною.

10) Ст. 27. Созвѣздіе, называемое и у насъ псомъ, canis, отъ чего происходитъ и слово каникулы. Поэтъ называетъ его ненавистнымъ для всѣхъ земледѣльцевъ, потому что въ это время года жары иссушаютъ землю, препятствуютъ ея плодородной спѣ, и смертоносны для стадъ.

11) Ст. 31. Чтобы понять это мѣсто, нужно обратиться къ Плинію (кн. 13 гл. 9). «Подпистка виноградныхъ лозъ, говоритъ онъ, должна производиться въ первыя двѣ недѣли послѣ весенняго равноденствія; и потому сельскіе жители считаютъ за большой себѣ стыдъ, когда во время этой работы закукуетъ кукушка, какъ признакъ, что они опоздали. Это, между поселянъ, подаютъ поводъ къ различнымъ шуткамъ.» Известно, что въ Италіи садили обыкновенно виноградъ около виазовъ. Прохожій, увидя на деревѣ крестьянина, обрѣзывающаго виноградныя лозы, на смѣхъ ему куковала кукушкой и мѣшала его работѣ. Виноградарь же, принявъ это за обиду, начиналъ браниться, и такимъ образомъ завязывалась ссора, которая оканчивалась только съ удаленіемъ прохожаго.

12) Ст. 32. Гораций называетъ здѣсь *уксусомъ* Италіи, *italo aceto*, оскорбительныя и бранныя слова, которыя были въ употребленіи, или особенно въ Италіи, или въ одной Италіи.

13) Ст. 35. Сколь ни неприлично само по себѣ это обращеніе къ Бруту, тѣмъ менѣе намбреніе Персія было—пѣльстить ему. Это тѣмъ смѣшнѣе, что онъ перемѣшалъ М. Брута съ Юніемъ Брутомъ, который жилъ за нѣсколько столѣтій и способствовалъ къ изгнанію Тарквинія, какъ будто этотъ самый М. Брутъ также сбывъ съ рукъ и Тарквинія, какъ Юлія Цезаря, и какъ будто это—его ремесло.

САТИРА ОСЬМАЯ.

ЭСКВИЛІЙСКІЯ ВОЛШЕБНИЦЫ.

Нѣкогда былъ я чурбанъ, отъ смоковницы пенъ бесполезный;
Долго думалъ художникъ, чѣмъ быть мнѣ, скамьей, иль Приапомъ!
«Сдѣлаю бога!» сказалъ; вотъ и богъ я!—Съ тѣхъ поръ я пугаю
Птицъ и воровъ!—Я правой рукою воровъ отгоняю; ¹

5. А тростникъ на моей головѣ птицъ прожорливыхъ гонитъ,
Не пуская садиться въ саду молодомъ на деревья! ²

Прежде здѣсь трупы рабовъ погребались, ³ которые рабъ же
Въ бѣдномъ гробу привозилъ за наемную скудную плату! ⁴

Общее было здѣсь всякаго нищаго люда кладбище;

10. Пантолаба ль шутѣ, Номентана ль извѣстнаго мота. ⁵

Съ надписью столбъ назначалъ по дорогѣ имъ тысячу пядей,
Пѣ-полю триста, чтобъ кто не вступился въ наслѣдіе мертвыхъ! ⁶

Холмъ Эсквилійскій теперь заселенъ; тутъ воздухъ здоровый! ⁷

Нынче по насыпи можно гулять, гдѣ еще столь недавно

15. Бѣлыя кости вездѣ—попадались печальному взору!

Но ни вѣры, ни звѣри, которые роютъ тутъ землю,
Столько заботъ и хлопотъ мнѣ не стоятъ, какъ эти колдуньи,
Ядомъ и злымъ волхвованьемъ мутящія умъ человѣковъ!

Не могу ихъ никакъ отучить, чтобъ онѣ не ходили

20. Вредныя травы и кости собирать, какъ скоро покажетъ
Ликъ свой прекрасный луна, проходя по лазурному небу!

Видѣлъ Канидію самъ я, одѣтую въ черную паллу,⁸
Какъ, босикомъ, растрепавъ волоса, съ Саганою старшей,⁹
Здѣсь завывали онѣ; и отъ блѣдности та и другая

25. Были ужасны на видѣ!—Сначала обѣ ногтями

Стали рыть землю; потомъ теребили и рвали зубами

Черную ярку, и кровью наполнили яму, чтобъ тѣни

Вызвать умершихъ—на страшныя ихъ отвѣчать заклинанья!

Вынули образъ какой-то изъ шерсти; другой же изъ воску.

30. Первый былъ больше, какъ будто грозилъ восковому; а этотъ

Робко стоялъ передъ нимъ, какъ рабъ, ожидающій смерти!

Тутъ Гекату одна вызывать принялась; Тизифону

Кликать другая.¹⁰—Вокругъ ихъ, казалось, ползли и бродили

Змѣи и адскіе псы!—А луна, побагровѣвъ со страха,

35. Скрылась, чтобъ скверныхъ ихъ дѣлъ не видать, за высокой гробницей!¹¹

Но зачѣмъ мнѣ рассказывать все!—Рассказать ли, какъ тѣни,
Поперемѣнно съ Саганою, пронзительнымъ голосомъ выли;

Какъ украдкою бороду волчью съ зубомъ эхидны

Въ землю зарыли онѣ; какъ сильный огонь—восковое

Изображеніе сжегъ; какъ отъ ужаса я, содрогнувшись,

Былъ отомщенъ, свидѣтель и словъ и дѣяній двухъ фурій!

Сдѣланъ изъ дерева—сзади я вдругъ раскололся, и треснулъ!

Точно какъ лопнулъ пузырь! — Тутъ колдуны — какъ пустился въ городъ!
То-то вамъ было бѣ смѣшно посмотрѣть, какъ попадали въ бѣгствѣ
45. Зубы изъ рта Кандіи, парикъ съ головы у Саганы,
Травы и даже запястья волшебныя съ рукъ у обѣихъ!

6 Дек. 1849.

ПРИМЪЧАНІЯ.

КН 1. САТИРА 8.

1) Ст. 4. Между 4-го и 5-го стиха, одинъ стихъ подлинника я долженъ былъ пропустить въ моемъ переводѣ.

2) Ст. 6. Октавій, желая уничтожить вредъ, происходящій отъ дурныхъ испареній горы Эсквилійской, испросилъ дозволеніе сената и народа отдать часть этой земли Меченату, который построилъ тамъ великолѣпный домъ и развелъ садъ.

3. Ст. 7. Здѣсь въ подлинникѣ при словѣ: «трупы» нѣтъ слова: «рабовъ,» но оно подразумевается; ибо сказано: *cadavera cellis*, а *cellae* назывались тѣсныя комнаты, въ которыхъ помѣщались рабы. Всякой разъ, когда въ самомъ переводѣ могло заключаться объясненіе, я считалъ себя вправѣ воспользоваться этою возможностью; ибо въ такомъ случаѣ измѣненіе выраженія не только не измѣняетъ смысла, но напротивъ дѣлаетъ его яснѣе.

4) Ст. 8. Въ Римѣ были люди, которые за некоторую плату отправляли похороны. Ихъ называли *vespillones* и *sandapilarios*. У нихъ былъ гробъ, который служилъ для всехъ бѣдныхъ: въ этомъ гробѣ только отвозили ихъ на кладбище; а въ могилу опускали одно тѣло, вынувъ его изъ гроба. Светоній называетъ этотъ гробъ: *popularem sandapilam*.

5) Ст. 10. *Пантолабъ* и *Номентанъ*, два негодяя, изъ которыхъ одинъ пропитывался своимъ шутовствомъ, а другой, какъ думаютъ объяснители, промоталъ свое наследство. Этому послѣдняго, т. е. Номентана, Гораций упоминаетъ и въ первой своей сатирѣ, какъ расточителя, и второй книги тоже въ сатирѣ первой. Слѣдуя схоластику, настоящее имя Пантолаба было *Mallius Vergna*; а Номентану родовое имя было—*Кассій*. Оба они были еще живы, когда была написана эта сатира. Гораций хочетъ сказать этимъ стихомъ, что и ихъ мѣсто было бы тутъ же, гдѣ погребались бѣдняки и нищія.

6) Ст. 12. На каменномъ столбѣ писалось, что такой-то, владѣлецъ земли, уступилъ ее подлѣ кладбище; потомъ обозначалась ей мѣра *въ длину*, т. е. по дорогѣ,

и *въ глубину*, или *въ ширину*, т. е. въ поле. Надпись оканчивалась обыкновенно словами: *heredes monumentum ne sequeretur*; чѣмъ запрещалось наследникамъ вступаться въ эту землю.

7) Ст. 13. Холмъ Эсквилійскій былъ заключенъ въ окружность Рима еще при царѣ Сервіѣ Туллѣ. Онъ былъ столь обширенъ, что составлялъ некогда второй округъ Рима, а при новомъ раздѣленіи Рима, во время Августа, онъ, вмѣстѣ съ холмомъ Виминальскимъ, составилъ пятый округъ. Мѣсто, которое здѣсь описано и которое служить Кавидіи сценою ея волшебства, лежало, по всей вѣроятности, на самомъ концѣ горы Эсквилійской. Послѣ разведенія садовъ воздухъ на ней столь очистился, что Августъ, когда бывалъ боленъ, переезжалъ туда для перемѣны воздуха.

8) Ст. 22. *Palla*—верхнее широкое платье.

9) Ст. 23. Кавидія и Сагана—тѣже самыя, о которыхъ говорится кн. 5 въ одѣ 5 и въ концѣ осьмой сатиры, кн. 2. Сагана называется старшей, вѣроятно, потому, что ихъ было двѣ сестры.

10) Ст. 33. Геката—тоже, что Діана. Ее всегда призывали при волшебныхъ заклинаніяхъ, что видно и въ упомянутой выше одѣ: къ Кавидіи.

11) Ст. 35. Послѣ этаго стиха я опять долженъ былъ пропустить три стиха подлинника. Пусть любопытные прочитаютъ ихъ въ оригиналѣ. У древнихъ слухъ былъ не столь стыдливъ, какъ у насъ новѣйшихъ.

САТИРА ДЕВЯТАЯ.

ВСТРѢЧА.

- Шель я случайно Священною улицей—въ мысляхъ о чемъ-то, ¹
Такъ, по привычкѣ моей, о бездѣлкѣ задумавшись.—Нѣкто
Вдругъ повстрѣчался со мной, мнѣ по имени только извѣстный.
За руку взявъ, онъ сказалъ мнѣ: «Ну, какъ поживаешь, любезный?» ²
5. —«Такъ, потихоньку, какъ видишь! За добрый привѣтъ—исполненья
Всѣхъ желаній тебѣ!»—Но видя, что шель онъ за мною,
Я съ вопросомъ къ нему: не имѣеть ли нужды во мнѣ опъ?
«Мы вѣдь извѣстны тебѣ, онъ сказалъ: мы ученые люди!» ³
—«Знаю!» ему я въ отвѣтъ: «и тѣмъ больше тебя уважаю!»
10. Самъ торопился, нелзяли уйти, и пошелъ поскорѣе;
Только что изрѣдка нѣ-ухо будто шепну что съ слугою.
Потъ между тѣмъ съ нетерпѣнья дождемъ такъ съ меня и катился
Съ головы до подошвъ!—«О! какъ же ты счастливъ, Болѣнусъ, ⁴
Что съ такой ты рожденъ головой!» я подумалъ.—А спутникъ
15. Улицы, городъ хвалить принялся!... Но не слыша ни слова,

«Вѣрно ты хочешь, сказалъ, ускользнуть отъ меня: я ужъ вижу!

Только тебѣ не уйти: не пущу, и пойду за тобою!»⁵

А куда ты идешь?»—«Далекó! Мой знакомый—за Тибромъ;

Тамъ, у садовъ; онъ съ тобой незнакомъ! Что кружить попустому!»⁶

20. —«Я не лѣнивъ; провожу!»—Опустилъ я съ отчаянья уши,

Точно упрямый осленокъ, навьюченный лишнею ношей!

А сопутникъ опять: «Если знаю себя я—конечно

Дружбу оцѣнишь мою ты неменьше, чѣмъ дружбу другога,

Виска, сказать напримѣръ, или Варія!»⁷ — Кто сочиняетъ

25. Столько стиховъ, и такъ скоро, какъ я?... Кто въ пляскѣ такъ ловокъ?...

Въ пѣньѣ же самъ Гермогенъ мой завистникъ!»⁸—«А что!» тутъ спросилъ я,

Чтобъ прервать разговоръ: «есть и мать у тебя, и родные?»

—«Всѣхъ схоронилъ!—Никого!»—«Вотъ прямо счастливы!» подумалъ

Я про себя: «а вотъ я... еще живъ на мученье! Недаромъ,

30. Жребій въ урнѣ встряхнувъ, предрекала старуха Сабинка:⁹

«Этотъ ребенокъ, сказала она, не умретъ ни отъ яда,

Ни отъ стали врага, ни отъ боли въ боку, ни отъ кашля;

Ни подагра его не возьметъ!... Но какъ въ возрастъ придетъ онъ,

Надо беречься ему болтуновъ!»—Вотъ дошли мы до храма

35. Весты;¹⁰ а дня ужъ четвертая часть миновала!¹¹ — Мой спутникъ

Поручился явиться въ судъ; а неявкою—дѣло

Былобъ проиграно!—«Если ты любишь меня, онъ сказалъ мнѣ,

Помоги мнѣ: побудь тамъ немножко со мною!»¹² — «Я, право,

Долго стоять не могу; да я и законовъ не знаю!»¹⁵

40. —«Что же мнѣ дѣлать!» онъ молвилъ въ раздумьѣ: «тебя ли оставить,

Или ужъ тяжбу?»¹⁴ — «Конечно меня! Тутъ чего сомнѣваться!»

—«Нѣтъ! не оставляю!» сказалъ — и снова пошелъ онъ со мною!

Съ сильнымъ бороться нельзя; я за нимъ. — «Что? какъ нынче съ тобою

- И хорошь ли къ тебѣ Меценать?—Онъ вѣдь другъ не со всякимъ!
45. Здравомыслящъ, уменъ, и съ Фортуною ладить умѣть!
 Еслибъ одинъ человѣкъ... могъ втерѣться къ нему!—Помоги-ка:
 Былъ бы помощникъ твой, въ роляхъ вторыхъ! Всѣхъ отбилъ бы! Клянуся!¹⁵
 —«Полю! ему я сказалъ: мы не любимъ тамъ этихъ продѣлокъ!
 Домъ Мецената таковъ, что никто тамъ другимъ не помѣхой!
50. Будь кто богаче меня, иль ученѣе, каждому мѣсто!»
 —«Чудно! и трудно повѣрить!»—«Однако же такъ!»—«Тѣмъ спльиѣ
 Ты охоту во мнѣ возбудилъ къ Меценату быть ближе!»
 —«Стоитъ тебѣ захотѣть! Меценать лишь сначала неласковъ;
 Впрочемъ, доступенъ онъ всѣмъ!»—«Ничего! какъ нибудь постараюсь!
55. Хоть рабовъ у него подкуплю; а ужъ я не отстану!
 Выгонютъ нынче—въ другой разъ приду; гдѣ нибудь перекресткомъ
 Встрѣчу его, и пойду провожать!—Что же дѣлать! Намъ смертнымъ
 Жизнь ничего не даетъ безъ труда: ужъ такая намъ доля!»
 Такъ онъ болталъ безъ умолку!—Вотъ, встрѣтятся съ Аристемъ Фускомъ,¹⁶
60. (Зналъ онъ его хорошо)—я помедлилъ идти; помѣнялись
 Мы вопросами съ нимъ: «Ты откуда? куда?»—Я за тогу
 Фуска къ себѣ потянулъ, и за обѣ взялъ руки; и тихо
 Сдѣлавши знакъ головой, самъ глазами ему показавъ, чтобъ избавилъ
 Какъ нибудь отъ мученья меня!—А лукавецъ смѣется
65. И не хочеть понять!—Тутъ вся желчь во мнѣ закипѣла!
 «Ты, Аристій, хотѣлъ мнѣ что-то сказать посекрету?»
 —«Помню, сказалъ онъ, но лучше въ другое удобное время!
 У Иудеевъ тридцатая нынѣ суббота, и праздникъ; ¹⁷
 Что за дѣла въ подобные дни, и начто оскорблять ихъ!»
70. —«Строгъ же ты въ совѣсти!» я возразилъ: «а я, признаюся,
 И не таковъ!»—«Чтожь дѣлать! въ отвѣтъ онъ: я многимъ слабѣе!¹⁸

Человѣкъ я простой, съ предрасудками; лучше отложимъ!»

Черный же день на меня! — Онъ ушелъ; и остался я снова

Подъ злодѣйскимъ ножомъ! — Но по счастью отвѣтчикъ навстрѣчу! ¹⁹

75. «Гдѣ ты, безчестный!» вскричалъ онъ. Потомъ — онъ ко мнѣ обратился

Съ прозбой: свидѣтелемъ быть. — Я скорѣй протянулъ уже ухо! ²⁰

Повели молодца! — Въ слѣдъ за ними, и справа, и слѣва,

Съ крикомъ народъ повалилъ! — Такъ избавленъ я былъ Аполлономъ! ²¹

5 Дек. 1849.

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 1. сат. 9.

1) Ст. 1. Священная улица получила это названіе можетъ быть отъ такъ называемой Regia, гдѣ верховный жрецъ, Rex sacrificulus, ежемѣсячно приносилъ торжественную жертву за городъ Римъ, и гдѣ великій первосвященникъ, pontifex maximus, собиралъ коллегію жрецовъ. Эта улица перерѣзывала четвертую часть города и вела къ такъ называемой meta sudans, фонтана въ видѣ обелиска, до большаго римскаго форума, подъ Флавіевы ворота. Она была одна изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ удобныхъ для ходьбы улицъ Рима; и потому на ней всегда много было праздныхъ охотниковъ до ходьбы, и услужливыхъ красавицъ, и философовъ, и стихотворцевъ.

2) Ст. 4. Видъ короткаго знакомства съ Горациемъ этаго чловѣка, котораго онъ едва знаетъ по имени, есть первая черта, показывающая уже нахала и пустаго чловѣка.

3) Ст. 8. Это множественное *мы* вмѣсто единственнаго *я*, удивительно какъ приходится по свойству нашего языка. Оно показываетъ и нѣкоторую важность говорливаго самохвала, и нѣкоторую робость неопредѣленнаго выраженія, и какъ будто принадлежность къ разряду ученыхъ.

4) Ст. 13. Этотъ Volturnus, говоритъ схоластъ, былъ грубиянъ, который всякому говорилъ въ глаза, что объ немъ думать, какъ бы ни было это неучтиво.

5) Ст. 17. Вероятно, эта дерзость была, по мнѣнію нахала, только остроуміемъ.

6) Ст. 19. Въ подлинникѣ: «близъ *цезаревыхъ* садовъ.» Признаюсь, прилагательное не уместилось въ стихъ, хотя оно было очень нужно для означенія дальней дороги, чѣмъ Гораций хотѣлъ отдѣлаться отъ своего спутника. Такая неудача бывасть и съ великими поэтами. Самъ Гораций (въ сат. 5), пропустилъ имя одного города, потому что не могъ уместить его въ мѣру стиха. Цезарева сады были за Тибромъ, на другомъ концѣ города, совершенно противоположномъ Священной улицѣ.

7) Ст. 24. Виски (*Viscus, Visci*), были два брата сенаторского достоинства, сыновья римского всадника Виби́я Виска (*Vibius Viscus*), которого очень уважал Август. Оба они отличались своими дарованиями в литературе. Гораций упоминает об их в сатире 10-й в числе людей, которых одобрение почитает для себя лестным. От них ничего не дошло до нас, кроме имени известного из Горация.

8) Ст. 26. Певец Гермогенъ Тигеллий. Некоторые смѣшиваютъ его съ Тигеллиемъ сардинскимъ, о которомъ упоминаетъ Гораций въ сат. 2 и 3-й. Но сардинскаго Тигеллия въ это время не было уже въ живыхъ. Доказательство этому, см. въ примечаніи къ сат. 2-й стиху 3-му.

9) Ст. 30. Здѣсь говорится о гаданіи посредствомъ урны и жребіевъ, *per urnam et sortes*, которое происходило такимъ образомъ: урна наполнялась множествомъ буквъ и цѣлыхъ словъ; ихъ трясли въ урнѣ и потомъ высыпали. Если случалось, что изъ буквъ, лежащихъ рядомъ, выходили цѣлыя слова, а изъ словъ рѣченія: то изъ нихъ выводили отвѣтъ на гаданіе.

10) Ст. 35. Храмъ Весты находился, какъ и Священная улица, тоже въ четвертой части Рима, но уже на другой, на Новой улицѣ. Это значитъ, что Гораций, не дойдя до форума, повернулъ на лѣво; но не мимо форума, какъ говоритъ Дасье. Плацъ Рима, находящійся у Дезобри, и которымъ я пользовался для повѣрки мѣстности, ясно показываетъ дорогу, по которой шелъ Гораций.

11) Ст. 35. Здѣсь слово *часть*, *pars*, какъ говорятъ толкователи, означаетъ *часъ*, Марціалъ говоритъ, что суды открывались въ три часа, (по нашему исчисленію времени, часовъ въ девять утра): *exeret caucos tertia caussidicos* (Mart. L. 4 ep. 8). Слѣдовательно уже часъ, какъ были открыты суды; а говоруну, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ, надобно было явиться въ судъ.

12) Ст. 38. Въ подлинникъ эта странная просьба тотчасъ понятна, потому что она выражена судебнымъ терминомъ: *adesse*. Это значило прибыть въ судъ, чтобы подкрепить чью тяжбу своимъ присутствіемъ, или предлагая и припоминая некоторыя доказательства, или напоминая законы.

13) Ст. 39. Гораций, чтобы извинить свой отказъ, представляетъ двѣ причины: 1) что не можетъ стоять — я прибавилъ для ясности: *долго* стоять; 2) что онъ не знаетъ законовъ, и потому не можетъ быть ему полезнымъ. А что Гораций, видно, действительно не зналъ римскихъ законовъ, это можно заключить изъ упрека ему известнаго законовѣдца Требатія. Кн. 2 сат. 1 ст. 80.

14) Ст. 41. Это не можетъ быть почтено издѣшею натяжною сатирика; ибо изъ послѣдствій видно, что говорунъ, привязавшись къ Горацию, имѣлъ свои виды, свою цель: знакомство съ сильнымъ лицомъ, съ Меценатомъ.

15) Ст. 47. Слово помощникъ не передаетъ вполне термина, находящагося въ подлинникѣ: *magnum adiutorem*; но какъ было перевести его? Слово *adjutor* взято

отъ сцены; оно означало того, который помогать актеру, или голосомъ, или знаками. Выраженіе «во вторыхъ роляхъ», *secundae partes*, показываетъ ясно всею мысль говорящаго. Тъ, которымъ доставались вторыя роли, хотя бы это случилось и съ первостепеннымъ актеромъ, были обязаны такъ выставлять главную роль, главное лице пьесы, чтобы и на актеръ отражалось это первенство.

16) Ст. 59. Тотъ самый, къ которому написана 22 ода первой книги, и 10 эпистола тоже книги первой.

17) Ст. 68. Иудеи начинали новый годъ мѣсяцемъ *Тишири*, который соответствовалъ сентябрю; а праздникъ пасхи былъ у нихъ 15 числа мѣсяца *Нисана*, что соответствуетъ или концу марта, или апрѣлю. А съ перваго сентября по половину апрѣля дѣйствительно 30 недель. И такъ эта сцена Горация съ говоруномъ происходила, или въ концѣ марта, или въ половинѣ апрѣля, въ праздникъ іудейской пасхи. Этотъ праздникъ продолжался у нихъ, какъ и у насъ, неделю. Два первые и два послѣдніе дня были самыми торжественными, въ которые запрещалось даже и говорить о дѣлахъ. Вотъ почему Аристій Фускъ не хочетъ говорить съ Гораціемъ. Для бѣльшаго уразумѣнія этого мѣста надобно замѣтить, что въ Римѣ было множество Іудеевъ, и что Августъ, по примѣру Юлія Цезаря, имъ особенно покровительствовала. Онъ не только воспретилъ мѣшать имъ въ отправленіи ихъ обрядовъ; но, по свидѣтельству Филона Іудейнина, онъ опредѣлилъ сумму для принесенія ежедневно, за него и за весь домъ его, въ жертву тельца и двухъ агнцевъ въ храмъ Іерусалимскомъ. И эта жертва, какъ увѣряетъ Филонъ, приносилась еще долго и по смерти Августа.

18) Ст. 71. Все это Аристій Фускъ говоритъ объ Іудеяхъ, безсомнѣнія, въ шутку, и можетъ быть отчасти намекая на благочестіе Августа. И потому очень странно, что изъ словъ: «я нѣсколько слабѣ», *rauco infirmior*, Дасье заключаетъ, что Аристій былъ можетъ быть последователемъ іудейскаго закона; ибо, говоритъ онъ, Іудеи обратили тогда многихъ римлянъ.

19) Ст. 74. Въ римскомъ правѣ не было закона, чтобы по неявкѣ къ суду, (*in contumaciam*) тяжущагося, или лица, представленнаго имъ для доказательства своего права, дѣло почиталось проиграннымъ. И потому, говоритъ Гейндорфъ, должно предпологать, что въ этомъ случаѣ было условлено между тяжущимися, чтобы въ случаѣ неявки которой-либо стороны, цѣна иска, (*litis aestimatio*) была уплачена неявившеюся стороною. А такъ какъ въ стихѣ 40 говорунъ разсуждаетъ идти ли ему, или нѣтъ: то такое равнодушіе къ процессу показываетъ, что потеря иска пала не на него, а на тяжущагося, который потому-то и имѣлъ причину обрадоваться, что съ нимъ встрѣтился, и потащить его насильно.

20) Ст. 76. Если человекъ, обизанный поручительствомъ явиться къ суду, *vadatus*, въ назначенный день не явился, тогда, по прошествіи часа, назначеннаго къ явкѣ, дозволялось вести его силою къ претору. Но прежде употребленія насилія надлежало

взять въ свидѣтели тѣхъ, которые при этомъ случились. Получивъ же ихъ согласіе быть свидѣтелями, въ знакъ этаго, брали ихъ за ухо, приговаривая: *memento, quod tu in illa causa testis eris*, «помни, что ты въ этомъ дѣлѣ былъ свидѣтелемъ,» что и называлось *antestari*. Но если тяжущійся употребилъ насильственное средство, не пригласивъ предварительно свидѣтелей, тогда обиженный имѣлъ право начать противъ него искъ въ оскорбленіи, *actionem injurarium*.

Въ законѣ XII таблицъ, (tab. 1) именно сказано: *Si in jus vocatus, nec it, antistatus igitur im capito: si calvitur pedemve struit, manum endojacito*. «Если позванный къ суду не является, возми свидѣтелей и схвати его; если онъ противится и хочетъ бѣжать, веди силою».

Этаго обряда, т. е. приглашенія свидѣтелей, не соблюдалось только съ ворами, продавцами рабовъ, и другими людьми презираемаго класса. Но къ свободной женщинѣ совсѣмъ не дозволено было прикасаться.

21) Ст. 78. Подражаніе, можетъ быть, Гомеру. *Иліада*, пѣснь 20, ст. 443. Въ переводѣ Гнѣдича:

«Но Фебъ Аполлонъ Пріаида избавилъ.»

САТИРА ДЕСЯТАЯ.

ПРОТИВЪ ЛУЦИЛІЯ. (1)

- Да! я конечно сказалъ, что стихи у Луцилія грубы, ²
Что бѣгутъ безъ порядка они!—Кто бессмысленный будетъ
Столько привержень къ нему, что и самъ не признается въ этомъ?...
Но того же Луцилія я и хвалить—за насмѣшки,
5. Полныя соли, прѣтиву Рима! ³ —Однакожь, воздавши
Эту ему похвалу, не могу я хвалить все другое!
Еслибы такъ, то пришлось бы мнѣ всеѣмъ восхищаться, и даже
Мимамъ Лаберія вслухъ, какъ прекраснымъ поэмамъ, дивиться! ⁴
Хорошо и умѣть разсмѣшить, но еще не довольно!
10. Краткость нужна, чтобъ не путалась мысль, а стремилась свободно!
Нужно, чтобъ слогъ былъ, то важенъ, то кстати игривъ; чтобы слышны
Были въ немъ риторъ, поэтъ, но и тонкости свѣтской красноречивости! ⁵
Надобно силу умѣть и беречь, и гдѣ нужно, умѣрять!
Шуткой нерѣдко рѣшается трудность и легче, и лучше,
15. Нежели силой ума!—То старинные комики знали!

Намъ бы не худо послѣдовать имъ; а ихъ не читають
 Ни прекрасный собой Гермогенъ, ⁶ ни та обезьяна,
 Чье все искусство въ одномъ: поддѣвать Катуллу, да Кальву! ⁷

«Такъ! но въдь этотъ Луцлій сдѣлалъ великое дѣло

20. Тѣмъ, что онъ много ввелъ греческихъ словъ, примѣшавши къ латинскимъ!»

—О запоздалые люди! вамъ кажется важнымъ и труднымъ,

То, что бывало давно! Такъ писалъ Пилолеонъ Родоцецъ! ⁸

«Правда! но это смѣшенъ въ стихахъ такъ для слуха пріятно,

Какъ хіосское вмѣстѣ съ фалернскимъ—пріятно для вкуса!» ⁹

25. —А позволь мнѣ спросить: напримѣръ, хороши бы, еслибъ

Трудное дѣло Петиллія ты защищалъ, ¹⁰ —и другіе,

Педій, Корвинъ, Публикола, потѣли бъ съ своею латынью, ¹¹

Ты же, забывъ и отца и отечество, сталъ возражать имъ

Рѣчью своей и чужой, какъ въ Канузійумѣ двуязычномъ! ¹²

30. Я и самъ, хоть рожденъ по сю сторону моря, ¹³ однако,

Тоже, случалось, погречески писывалъ прежде стишонки!

Но однажды, средь ночи, когда сны бываютъ правдивы, ¹⁴

Вдругъ мнѣ явился Квиринъ, ¹⁵ и съ угрозой сказалъ мнѣ: безумецъ!

Въ Греціи много поэтовъ! ¹⁶ —Толпу ихъ умножить собою —

35. Тоже, что въ рошу дровъ наносить; ничуть не умнѣ!» ¹⁷

Мѣжду тѣмъ, какъ надутый Альпинъ вторично Мемнона

Рѣжетъ въ стихахъ, и уродуетъ грязную голову Рейна, ¹⁸

Я для забавы бездѣлки пишу, которыя въ храмъ

Бога поэтовъ, (гдѣ Тарпа судьей), состязаться не будутъ, ¹⁹

40. И не будутъ понѣскольку разъ появляться на сценѣ!

Ты лишь одинъ изъ живущихъ поэтовъ, Фунданій! столь мило

Можешь престипицъ заставить болтать; столь искусно представишь

Дава, который морочитъ бѣднаго старца Хремеса! ²⁰

Но Полліонъ воспѣваетъ царей; но пламенный Варіи

45. Равныхъ не знаетъ себѣ въ эпопеѣ; а сельскія музы

Нѣжное, тонкое чувство Вергилію въ даръ низпослал!

Я же, что пробовалъ Варронъ-Атадинъ вотще, и другіе, ²¹

Лучше пишу я сатиры, хотя и другой изобрѣлъ ихъ. ²²

Славы великой вѣнца я съ его головы не срываю!

50. Я одно лишь сказалъ: что онъ льется, какъ мутный источникъ; ²⁵

Но что больше достойнаго памяти въ немъ, чѣмъ забвенья!

Развѣ нѣтъ недостатковъ въ самомъ великомъ Гомерѣ?

Развѣ самъ скромный Луцілій не дѣлалъ поправокъ—и въ комъ же?

Въ трагикѣ Акціѣ! ²⁴—Развѣ надъ Энніемъ онъ не смѣется? ²⁵

55. Развѣ, другихъ порицая, себя онъ не выше ихъ ставитъ?..

Чтоже мѣшаетъ и намъ, читая Луцілія, тоже

Велухъ разбирать: ему ли натура его отказала

Въ мягкости, или предметы, которые онъ выбираетъ

Жѣстки; но только стихи у Луцілія жѣстки—какъ будто

60. Такъ онъ писалъ, чтобы только шесть стопъ въ стихѣ умѣстились,

Да чтобъ двѣсти стиховъ натошакъ, да столько же послѣ

Ужина!—Чтожь! говорятъ, вѣдь писалъ же такъ Кассій Этрурецъ! ²⁶

Какъ рѣка онъ стихами кишѣлъ; и по смерти сожженъ былъ

Съ кипой стиховъ: ихъ однихъ на костеръ погребальный достало!

65. Я повторяю: Луцілій конечно и легче, и глаже,

Чѣмъ нашъ поэтъ, изобрѣтшій стихи, неизвѣстные грекамъ;

Легче и глаже онъ былъ всей толпы стародавнихъ поэтовъ! ²⁷

Но когда бы, по волѣ судьбы, онъ въ наше жилъ время,

Много бы выключилъ онъ: все, что ниже нашѣлъ совершенства!

70. Погги бы до-крови грызъ онъ, чтобъ сдѣлать свой стихъ совершеннымъ!

Если ты хочешь достойное что написать, чтобъ читатель

Нѣсколько разъ прочиталъ—ты стиль оборачивай чаще! ²⁸

Не желай удивленья толпы; а пиши для немногихъ!

Или ты пишешь для школьниковъ? ²⁹ —Нѣтъ! я другаго желаю!

75. Нѣтъ! я желаю, чтобъ всадникъ меня похвалилъ благородный! ³⁰

Такъ Арбускула танцовщица разъ, какъ ее освѣтали,

Очень умно говорила: что зрителей всѣхъ презирая,

Плесковъ она отъ однихъ благородныхъ ждала и желала! ³¹

Пусть же Пантилій меня беспокоитъ, какъ клопъ; пусть заочно

80. Будетъ царапать меня и Деметрій; пусть и безумецъ

Фанній поноситъ при всѣхъ, за столомъ у Тигеллія сидя! ³²

Толькобы Плотій и Варій, мой Меценатъ и Виргилій,

Мужъ благородный Октавій, ³³ Валгій и Фускъ одобряли!

Еслибы оба и Виски хвалили—я былъ бы доволенъ!

85. Но, оставивши лесть, я могу справедливо причислить

Къ нимъ и тебя, Полліонъ, и Мессалу съ достойнѣйшимъ братомъ,

Также Бибула и Сервія, также и Фурнія съ нимъ! ³⁴

Многихъ друзей просвѣщенныхъ мнѣ скромность назвать запрещаетъ!

Ихъ бы желалъ я хвалы; признаюсь, что мнѣ грустно бы было,

90. Еслибъ надежда меня въ одобреніи ихъ обманула!

Съ васъ же, Деметрій, съ Тигелліемъ, будетъ вниманья и школьницъ! ³⁵

Мальчикъ! поди переписывать эту тетрадку съ другими!

ПРИМЪЧАНІЯ.

КН. 1. САТИРА 10.

1) Кай Енвій Луцілій былъ римскій всадникъ. Онъ родился, по нѣмъ известіямъ, за 147, а по другимъ за 149 лѣтъ до Р. Х., а умеръ за 103 года; следовательно за 38 лѣтъ до рожденія Горація. Луцілій былъ двоюродный дѣдъ Помпея, со стороны его матери, т. е. ея родной дядя. Онъ написалъ 30 сатиръ, которыхъ отрывки были собраны и напечатаны въ первый разъ въ 1597 году, въ Лейпцигѣ. Луцілій почитался изобрѣтателемъ римской сатиры. (См. примѣч. 22 и 27).

2) Ст. 1. Это относится къ 4-й сатирѣ Горація этой же книги. Луцілій по свидѣтельству схоластовъ, имѣлъ много приверженцевъ, даже и во время Горація. Они обвиняли новаго поэта въ неуваженіи къ старому, и даже въ зависти къ своему предшественнику. Здѣсь оправдывается Горацій въ этомъ обвиненіи.

3) Ст. 5. Луцілій нападалъ не только на известныхъ римлянъ, но и на народъ римской; почему Горацій и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: (кн. 2 сат. 1 ст. 69):

Primores populi arripuit, populumque tributim.

«Онъ нападалъ и на первыхъ людей, и на цѣлыя трибы.»

4) Ст. 8. Римляне изстари любили всякаго рода шутовскія драматическія представленія. Одно изъ такихъ были *мимы*, которыя, (какъ почти все ихъ *artes ludicras*), кажется, были заимствованы отъ грековъ. Ни одно изъ этихъ произведеній не дошло до насъ; но изъ всего, что извлечено новѣйшими филологами объ этомъ предметѣ, можно догадываться, что это были *монопредставленія*; что главнѣйшею цѣлію ихъ было возбудить хохотъ зрителей, и что при этомъ мало щадились целомудріе слуха. По этому и Овидій говоритъ о нихъ: *mimos obscena jocantes*. Счастливый геній и тонкій вкусъ грековъ вѣроятно умѣли украсить и эти простонародныя драмы; ибо самъ Платонъ читалъ съ удовольствіемъ мимы Софронія Сиракузскаго. Должно думать, что мимы Лаберія и Публия Сира были тоже отличны въ своемъ родѣ. Горацій не опорочиваетъ здѣсь ни самаго Лаберія, ни его сочиненій: онъ говоритъ объ

нихъ, вѣроятно, только по сравненію съ изящными произведеніями поэзіи, имѣющими цѣлію не толпу, а людей образованныхъ; ибо, въ художественномъ отношеніи, не все то изящно, что нравится. Платонъ и Аристотель строго различаютъ прекрасное съ пріятнымъ: прекрасное, по ихъ мнѣнію, есть доброе, честное и достойное похвалы, перенесенное въ область красоты, въ область искусства. Гораций, напитанный ученіемъ грековъ, вѣроятно слѣдуетъ здѣсь имъ же въ понятіи о прекрасномъ.

Здѣсь я почитаю нужнымъ сказать о самомъ Лаберіи, и дозволю себѣ, въ оправданіе его, нѣсколько распространиться.

Децій Лаберій былъ римскій всадникъ, (Род. въ 645 г. отъ н. Р. за 109 лѣтъ до Р. Х.). Онъ только писалъ мимы; но, какъ всадникъ, для котораго званіе актера было униженіемъ, не игралъ въ нихъ, а отдавалъ разыгрывать ихъ актерамъ. Но Цезарь, по окончаніи помпеевской гражданской войны, учредившій на своемъ иждивеніи во всѣхъ частяхъ города Рима игры, потребовалъ отъ шестидесятилѣтняго Лаберія, чтобы онъ вышелъ самъ на сцену для состязанія съ знаменитымъ молодымъ гистріономъ Публиемъ Сиромъ. Горько было Лаберію такое униженіе; но надобно было покориться силѣ. Макробій сохранилъ намъ часть пролога, который при этомъ случаѣ говорилъ Лаберій передъ народомъ, пролога, наполненнаго благороднаго чувства оскорбленнаго достоинства, покоряющагося необходимости.

Мало этаго. Такъ какъ выборъ мимы предоставленъ былъ самому Лаберію, то онъ выбралъ такую, въ которой многіе стихи могли быть применены къ самому Юлію Цезарю. Напр. стихъ, которымъ онъ, въ роль раба, обратился вдругъ къ народу:

Progo, Quirites! libertatem perdimus!

«Правда, квиниты! мы вольность свою потеряли!»

А потомъ:

Necesse est multos timeat, quem multi timent!

«Многихъ долженъ бояться и самъ, кого всѣ боятся!»

При этихъ словахъ взоры всего народа обратились къ Цезарю. Такъ отметилъ Лаберій за свое униженіе!

Юлій Цезарь присудилъ награду Публию Сиру, но чтобы возстановить Лаберія въ званіи всадника, (которое онъ потерялъ чрезъ согласіе явиться гистріономъ), тутъ же вручилъ ему золотое кольцо, (знакъ всадника), подарилъ ему 500 тысячъ сестерцій и пригласилъ занять мѣсто, по его званію въ амфитеатръ, между всадниками. Всадники нарочно стѣснили ряды, чтобы не дать ему мѣста. Тогда Цицеронъ, сидѣвшій на скамьѣ сенаторовъ, видя замѣшательство Лаберія, сказалъ ему: «Я далъ бы тебѣ мѣсто возлѣ себя; да и у насъ тѣсно!» Это острое слово относилось къ Цезарю, который незадолго передъ тѣмъ наполнилъ сенатъ множествомъ людей новыхъ, своихъ приверженцевъ.

5) Ст. 12. Вотъ какъ Гораций разуметь о стилѣ истиннаго поэта, который онъ почиталъ необходимымъ условіемъ поэтическаго произведенія. Кроме его «Науки по-

эпиз» и кроме «Эпистолы къ Августу», (кн. 2 эп. 1) по многимъ мѣстамъ его произведеній разбросаны драгоценныя указанія, которыя и сами могутъ быть полезными и вести къ прямой цѣли изящнаго. Безъ стиха не можетъ быть вѣрнаго выраженія идеи; а безъ вѣрнаго выраженія пропадаетъ и красота вымысла.

6) Ст. 17. О Гермогенѣ Тигеллѣ—см. сат. 2 ст. 3., сат. 3 ст. 3 и примѣчанія къ нимъ.

7) Ст. 18. Деметрій, о которомъ говорится ниже, ст. 80. Онъ былъ актеръ и писалъ стихи. Гораций называетъ его обезьяною, какъ полагають нѣкоторые, по его безобразію и мѣлкѣ злости. Но и безъ этого названіе обезьяной достаточно объясняется его подражательностію Катуллу и Кальву. *Катулл* извѣстенъ; о *Кальвѣ* же видно изъ Авла Геллія, что сами греки находили его стихотворенія достойными сравненія съ пѣснями Анакреона. И Гермогенъ, и Деметрій не читали другихъ поэтовъ, кроме этихъ двухъ, которые нравились имъ по сладострастному направленію ихъ произведеній. Здѣсь выраженіе *Calvum et Catullum cantare*—перевелъ я словомъ *подпѣвать*, потому что по общему изъясненію толкователей, оно не значитъ пѣть стихи этихъ поэтовъ, но подражать имъ.

8) Ст. 22. По свидѣтельству схоластиа этотъ *graeculus* писалъ эпиграмы, въ которыхъ греческія и латинскія слова были перемѣшаны.

9) Ст. 24. Фалерское вино было довольно грубо, и потому къ нему прибавляли хіосскаго, которое было легче и слаще. Юлій Цезарь, на пирѣ данномъ по случаю его триумфа, велѣлъ поставить на каждый столъ и того и другаго, дабы тѣ, которые не могли пить одного фалерскаго, могли прибавлять къ нему хіосскаго.

10) Ст. 26. О Петиллѣ см. сат. 4, примѣч. 32 къ стиху 95.

11) Ст. 27. *Педій* — полагають что это сынъ К. Педія, которому Юлій Цезарь завѣщала четвертую часть своего имѣнія, и который былъ консуломъ при Августѣ. *Корвинъ* — Мессала Корвинъ, знаменитый краснорѣчіемъ и благородствомъ своего происхожденія.

12) Ст. 29. Городъ *Canusium* (см. примѣч. къ сат. 5 ст. 92) по преданію былъ построенъ Діомедомъ. Жители его были греческаго происхожденія, и потому мѣшали греческій языкъ съ латинскимъ.

13) Ст. 30. Гораций говоритъ: «режденъ по-сю сторону моря» (что значитъ въ Италіи), въ противоположность Греціи, лежащей отъ Италіи по ту сторону моря.

14) Ст. 32. Аполлоній Тіанскій говоритъ, (въ Филостратѣ), что толкователи снова спрашивали всегда, въ которомъ часу ночи привидѣлся сонъ. Если къ утру, или по прошествіи полуночи, то почитали его справедливымъ, потому что душа бываетъ тогда свободна отъ испареній пищи и вина.

15) Ст. 33. Ромулъ явился ему преимущественно передъ другими богами вѣроятно потому, что онъ болѣе другихъ заботился, чтобы потомки его народа сохранили языкъ отечественный, языкъ Рима.

16) Ст. 34. Во время Горация бесомыслия гораздо больше было произведений греческих поэтов, нежели дошло до нашего времени.

17) Ст. 35. «Дрова въ лѣсъ носить» — пословица, или поговорка, подобная нашей: «въ море лить воду», и напоминающая стихъ Крылова, въ баснѣ *Туча*:

«А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно».

18) Ст. 37. Одинъ изъ схолиастовъ полагаетъ, что этотъ Альпинъ — есть Фурій Бибакулъ, получившій прозваніе *Альпина*, потому что онъ родился въ той части Галліи, въ которой находились Альпы. *Мемнонъ*, какъ думаютъ, была его трагедія. Онъ написалъ еще поэму на войну въ Германіи, въ которой изображаетъ бога рѣки Рейна. Объ этомъ Фуріи упоминается еще у Горация въ 5 сат. 2 кн. ст. 41.

19) Ст. 39. Поэты, писавшіе для сцены, должны были предварительно прочитывать свои сочиненія предъ цензорами, при чемъ они состязались и въ достоинствѣ своихъ произведеній. Для разбора ихъ назначено было пять судей. Спурій Метій Тарпа былъ важнѣйшій между ними.

Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ схолиастовъ: *Metius Tarpa fuit iudex criticus, auditor assiduus poematum et poetarum, in aede Apollinis sed Musarum, quo convenire poetae solebant, suaque scripta recitare, quae nisi à Tarpa aut alio critico, qui numero erant quinque, probarentur, in scenam non deferbantur.* «Метій Тарпа былъ судья-цѣнитель, и прилежный выслушиватель поэмъ и поэтовъ, въ храмѣ Аполлона, или музъ, куда обыкновенно сходились поэты читать свои сочиненія, которыя никакъ не отдавались на сцену, если не были одобрены Тарпой и другими критиками, которые были въ числѣ пяти.» На состязаніяхъ, бывавшихъ при этихъ чтеніяхъ между поэтами, упоминалось иногда имя Августа. И потому Августъ повелѣлъ претору смотрѣть, чтобъ имя его не унижалось въ ихъ спорахъ. *Admonetque Praetores, ne paterentur nomen suum commissionibus obsoleferi.* Suet c. 89.

20) Ст. 43. Старикъ *Хремесъ*, дѣйствующее лице въ одной изъ комедій Терренціа. Комической поэтъ *Фунданій* долженъ быть тотъ самый, котораго выводитъ Гораций, какъ лице, съ нимъ разговаривающее, въ 8 сат. 2 книги.

21) Ст. 47. Виргилій извѣстенъ. *Vargo Atacinus* — сатирикъ, котораго должно смѣшивать съ полигисторомъ М. Терренціемъ Варрономъ, авторомъ недошедшихъ до насъ, такъ называемыхъ, Меніпейскихъ сатиръ, писанныхъ прозою, или неправильными стихами. Этотъ, упоминаемый здѣсь Горациемъ, былъ *Публій Терренцій Варронъ*, изъ мѣстечка Атахъ, въ Нарбонской Галліи. Отъ него не осталось ничего, кромѣ незначительныхъ отрывковъ и эпиграммъ.

22) Ст. 48. Здѣсь называетъ Гораций изобрѣтателемъ *Луцилія*, а ниже (ст. 66) *Эннія*. Толкователи стараются согласить это такъ, что сатиры Эннія и Луцилія имѣли общаго только одно названіе; но что онъ существенно различествовали между

собою. Satira говоритъ грамматикъ Диомедъ, est carmen maledicum, et ad carpenda hominum vitia compositum, quale scripserunt Lucilius, Horatius et Persius. Sed olim carmen quod ex variis poëmatibus constabat satira vocabatur, quales scripserunt Pacuvius et Ennius. «Сатира есть сочиненіе порицательное, предназначенное для оужденія людскихъ пороковъ: таковыя писали Луцілій, Гораций и Персій. Но въ старинное время называлось сатирою произведеніе, составленное изъ различныхъ стиховъ; такъ писали Пакувій и Энній.»

23) Ст. 50. Эти стихи паходятся въ сат. 4 ст. 6—11.

24) Ст. 54. Акцій, или Атцій; поэтъ трагической. Онъ написалъ болѣе шестидесяти драматическихъ сочиненій, изъ которыхъ до насъ дошли только отрывки.

25) Ст. 54. Энній, эпическій и трагическій поэтъ; онъ же и писатель сатиры, упоминаемый выше, родомъ изъ Калабріи родился за 174 года до рожденія Горация. Онъ написалъ поэму подъ названіемъ: *Римскія летописи*, въ которую включилъ всю римскую исторію до своего времени. Изъ нея остались небольшіе отрывки. Другая его поэма: *Сципионъ*. Онъ перевелъ многія поэмы греческія.

26) Ст. 62. Санадонъ полагаетъ, что здѣсь названъ Этрурецемъ Кассій Пармскій, потому что Парма принадлежала въ древности къ Этрурии. Дасье говоритъ, что это тотъ самый Кассій, который былъ въ числѣ заговорщиковъ противъ Цезаря и присталъ, послѣ смерти Брута, къ сторонѣ Помпея, а потомъ передался Антонію, и когда былъ разбитъ Антоній, удалился въ Анины; что Августъ, оскорбленный его дерзкими словами, повелѣлъ Вару убить его; что Варъ напсалъ его въ кабинетъ, убилъ и сжегъ его тѣло вмѣстѣ съ его рукописями.

Но Виландъ утверждаетъ, что это лицо неизвѣстное. Впервыхъ, говоритъ онъ, тотъ Кассій, бывший въ заговорѣ противъ Цезаря, былъ товарищъ Горация въ лагерѣ Брута; во вторыхъ, Гораций, въ своей эпistolѣ къ Тибуллу, упоминаетъ объ немъ съ уваженіемъ; въ третьихъ, для отличія отъ Кассія Пармскаго, Гораций называетъ этого именемъ Этрурецемъ, а чтобы Парма когда нибудь причислялась къ Этрурии, этого ничѣмъ не доказано.

27) Ст. 66. Здѣсь говорится тоже объ Эннѣ. Подъ «стихами неизвѣстными Грекамъ» подразумѣвается сатира, которая у Грековъ имѣла форму драматическую, а не ту, которую приняла у римлянъ.

Изъ всего сказаннаго выше о сатиры, и изъ всего, что о ней извѣстно изъ свидѣтельствъ древнихъ, кажется, можно вывести такое заключеніе, что поэма, называемая безразлично сатирою, разделяется на три рода: 1. сатира Грековъ, которая имѣла форму драматическую. 2. Старинная римская сатира, Пакувія и Эннія, была смесью разпородныхъ стиховъ. 3. Новѣйшая римская сатира, начавшаяся съ Луцілія, есть

та, которая принадлежит къ дидактикѣ, и хотя является въ разговорной формѣ, но не въ драматической, т. е. не представляетъ дѣйствія.

28) Ст. 72. Выраженіе извѣстное: *saepe stilum veritas*. Оно взято отъ *стилла*, шпильки, которую употребляли для писанія на дощечкахъ, натертыхъ воскомъ. Одинъ конецъ этого орудія былъ острый и служилъ для начертанія словъ; а другой плоской для стиранія написаннаго. И потому: «чаще оборачивай стиль», значить: «чаще стирай и переправляй написанное.»

29) Ст. 74. Учители диктовали своимъ ученикамъ стихи старыхъ поэтовъ, неотличавшихся красотой слога, и не удостоивали вниманія новѣйшихъ. Такъ Орбилій диктовалъ своему ученику, Горацію, стихи Ливія Андроника.

30) Ст. 75. Подъ именемъ «садника» здѣсь разумѣются вообще люди благородные, возвышающіеся своею образованностію надъ толпою черни.

31) Ст. 78. *Арбускула*—пантомимная танцовщица, которая процвѣтала въ послѣднихъ годахъ седьмаго столѣтія, отъ п. Рима. Объ ней упоминается въ 4 книгѣ писемъ Цицерона, въ письмѣ къ Аттику.

32) Ст. 81. *Пантілій*, *Деметрій*, *Фанній* и *Тигеллій*, вѣроятно были главы той партіи, противъ которой возстаетъ здѣсь Горацій. О Фанніи упомянуто еще въ сатирѣ четвертой. (См. ст. 20 прим. 2). Деметрій—тотъ самый, который выше названъ обезьяною. Пантілій—клопъ долженъ быть сцигга, шутъ, или забавникъ Тигеллія. Тигеллій—вѣроятно не тотъ, о которомъ упоминается въ сат. 2 и 3. Здѣсь говорится о лицѣ живомъ, а того давно уже не было на свѣтъ, когда написана эта сатира; ибо еще въ сатирѣ 2-й упоминается уже о его смерти (См. сат. 2 прим. 2 и сат. 3 прим. 1).

33) Ст. 83. Имя *Октавія* здѣсь никакъ не можетъ относиться къ Августу. Наслѣдникъ Цезаря давно уже въ это время назывался не Октавіемъ, а Цезаремъ, и до самаго того времени, какъ въ 727 году Рима (именно въ томъ году, когда написана эта сатира), получилъ прозваніе Августа. *Октавій*, о которомъ упоминается здѣсь, былъ поэтъ и историкъ, который умеръ за столомъ, отъ гнѣва, и на смерть котораго находятся стихи въ каталектахъ, приписываемыхъ Виргилію. Такъ какъ каталекты находятся не во всѣхъ изданіяхъ Виргилія, то любопытные могутъ ихъ найти въ собраніи латинскихъ поэтовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ подъ руководствомъ Низара.

34) Ст. 82—87. *Вальгій*—къ которому написана книги 2 ода 9. *Фускъ*—тотъ самый *Aristius Fuscus*, о которомъ упомянуто въ сатирѣ 9. (См. прим. 16 къ ст. 59). *Виски*—два брата, (о нихъ см. сат. 9 ст. 24 примѣч. 7). *Полліонъ*—*C. Asinius Pollio*, поэтъ, ораторъ, историкъ и полководецъ. Онъ писалъ трагедіи, написалъ исторію внутреннихъ междоусобій; покорилъ Далматовъ, получилъ триумфъ

и былъ консуломъ. *Мессала*—*Messala Corvinus*. (См. прим. 11 къ стиху 27). *Бибула*, — полагають, что онъ былъ внукъ того Бибула, который былъ консуломъ вмѣстѣ съ Юліемъ Цезаремъ. *Сервій* — сынъ Сервія Сульпиція, къ которому есть письма Цицерона. *Фурій*—*S. Farnius*, который былъ консуломъ послѣ К. Юлія Силана, и къ которому находится тоже два письма Цицерона въ кн. 10.

35) Ст. 91. Въ началѣ этой сатиры видно, что Деметрій и Тигеллій имѣли вкусъ извѣженный, и что они не читали ничего, кромѣ любовныхъ стихотвореній Каталла и Кальва. И потому некоторые полагають, что подъ именемъ школьницъ разумѣются здѣсь женщины, которыя однѣ съ наслажденіемъ слушали ихъ чтенія; а другіе думаютъ, что Гораций называетъ въ насмѣшку школьницами ихъ учениковъ, по причинѣ близости ихъ къ столь извѣженнымъ и развратнымъ людямъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

САТИРА ПЕРВАЯ.

СОВѢЩАНІЕ.

ГОРАЦІЙ.

Многіе думаютъ, будто въ сатирахъ излишне я рѣзокъ
И что я выхожу изъ предѣловъ; другимъ же напротивъ,
Что ни пишу я, все кажется слабымъ!—Такими стихами
Можно писать, говорить, стиховъ по тысячѣ въ сутки!

5. Что же мнѣ дѣлать, Требатій?—скажи! ¹

ТРЕБАТІЙ.

Оставаться въ покоѣ!

ГОРАЦІЙ.

То есть — вовсе стиховъ не писать?

ТРЕБАТІЙ.

Не писать!

ГОРАЦИЙ.

Пусть погибну,

Ежели это не лучшее! — Но... безъ того мнѣ не спится!

ТРЕБАТИЙ.

- А кто хочетъ покрѣпче уснуть, тотъ вытертый масломъ,
Трижды имѣеть чрезъ Тибръ переплыть, и на-ночь желудокъ
10. Цѣльнымъ виномъ всполоскать!² — Но если писать ты охотникъ,
Лучше отваясь подвиги цезаря славить стихами!
Вѣрно ты будешь за трудъ награжденъ!

ГОРАЦИЙ.

. . . И желалъ бы, отецъ мой!

- Но не чувствую силы къ тому! — Не всякой же можетъ
Живо полки описать, съ ихъ стѣною желѣзною копій,
15. Галла со смертью въ борьбѣ на обломкахъ оружія, иль Пароовъ,
Сбитыхъ съ коней! . . .

ТРЕБАТИЙ.

Но ты могъ бы представить его справедливость
И великость души, какъ Луцилій воспѣлъ Сципіона!⁴

ГОРАЦИЙ.

- Непремѣнно; какъ скоро представится случай! — Некстати
Цезаря слуху стихами Флаккъ докучать не захочеть!⁵
20. Кто неловко поглядитъ его, онъ, какъ конь, забрыкаеть!⁶

ТРЕБАТИЙ.

Это честиѣ бы, чѣмъ Пантолаба, иль Номентана,⁷

Шута, да мота бранить!—За себя опасается всякой!
Ты, кого и не трогаль, и тѣ ужь тебя ненавидять!

гораций.

- Что же мнѣ дѣлать!—Милоній плясать начинаеть, какъ скоро
25. Винный паръ въ голову вступитъ ему и свѣчи задвоятся; ⁸
Кѣсторъ—любить коней; изъ того же яйца порожденный
Поллуксъ—борьбу!—Что головъ, то различныхъ пристрастій на свѣтъ!
Мнѣ наслажденье—слова заключать въ стихотворную мѣру,
Какъ Луцилю было, хотя онъ... обоихъ насъ лучше! ⁹
30. Всякія тайны свои, какъ друзьямъ, повѣрялъ онъ листочкамъ!
Горестъ ли, радость ли—къ нимъ, къ нимъ однимъ завсегда прибѣгалъ онъ!
Всѣ приключенья, всю жизнь, какъ на вѣрныхъ обѣтныхъ дощечкахъ, ¹⁰
Въ сочиненьяхъ старикъ начерталъ! ¹¹ — И его-то примѣру
Слѣдую я, ктобъ я ни былъ, Луканецъ ли, или Аппулеецъ;
- 35 (Ибо житель Венузіи пашеть въ обоихъ предѣлахъ,
Присланный нѣкогда — если преданію старому вѣрить —
Снова тотъ край заселить, по изгнаніи тутъ жившихъ Самнитовъ,
Съ тѣмъ, чтобъ на случай войны Аппулеянъ, или Луканянъ,
Не былъ врагу путь до Рима открытъ черезъ земли пустыя!) ¹²
40. Впрочемъ мой грифель впередъ ни души не обидитъ; но будетъ
Мнѣ лишь въ защиту, какъ мечъ, хранимый въ ножнахъ!—И къ чему же
Вышпмать мнѣ его, безъ нападковъ отъ явныхъ злодѣевъ!...
- О Юпитеръ, царь и отецъ! Пусть оружіе это
Гибнетъ отъ ржавчины, брошено мною, покуда не вздумалъ
45. Самъ кто вредить мнѣ, любящему миръ!—Но первый, кто тропеть—
(Я упреждаю: лучше не трогай!)—заплачетъ, и будетъ
Въ цѣломъ Римѣ, себѣ на бѣду, прославленъ стихами!

Сервій, во гнѣвѣ, закономъ и урной грозить; Канидія
Зельями злыми; а Турій судья—рѣшеніемъ дѣла: ¹⁵

50. Стало быть всякой себѣ избираетъ орудье по епсамъ!
Такъ повелѣла натура; ты въ томъ согласшья со мною!
Волку защитю зубы; рога для вола!—Довѣрьте вы моту
Сцевѣ—его престарѣлую мать въ попеченье: онъ руку
Отъ убійства конечно удержать!—Чему жъ вы дивитесь?
55. Волкъ не бодаетъ рогами; волъ не кусаетъ зубами:
Такъ и его отъ старушки—избавить и съ медомъ цикута! ¹⁴
Но короче скажу: суждена ли мнѣ долгая старость,
Или на черныхъ крылахъ смерть летаетъ уже надо мною,
Нищъ ли, богатъ ли, въ Римѣ ли я, или въ изгнаніи буду,
60. Если угодно судьбѣ—я сатиры писать не отстану!

ТРЕБАТІЙ.

Сынъ мой! боюсь я—тебѣ не дожить до сѣдинъ; а холодность
Сильныхъ друзей — испытаешь и ты!

ГОРАЦІЙ.

- По чему же Луцілій,
Первый начавшій сатиры писать, ¹⁵ не боялся, когда онъ
Съ гнусныхъ тѣхъ душъ совлекая блестящую кожу притворства, ¹⁶
65. Ихъ выставлялъ въ наготѣ!—Ты скажи: оскорблялся ли Лелій,
Или герой, получившій прозванье отъ стѣнъ Кароагена,
И казалось ли дерзостью имъ, что Луцілій — Метелла
Смѣлъ порицать, или Луна въ стихахъ предавать поношенью?...¹⁷
Онъ нападалъ безъ разбора на всѣхъ, на народъ и на знатныхъ;
70. Только щадилъ добродѣтель, щадилъ онъ ея лишь любимцевъ!

Даже, когда Сципионъ, или Лелій мудрецъ безмятежный,
Отъ народной толпы и отъ дѣлъ на покой удалились,
Часто любили они съ нимъ шутить и бесѣдовать просто,
Между тѣмъ, какъ готовили имъ овощей на трапезу! ¹⁸

75. Я, хоть и ниже Лудилія даромъ моимъ и породой, ¹⁹
Съ знатными жилъ же и я: въ томъ признается самая зависть!
Ежели тронеть она и меня сокрушающимъ зубомъ,
Жестко покажется ей!—Но быть можетъ, ученый Требатій,
Ты не согласишь?...

ТРЕБАТІЙ.

Нѣтъ! въ этомъ и я не поспорю!—Однако

80. Все мой совѣтъ: берегись!—Ты законовъ священныхъ не знаешь!
Бойся попасть въ неприятную тяжбу! — Если писатель
Дурно напишетъ о комъ, онъ повиненъ суду и отвѣту! ²⁰

ГОРАЦІЙ.

Да! кто *дурно* напишетъ; а кто хорошо, то навѣрно
Первый самъ Цезарь похвалитъ! ²¹ — И ежели, самъ безъ порока,

85. Смѣхомъ позорить людей онъ, достойныхъ позора....

ТРЕБАТІЙ.

То смѣхомъ

Дѣло твое порѣшать; а ты возвратишься оправданъ! ²²

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 2. САТИРА 1.

1) Ст. 5. Требатій Теста, одинъ изъ знаменитѣйшихъ юрисконсультовъ того времени.

2) Ст. 10. Горацій заставляетъ здѣсь говорить Требатіа съ шутливою важноію, какъ юриста, который будто бы даетъ совѣтъ по дѣлу; и потому онъ выражается въ подлинникѣ тономъ преторскаго эдикта: *transanto! habento!* Этого нельзя было выразить по руски; и потому смешное, заключающееся въ самомъ тонѣ первыхъ словъ Требатіа, въ переводѣ пропадаетъ. Чтобы сколько нибудь приблизиться къ судебному тону, я рѣшился выразиться отчасти стариннымъ судебнымъ слогомъ:

«Трижды имлетъ чрезъ Тибръ переплыть.»

Дасье замѣчаетъ, при этомъ случаѣ, что Цицеронъ въ письмѣ къ Требатію (*Lib. VII ep. 10*) называетъ его *studiosissimus homo natandi*, *человѣкъ прилежнѣйшій* въ плаваніи. И потому Требатій говоритъ здѣсь, какъ извѣстный любитель плаванія; и Горацій заставляетъ его совѣтовать это діетическое средство, какъ универсальное лѣкарство противъ всего, даже противъ страсти къ стихотворству.

3) Ст. 12. «Отецъ мой» — въ подлинникѣ *pater optime*, выраженіе уваженія, какъ бы ученика къ наставнику. За то и Требатій, въ стихѣ 61 называетъ Горація *puer*; что я перевелъ: «сынъ мой.»

4) Ст. 17. Схолиастъ Порфирій говоритъ, что Луцілій описалъ въ стихахъ частную жизнь Сципіона старшаго. И потому новѣйшіе изслѣдователи не соглашаются съ мнѣніемъ Дасье, который думаетъ, что Горацій говоритъ здѣсь о Сципіонѣ младшемъ, сынѣ Павла Эмілія.

5) Ст. 19. Что Горацій былъ въ подобныхъ случаяхъ остороженъ и не любилъ докучать Августу не во-время, видно изъ его эпистолы къ Виннію Азелѣ (кн. 1 эп. 13) гдѣ онъ говоритъ Виннію:

Augusto reddes signata volumina, Vinni,
Si valides, si laetus erit, si denique poscet.

Августу съ книгами связку отдай за моего печатью,
Если здоровъ онъ, если онъ веселъ, и ежели спросить.

6) Ст. 20.

Кто неловко поглядитъ его, онъ, какъ конь, забрыкаетъ!

Въ подлинникъ: Cui male sipalpere, recalcitrat undique tutus. Это сравненіе съ дикимъ и брыкивымъ конемъ заслуживаетъ быть выставлено, какъ примѣръ, сколь различны понятія о приличіяхъ въ разные времена и у разныхъ народовъ. Все это мѣсто (съ 12 ст. по 20) служитъ явнымъ доказательствомъ, какъ мало охоты и расположенія имѣлъ Гораций приблизиться къ Октавіану посредствомъ лести, который, при всей своей власти и силѣ, представлялъ тогда собою еще очень двузначительное лице въ римскомъ государствѣ, или республикѣ.

7) Ст. 21. См. кн. 1 сат. 8 примѣч. 5).

8) Ст. 25. Кто былъ этотъ Мплой, неизвѣстно. Порфирій говоритъ, что онъ былъ шутъ, scugga; но, по обвиненію въ пляскѣ надобно полагать, что онъ былъ изъ извѣстныхъ людей въ Римѣ: ибо оно не такъ маловажно и безобидно, какъ мы приняли бы это по нашимъ обычаямъ. По понятіямъ римлянъ плясать было постыдно. Это видно изъ словъ Цицерона, въ рѣчи его за Мурену. Катонъ назвалъ Мурену плясуномъ, saltatorem. Цицеронъ возражаетъ, что человѣкъ важный, какъ Катонъ, не долженъ былъ называться плясуномъ консула; что онъ долженъ былъ взвѣсить чрезвычайность этой обиды и сообразить всѣ пороки, которые нераздѣльны съ такимъ обвиненіемъ. Nemo enim fere saltat sobrius, говоритъ онъ, nisi forte insanit; neque in solitudine, neque in convivio moderato, atque honesto. Tempestivi convivii, amoeni loci, multarum deliciarum comes est extrema saltatio. «Ни одинъ человѣкъ трезвый плясать не будетъ, ни наединѣ, ни въ честномъ и благопристойномъ обществѣ, если только онъ не сумасшедшій. Пляска есть уже крайній признакъ неумѣренности, которой предаются только въ большомъ развратѣ, слѣдующемъ обыкновенно за пиромъ, въ мѣстахъ различныхъ веселостей.»

9) Ст. 29. «Обоихъ насъ лучше» nostrum melioris utroque. Полагаютъ, что это было обыкновенное выраженіе учтивости, когда говорилось о человѣкѣ, имѣющемъ большую извѣстность.

10) Ст. 32. *Обытнал табличка*, tabula или tabella votiva. Дощечка, на которой древніе писали объ избавленіи себя отъ какой-либо болѣзни, или бѣдствія, и которую, въ знакъ благодарности къ божеству, вѣшали въ посвященномъ ему храмѣ. Иногда на этихъ дощечкахъ были живописныя изображенія самаго происшествія. Та картина, о которой говоритъ Гораций въ своей «Наукѣ поэзіи,» (гдѣ видно, что нѣкто заказалъ живописцу написать кораблекрушеніе; а онъ тутъ же помѣстилъ кипарисъ),

вѣроятно принадлежала къ этимъ же *облѣтлымъ* табличкамъ. Всего богаче были такими приношеніями храмы боговъ морскихъ.

11) Ст. 33. *Луцилій*, (См. кн. 1 сат. 10 прим. 1) умеръ 46 лѣтъ отъ роду. Почему Гораций называетъ его старикомъ?—Дасе и Санадонъ, оба опровергаютъ свидѣтельство Евсевія, (въ его хроникѣ), на которой обыкновенно основываютъ исчисленіе лѣтъ Луцилія. Опроверженіе ихъ заключается въ томъ, что въ сочиненіяхъ Луцилія упоминается о законѣ Лициніевомъ, который былъ издавъ семь, или восемь лѣтъ послѣ того года, въ которомъ полагаютъ смерть Луцилія. «Слѣдовательно, говорятъ они, Луцилій прожилъ лѣтъ до пятидесяти пяти, или шести; и потому Гораций правъ, называя его старикомъ.

12) Ст. 39. Эта вставка о Венузій (повидимому совсѣмъ лишняя, заключающая въ себѣ ненужныя подробности и замедляющая рѣчь), употреблена Горациемъ не безъ намѣренія; а въ подражаніе Луцилію, который любилъ пускаться во всѣ подробности. Современникамъ вѣроятно это было замѣтно и казалось забавнымъ, какъ пародія на Луцилія.

Самниты были ближайшіе и самыя беспокойныя враги римлянъ, нарушавшіе миръ при первомъ удобномъ случаѣ. Ихъ, частію изгнавъ, частію истребивъ Силла, перерѣзавъ ихъ отъ пяти до шести тысячъ въ одинъ день, на Марсовомъ полѣ.

13) Ст. 49. *Сервій* (говорить одинъ схоластъ) подавалъ на Цн. Кальвина ложный доносъ въ тайномъ убійствѣ. Изъ словъ Горация можно заключить, что онъ изъ подобныхъ жалобъ составилъ себѣ ремесло. «Грозитъ судомъ и урной» сказано потому, что обвинительные, или оправдательные голоса, судьи бросали въ урну. *Канидія* — та же, о которой говорится въ сатирѣ 8 книги 1. Въ подлинникъ при ея имени поставлено еще: *Albuti*. Нѣкоторые разделяли эти имена, почитая ихъ за два разныя имени; другіе соединяли, думая, что Канидія была дочь Альбуція. Чтобы избѣжать ошибки, я рѣшился пропустить имя Альбуція. *Турій*, лице намъ совершенно неизвѣстное; но видно, что онъ былъ судья, который пользовался своею должною для личныхъ своихъ выгодъ.

14) Ст. 54—56. Примѣненіе къ происшествію, которое, вѣроятно, тогда было всѣмъ извѣстно. Жалю, что при словѣ *рука* я не могъ передать Горация выраженія *ria dextra, благочестивая десница*, что, разумется, должно принимать прощически.

15) Ст. 63. См. примѣч. 22 и 27 къ сат. 10.

16) Ст. 64. Вмѣсто слова *кожу*, здѣсь можно бы сказать: *маску*, которую вѣроятно разумѣлъ Гораций подъ этимъ словомъ; ибо маски древнихъ дѣлались изъ кожи.

17) Ст. 65 — 68. *Лелій*, прозванный мудрымъ, котораго выводитъ Цицеронъ въ своемъ разговорѣ о дружбѣ. II. *Сципіонъ*, Эмилианъ, прозванный Африкальскимъ за

разореніе Кареагена. *Метеллы*: иные полагають, что это К. Цецилій Метелль Македонскій; другіе думаютъ съ ббльшею достовѣрностію, что это К. Цецилій Метелль Нумидійскій, племянникъ Македонскаго. П. Рутилій *Луппъ* былъ въ 664 г. Р. консуломъ. Луцилій обвинялъ сего послѣдняго въ нечестіи и неуваженіи къ богамъ. Самую смерть Луппа приписываютъ его невѣрью; ибо, презрѣвъ предсказаніе жрецовъ, которые не нашли верхней части печени во внутренностяхъ жертвы, онъ далъ сраженіе, въ которомъ самъ онъ былъ убитъ, а войско его разбито.

18) Ст. 74. Горацийъ говоритъ здѣсь объ овощахъ, по отношенію къ законамъ, постановленнымъ въ это время. *Законъ Фаніевъ*, въ дни публичныхъ игръ, сатурналій, *circenses*, и проч. запрещалъ употреблять болѣе 100 ассовъ въ день на мясо: ассъ же въ то время былъ не то, что въ началѣ, а самая мелкая монета; въ дни мѣньшихъ праздниковъ, болѣе 30 ассовъ; а въ простые, рабочіе дни болѣе 10. *Законъ Лициніевъ* постановилъ правила снисходительнѣе. Но вообще всѣ эти законы ничего не постановляли о зелени и объ овощахъ.

19) Ст. 75. На латинскомъ *infra Lucili censum ingeniumque*. Я слово: *ценсъ*, замѣнилъ словомъ: *порода*. Виландъ употребилъ тоже слово: *Geburt*. Луцилій, какъ сказано выше, былъ римской всадникъ и по сестрѣ своей родственникъ Помпею. Можетъ быть къ породѣ же относится и стихъ 29: «обонхъ насъ лучше,» хотя и объясняютъ его простымъ выраженіемъ вѣжливости.

20) Ст. 82. Законъ двѣнадцати таблицъ постановлялъ весьма строгое наказаніе для оскорбителя, написавшаго ругательные стихи. Вислѣдствіи эта строгость была уменьшена; но тѣмъ не менѣе Августъ повелѣлъ преслѣдовать оскорбителей и подвергать ответственности.

21) Ст. 84. Довольно трудно мнѣ было удержать поруски шуточный оборотъ рѣчи и игру словъ Горация, который *mala sagmina zlye стихи*, принимаетъ въ смыслѣ *плохихъ стиховъ*. У него и въ томъ и въ другомъ случаѣ одно и тоже слово: *mala*. Не знаю, удачно ли я нашелъ русской оборотъ для этой шутки, въ выраженіи: «говорить о комъ дурно.» Лучше я не могъ выразить эту игру словъ. Впрочемъ Горацийъ, чтобы не отдѣлаться одной шуткой отъ настоящаго смысла словъ Требатія, и не показать будто онъ его не понимаетъ, тутъ же прибавляетъ: *si quis opprobriis dignum laceraverit, integer ipse*, «если кто нападетъ на челоуѣка, достойнаго позора, а самъ безъ порока.»

22) Ст. 85. Этотъ послѣдній стихъ подалъ поводъ къ столь многимъ толкованіямъ, что онъ еще болѣе затемняетъ стихъ Горация, и потому нѣтъ никакой пользы приводить ихъ. Много путало и переводчиковъ выраженіе: *solventur risu tabulae*. Но слово *разрѣшить*, или *порѣшить* такъ близко во всѣхъ своихъ значеніяхъ къ латинскому слову *solvere*, что для рускаго переводчика смыслъ долженъ быть ясенъ.

САТИРА ВТОРАЯ.

ОБЪ УМЪРЕННОСТИ.

Какъ хорошо, какъ полезно, друзья, быть довольну немногимъ!
(Это не я говорю; такъ училъ насъ Офелль поселянинъ, ¹

Школъ невидавшій мудрецъ, одаренный природнымъ разсудкомъ.) ²

Слушайте рѣчь мудреца, не за пышной и сытной трапезой,

5. Не тогда, какъ безмысленный блескъ ослѣпляетъ вамъ очи, ³

Какъ обманутый разумъ полезное все отвергаетъ!

Нѣтъ! натошакъ побесѣдуемъ! ⁴ — «Какъ натошакъ? Для чего же?»

— Я объясню вамъ! — За тѣмъ, что судья, подкупленный дарами,

Судить неправо! ⁵ — Когда ты устанешь, гоняясь за зайцемъ,

10. Или скакавъ на упрямомъ конѣ, или мячемъ забавляясь, ⁶

(Ибо, пзвѣженнымъ греками, римлянъ военные игры

Намъ тяжелы; а съ забавами мы забываемъ усталость!) ⁷

Или когда утомишься усиленнымъ бросаніемъ диска:

Тутъ ты, почувствовавъ жажду и позывъ пустаго желудка,

15. Презришь ли пищей простой? Перетерпишь ли жажду, за тѣмъ лишь,

Что фалернскаго нѣтъ, подслащеннаго медомъ гиметскимъ; ⁸

Что нѣтъ клюшника дома; что море, взволнованно бурей,

Рыбъ защищаетъ въ своей глубинѣ отъ сѣтей рыболововъ?

Нѣтъ! какъ животь заворчитъ, то ему и хлѣбъ съ солью пріятны. ⁹

20. Пбо не въ запахѣ яствъ, а въ тебѣ самомъ наслажденье!

Потомъ усталости—гортъ чѣмъ отыскивай вкусныя блюда!

Льви обрюзглой, что ни подай, ей все не по вкусу;

Устрицы ль, скаръ ли, иль заяцъ морекой, издалѣка прибышій!

Если павлинъ предъ тобою, какъ ни проси, ты не станешь

25. Курицу жирную ѣсть; тотъ пріятнѣе вкусъ твой щекочеть!

Это все суетность! Все отъ того, что за рѣдкую птицу

Золотомъ платятъ; что хвостъ у нея разноцвѣтный и пышный:

Точно какъ будто все дѣло въ хвостѣ! но ѣшь ли ты перья?

Стѣбитъ ихъ только изжарить—куда красота ихъ дѣвалась!

30. Мясо-жь павлина нисколько не лучше куринаго мяса!

Ясно, что въ этомъ одна лишь наружность твой вкусъ оболъщаетъ!

Пусть такъ! но какъ узнаешь ты по вкусу, гдѣ поймана эта

Щука, съ широкой разинутой пастью: въ Тиборѣ, иль въ морѣ;

Между мостовъ ли ее, или въ устьѣ волны качали? ¹⁰

35. Хвалишь, безумный, ты мулла, за то лишь одно, что онъ вѣсомъ

Ровно въ три фунта; ¹¹ а долженъ же будешь изрѣзать на части!

Если прельщаетъ огромность, то какъ же огромная щука

Столько противна тебѣ?—Отъ того, что не рѣдкость!—Природа

Щуку большой сотворила; а мулла—большой не бываетъ!

40. «Что за прекраснѣйшій видъ, какъ онъ цѣлое блюдо покроетъ!»

Такъ восклицаетъ обжора, съ глоткой, достойною гарній!

Австеръ! лети—перезги ихъ роскошныя яства! ¹²—А впрочемъ

Если испорченъ желудокъ, и ромбъ, и кабанъ непріятны!

Горькой радисъ и кислый щавель тутъ нужнѣ!—Конечно

45. Предковъ оливки и яйца—нами не изгнаны вовсе
 Съ нашихъ столовъ; и недавно Галонія всё осуждали, ¹⁵
 Бирючѣ городскаго, за роскошь! — «Какъ! неужѣли
 Менѣ ромбовъ въ то время питало глубокое море?»—
 Нѣтъ! но покуда въ нихъ вкусъ не открылъ намъ—преторіанецъ,
 50. Въ морѣ спокойно жилъ ромбъ, и аистъ былъ въ гнѣздѣ безопасенъ! ¹⁴
 Еслибъ кто выдалъ эдиктъ, что нырокъ зажаренный вкусенъ,
 Юноши Рима повѣрятъ: они на дурное послушны!

Впрочемъ умѣренный столъ и столъ скраги—Офелль различаетъ;

Ибо напрасно бѣжать отъ порока къ пороку другому!

55. Авдиенъ, справедливо прозванный псомъ, ¹⁵ ежедневно
 Ълъ лишь оливки, которымъ пять лѣтъ, ¹⁶ да ягоды терна;
 А вино онъ берегъ, покуда совсѣмъ не прокиснетъ.
 Въ день же рожденія, или на утро дня свадьбы, ¹⁷ одѣтый,
 Въ бѣломъ, какъ слѣдуетъ въ праздникъ, ¹⁸ онъ—гостямъ на капусту
 60. Масло такое изъ рога по капелькѣ лить своеручно,
 Что захватитъ дыханье; за то не скупился на укусъ! ¹⁹

Какъ же прилично жить мудрецу? И съ кого брать примѣры?

Тамъ угрожаетъ мнѣ волкъ; а тутъ—попадешься собакѣ! ²⁰

Чисто одѣтымъ быть значитъ—не быть въ запачканномъ платьѣ;

65. А не то, чтобъ наряженнымъ быть шегольски! — Кго средину
 Хочетъ во всемъ сохранить, тотъ не будь, какъ Альбуцій, который
 Раздавая приказы слугамъ, ихъ заранѣ мучилъ;
 Но не будь и безпеченъ, какъ Невій, который помои
 Въмѣсто воды подавалъ!—Недостатокъ великій и это!

70. Слушай же, сколько приносить намъ пользы пища простая:
 Первая польза—здоровье; за тѣмъ, что всё сложныя яства

- Вредны для тѣла! ²¹ — Вспомни, какую ты чувствовала легкость
 Послѣ простаго стола! Но вареное съ жаренымъ вмѣстѣ,
 Устрицъ съ дроздами, какъ скоро смѣшаешь въ одно: то въ желудкѣ
75. Сладкое въ желчь обратится, ²² и внутренній въ немъ беспорядокъ
 Клейкую слизь породить!—Посмотри, какъ бываютъ все блѣдны,
 Вставъ изъ за пира, гдѣ были въ смѣшенъ различныя яства!
 Тѣло, вчерашнимъ грѣхомъ отягченное, духъ отягчаетъ,
 Пригнѣтая къ землѣ часть дыханья божественной силы! ²³
80. Но умѣренный, скоро насытятся, и сладко заснувши,
 Свѣжимъ и бодрымъ встаетъ ото-сна къ ежедневнымъ занятьямъ. ²⁴
 Можетъ и онъ иногда дозволить себѣ что получше,
 Ежели праздничный день съ годовымъ оборотомъ приходитъ;
 Или—въ усталости; или тогда наконецъ, какъ съ годами
85. Тѣло слабѣетъ, и требуетъ большихъ о немъ попеченій! ²⁵
 Ты же, который, будучи молодъ и крѣпокъ, заранѣ
 Къ нѣгѣ себя приучилъ, чѣмъ себя ты понѣжишь, какъ хворость,
 Или тяжелая старость потребуютъ силъ подкрѣпленья!
- Предки хвалили мясо кабана, хотя и невовсе
90. Свѣже; не то, чтобы не было вовсе у нихъ обонянья:
 Нѣтъ! но чѣмъ свѣжее ѣсть самому, имъ казалось, что лучше
 Початое имѣть наготовѣ для поздняго гостя! ²⁶
 О! когдабъ я родился во время тѣхъ старыхъ героевъ!
- Если желаешь ты славы, которая слуху тщеславныхъ
95. Сладостный пѣсней: то вѣрь мнѣ, что рыбы и блюда большія
 Только послужатъ къ стыду твоему, къ разорѣнью!— Въ добавокъ
 Дядю разсердишь; сосѣди тебя взненавидятъ!— Ты будешь
 Смерти желать, но не-на-что будетъ купить и веревки!
 «Это, ты скажешь, идти не ко мнѣ: я не Травзій! ²⁷ — Имѣйи

100. И доходовъ моихъ—для троихъ царей бы достало!»
 —Ежели такъ, то за чѣмъ ты излишекъ не тратишь на пользу?
 Если богатъ ты, за чѣмъ же есть въ бѣдности честные люди?
 Для чего же боговъ разрушаются древніе храмы? ²⁸
 Для чего ты, негодный, хоть малую часть изъ сокровищъ,
105. Накоплѣнныхъ тобой, не приносишь отечеству въ жертву?
 Или, ты думаешь, счастье тебѣ одному не измѣнить?
 Время придетъ, что и ты для враговъ посмѣшищемъ будешь!
 Кто въ перемѣнахъ судьбы понадѣяться можетъ на твердость?
 Тотъ, кто умѣлъ покорить и тѣла привычки, и гордость,
110. Или, кто малымъ доволенъ, на будущность мало надѣясь,
 Могъ, какъ мудрецъ, быть готовымъ къ войнѣ въ продолженіе мира!
 Вѣрьте мнѣ: мальчикомъ бывши еще, знавалъ я Офелла!
 Нынче бѣднякъ, и тогда онъ, при цѣломъ имѣніи, не шире
 Жилъ, чѣмъ теперь!—На своемъ, для другихъ отмѣжеванномъ полѣ, ²⁹
115. Онъ и донинѣ, съ дѣтьми и со стадомъ, живетъ, какъ наемщикъ!
 «Никогда, говорилъ онъ, по буднямъ не ѣлъ я другаго,
 Кромѣ простыхъ овощей и куска прокопченной свинины!
 Если же изрѣдка гость приходилъ, иль въ свободное время
 Добрый сосѣдъ навѣщалъ, особливо въ ненастную пору,
120. Я не рыбою купленной ихъ угощалъ; но домашнимъ—
 Или цыпленкомъ, или козленкомъ!—Кисть винограда,
 Крушныя фиги, орѣхи: вотъ что мой столъ украсило!
 Въ мирной игрѣ между насъ—проигравшій пилъ лишнюю рюмку;
 Или, въ честь доброй Церерѣ, чтобъ выше возрастали колосья
125. Нашихъ полей—мы заботы чела виномъ прогоняли!
 Пусть же Фортуна враждуетъ и новыя бури воздвигнетъ!
 Что ей похитить у насъ?—Скажите, мои домочадцы,

- Меньше-ль счастливо мы жили съ тѣхъ поръ, какъ у насъ поселенець
 Новый явился? ³⁰ — Ни мнѣ, ни ему, ни другому, природа
130. Не назначила вѣчно владѣть! — Онъ насъ выгналъ; его же,
 Если не ябеда, то расточительность, тоже прогонять;
 Или наслѣдникъ, его пережившій, владѣнье присвоить!
 Нынче земляца Умбрена, прежде земляца Офелла;
 Но, поправдѣ, ничья, а давалась въ владѣнье на время,
135. Прежде Офеллу, а послѣ другимъ! ³¹ — Сохранимъ же всю бодрость!
 Твердую душу поставимъ прѣотивъ ударовъ Фортуны!»

17 Окт. 1852.

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 2. САТИРА 2.

1) Ст. 2. *Офелла* — имя неизвѣстное. Вѣроятно это былъ житель Кремоны, или Мантуи, нанмавшій землю, которая прежде принадлежала ему въ собственность.

2) Ст. 3. Въ подлинникѣ: *сасса Минерва*. Это не значить загрублаго ума; но человека, не просвѣщеннаго ученіемъ, съ здоровымъ природнымъ умомъ, который, въ простотѣ натуры, ясно разбираетъ истину.

3) Ст. 5. То есть: блескъ пиршествъ, безумныхъ своимъ великолѣпіемъ; блескъ, который такъ ослѣпляетъ очи и разумъ, что послѣдній не въ состояніи судить здраво.

4) Ст. 7. «На тощакъ,» потому что тогда разумъ, неотяченный виномъ и различными яствами, остается во всей силѣ, и ничто не препятствуетъ ему въ отправленіяхъ здраваго смысла.

5) Ст. 9. Сравненіе очень вѣрное. Какъ судья, подкупленный дарами, худо изслѣдуетъ истину, такъ и человекъ не въ состояніи слушать правила умеренности, среди пира, когда всѣ его чувства обольщены предметами, которые льстятъ имъ и обманываютъ ихъ.

6) Ст. 10. У древнихъ было четыре рода игры въ мячъ. *Pollis* — мячъ, который кидали рукою, покрытою наручникомъ, а если мячъ былъ малъ, то отталкивали его кулакомъ. *Pila*, который впоследствии называли *trigonalis*, потому что стали играть имъ втроемъ, становясь треугольникомъ, и отбрасывая мячъ отъ одного къ другому, потомъ къ третьему. Кто ронялъ мячъ на землю, тотъ проигрывалъ. *Paganica* — былъ мячъ, утыканый перьями. Четвертый родъ мяча былъ всѣхъ меньше. Самая употребительная игра была втроемъ.

7) Ст. 12. Это не относится къ играмъ грековъ, но къ извѣстной у римлянъ поговоркѣ: *пить погречески*; ибо греки славились тѣмъ, что много пили. — Каждый

народъ имѣеть свои повятія. Такъ грекъ Анакреонъ, въ одѣ 57 укоряетъ скиновъ въ безчинствѣ пьянства.

8) Ст. 16. Крѣпкое фалернское, обыкновенно, или подслащивали медомъ съ горы Гимета, или мѣшали съ хіосскимъ.

9) Ст. 19. На латинскомъ: «задаетъ животь.»

10) Ст. 34. Воображали ли такъ, или дѣйствительно распознавалось это тонкостію вкуса, только морской волкъ, (я перевелъ *щука*), пойманный между двумя мостами Тибра, почитался лакомками Рима вкуснѣе тѣхъ, которыхъ ловили при впадѣніи Тибра въ море. Впрочемъ тоже свидѣтельствуеть и Плиній, (кн. 9 гл. 54). *Quando eadem aquatilium genera aliubi atque aliubi meliora: sicut lupi pisces in Tiberi amne inter duos pontos.* «Та же рыба лучше въ иныхъ мѣстахъ, чѣмъ въ другихъ: такъ морской волкъ, пойманный между двухъ мостовъ Тибра, лучше.»

11) Ст. 36. *Mullus*—морская рыба, неизмѣющая у насъ названія. *Mullus barbatus* переводится «барвена;» а въ словарь Академіи названа она: «краснобородка.» Но рыба того же рода: *Cirginius barbatus*, переводится у насъ «чебакъ.»—По сей причинѣ, т. е. по неизмѣнію на рускомъ языкѣ определеннаго названія этой рыбы, я принужденъ былъ поставить въ моемъ переводѣ ея латинское названіе. По свидѣтельству Плинія (*Hist. nat. L. 9 c. 15*) эта рыба рѣдко попадалася тяжелѣ двухъ фунтовъ, и даже въ садкахъ и прудахъ недоросла выше этого вса.

12) Ст. 42. Гораций, въ своемъ негодованіи, обращается здѣсь къ южному горячему ветру, чтобы онъ испортилъ драгоценныя яства обжоръ и превратилъ ихъ въ протухлыя.

13) Ст. 46. Галлоій вошелъ въ славу расточителя, потому что онъ на одномъ шпрѣ подаль на столъ огромнаго осетра, которые въ такой чести были у римлянъ, что ихъ не иначе обносили кругомъ стола, какъ увѣнчанныхъ цвѣтами и въ предшествіи флейщика. Галлоій былъ современникъ поэта Луцілія; и вѣроятно, Луцілія сдѣлалъ ему столь худую славу, что во время Цицерона вошло въ пословицу говорить: «онъ живетъ, какъ Галлоій.» Стихи Луцілія приводитъ Цицеронъ, въ книгѣ: *De finibus bon. et malor. L. 11 c. 8.*

Но во время Плинія осетры, эта некогда дорогая и рѣдкая рыба, вошли въ такое презрѣніе, что модный человекъ счелъ бы за безчестіе подавать ихъ за столомъ своимъ. Ихъ замѣнили *mulli*, *scagi* и *ghombi*.

14) Ст. 50. Это насмѣшка надъ однимъ *Азелломъ Рутиліемъ*, или, какъ говорить другіе, надъ *Семпроніемъ Руфомъ*, который огромное число блюдъ римскихъ прожоръ умножилъ еще молодыми анстами. На это изобрѣтеніе, и на то, что онъ, по дурной своей славѣ, не попалъ въ преторы, написана была слѣдующая эпиграмма:

Ciconiarum Rufus iste conditor
 Hic est duobus elegantior Plancis,
 Suffragorium puncto non tulit septem:
 Ciconiarum populus ultus est mortem.

Отъ того же, т. е. отъ неудавшейся претуры, Горацийъ называетъ его praetorius.

15) Ст. 53. *Авидіенъ* — лице, намъ неизвѣстное. Фельдбаушъ, въ объяснительномъ словарѣ къ Горацию, полагаетъ, что это имя составлено Горациемъ изъ слова *avidus*. Впрочемъ слова: *сui canis ex vero dictum cognomen*—«Авидіенъ, столь справедливо полученный прозвание пса»—показываютъ, что это было лице, извѣстное современникамъ Горация. Габерфельдъ замѣчаетъ, что онъ былъ прозванъ псомъ по своей пачистотѣ, а не потому, чтобъ онъ принадлежалъ къ сектѣ циниковъ.

16) Ст. 56. Свежія оливки могли сохраняться года два, не болѣе. Следовательно пятилѣтнія нѣкуда уже не годились.

17) Ст. 58. Первый день свадьбы назывался у римлянъ *nuptiae*, а второй по свадьбѣ *herodia*, потому что тутъ дождали и допивали остатки послѣ свадьбы. День рожденія римляне вообще праздновали пышно, и не только день собственнаго своего рожденія, но друзей и подругъ. См. кн. 4 ода 11 какъ Горацийъ праздновалъ день рожденія Мecenата.

18) Ст. 59. Бѣлый цвѣтъ былъ обыкновенный, употребляемый римлянами, особенно за столомъ, на пиршествахъ. Они не носили чернаго даже и на похоронахъ. Они выходили изъ дому всегда въ бѣлыхъ тогахъ. Одинъ народъ, *plebs*, плебейство, смѣло показываться въ тунникахъ темнаго цвѣта, или въ черныхъ плащахъ. Августъ, встрѣтивши въ одинъ день многихъ, одѣтыхъ такимъ образомъ, произнесъ съ негодованіемъ стихъ Вергилія:

Romanos rerum dominos gentemque togatam!

19) Ст. 61. У Горация *cogna bilibri*—«изъ двухъ-фунтоваго рога.»—Обыкновенно роговая посуда для масла содержала у римлянъ одинъ фунтъ; а такъ какъ у Авидіена она содержала два фунта, то тѣмъ долѣ шло изъ нея масло, и тѣмъ болѣе оно должно было протухнуть.

Поливать кушанье масломъ обыкновенно было дѣломъ слугъ; но здѣсь самъ хозяинъ дѣлаетъ это, чтобы слуги не надѣли лишняго. Авидіенъ не скунился на укусъ, потому что и онъ былъ давнишній, (*veteris*), при томъ же онъ поправлялъ нѣсколько дурной запахъ масла; да и легко могъ быть дополненъ прокислыми винами хозяина.

20) Ст. 63. *Nas urget lupus, has canis aiunt.* Это была пословица: она очень кстати употреблена въ отношеніи къ Авидіену, прозванному собакой.

21) Ст. 72. Тоже самое говоритъ Гипократъ. Тоже находимъ въ книгѣ Сираха: «Не разливайся на различіе брашна; ибо во многихъ брашнахъ недугъ бу-

дствъ.» (Гл. 37 ст. 32 и 33). Тоже у Плинія: *hominī cibus utilissimus simplex: a cersatio saporem pestifera, condimenta perniciosiora.* «Простая пища для человека есть полезнѣйшая; смѣшеніе различныхъ предметовъ вкуса вредно; приправы гибельны.»

22) Ст. 75 У Сираха: «Трудъ бѣднѣя, и холера, и чревоболѣніе съ мужемъ насытымъ» (Гл. 31 ст. 23).

23) Ст. 79. *Atque affigit humi divinae particulam aure.* Удивительно, какая свѣтлая и глубокая мысль о духовной части человека, когда вспомнишь, что это говорить язычникъ! Вотъ этимъ-то древніе выше насъ, не говоря уже о ихъ художественныхъ дарованіяхъ: то есть—важностію мысли, наклонностію къ глубокимъ и высокимъ мыслямъ о человекѣ! Невольно вспомнишь изреченіе Карамзина: «Мы ученѣе грековъ; но греки были умнѣе насъ!»

24) Ст. 81. Опять правило благоразумія для сохраненія здоровья и бодрости духа. И опять тоже самое находится у Сираха: «Сонъ здравый отъ чрева умѣренна; воста завтра, и душа его съ нимъ.» (Гл. 31 ст. 22). То есть: «и сохраняетъ всю свѣжесть ума, или душевныхъ способностей.»

25) Ст. 85. Офелія признаетъ здѣсь только три причины, позволяющія человекѣу нѣсколько себя повѣжить: 1. Дни праздничные; 2. ослабленіе силъ, происходящее отъ болѣзни, или отъ работы; и 3. недуги, происходящіе отъ старости. Впрочемъ, подъ разрядомъ праздниковъ разумѣются здѣсь и другіе случаи, напр. посѣщеніе друга, и проч.

26) Ст. 92. Древніе римляне никогда не подавали на столѣ цѣлаго кабана. П. Сервилій Руфуль первый подаль цѣлаго, и это излишество, которое до временъ Цезаря было неслыханнымъ, сдѣлалось наконецъ обыкновеннымъ. Подавали даже двухъ, трехъ кабановъ вмѣстѣ: до такой степени дошла наконецъ роскошь обжорства у римлянъ! Чего дивиться послѣ этого чудовищнымъ пирамъ Гелиогабала! Выше замѣтилъ я выскость мысли у древнихъ, но справедливость требуетъ сказать, что мы, новѣйшіе, не доходимъ и до той развратной роскоши, до какой доходили они.

27) Ст. 99. *Травзій*—лице неизвѣстное.

28) Ст. 103. Съ одной стороны (говоритъ Дезобри, въ книгѣ: *Siècle s'Auguste*), построеніе публичныхъ зданій частными лицами, гражданами, было выгодно для казны общественной; съ другой имѣло свои невыгоды: ибо эти зданія, оставаясь частною собственностию, были въ тягость дѣтямъ и потомкамъ основателей. Если они были беззаботны, или впадали въ бѣдность, или если родъ ихъ прекращался, зданіе оставалось безъ поддержки и превращалось въ развалины. Это случалось перьдко даже съ храмами. Такъ напр. храмъ Юноны-Соспиты исчезъ совершенно. Такимъ образомъ храмъ Юпитера Ферестрійскаго, въ каштолинѣ, спасенъ былъ отъ совершеннаго разрушенія только рукою Августа; а храмъ Согласія—помощію Тиберія.

Когда частный человек хотѣлъ возстановить публичное зданіе, которое не принадлежало его фамиліи, надобно было испросить на это дозволеніе сената, не смотря на то, что потомки основателя не думаютъ исправить памятникъ, воздвигнутый ихъ предками, и даже не могутъ.

Вотъ отъ чего во время Августа было уже множество разрушающихся зданій. Къ этому-то обстоятельству относятся слова Горація. Слѣдовательно напрасно Санадонъ, Дасье и нѣкоторые другіе, относятъ ихъ только къ желанію придворнаго поэта похвалить Августу.

29) Ст. 114. То есть: поле, которое принадлежало Офеллу, а потомъ было отдано воинамъ. Землю, для раздачи имъ, измѣряли, дабы каждому досталось поровну. Это было послѣ сраженія при Филиппахъ, когда Августъ привелъ ветерановъ обратно въ Италію, и награждалъ ихъ землями. Землица Офелла досталась Умброну, который потомъ отдалъ ее въ наймы прежнему хозяину Офеллу. Виргилій тоже былъ выгнанъ изъ своего владѣнія; о чемъ жалуется онъ въ слѣдующемъ стихѣ:

Pertica quae nostras metata est improbe agellos.

30) Ст. 129. На латинскомъ: *novus incola*, новый житель, новый поселенецъ, а не владѣтель. Это относится къ слѣдующему, и значить что здѣсь, на землѣ, все дается въ временное пользованіе, а не въ вѣчное владѣніе.

31) Ст. 135. Тоже находится въ одномъ изреченіи Публия Сира:

Nil proprium ducas quod mutarier potest.

«Не называй своимъ, что можетъ измениться!»

САТИРА ТРЕТІЯ.

СТОИКИ.

Дамазиппъ.

- Рѣдко ты пишешь!—Едвали четырежды въ годъ ты пергаментъ
Въ руки возмешь! ¹ — Лишь только наткалъ, и опять распускаешь,
Самъ недоволенъ собой, что вино и сонливость мѣшаютъ
Славы достойный трудъ совершить!—Что изъ этаго выдетъ?...
5. Чтожь ты на дни сатурналій сюда убѣжалъ? ² — Напши же
Здѣсь, протрезвясь, что илбудъ ожиданій достойное нашихъ!
Что?—ничего?—такъ напрасно-жь перо обвинять, и напрасно
Бѣдныя стѣны, созданныя въ гнѣвъ боговъ и поэтовъ!
Мы, по лицу твоему, отъ тебя—превосходнаго много
10. Ждали, когда ты подъ сельскую теплую кровлю сокрылся!
Для чего же привезъ ты съ собою Платона съ Менандромъ?
Что же взялъ въ свиту свою Эвполиса, и съ нимъ Архилоха? ³
Хочешь ли зависть ты тѣмъ усмирить, что возмешь у достоинствъ?

- Нѣтъ! лишь презрѣнье одно наживешь!—Отбрось же ты лѣньность,
 15. Эту сирену; или и то, что и лучшею жизнью
 Ты приобрѣлъ, потеряешь опять!

ГОРАЦІЙ.

Да даруютъ же боги
 И богини тебѣ, Дамазиппъ, брадобрѣя — за этотъ
 Столь полезный совѣтъ! ⁴ — Но какъ я тебѣ столь извѣстенъ?

ДАМАЗИППЪ.

- Съ той поры, какъ попалъ я у средняго Януса на-мѣль, ⁵
 20. Я, оставивъ свои все дѣла, занимаюсь чужими!
 Прежде любилъ я изслѣдовать бронзу лохани, въ которой
 Ноги мылъ хитрый Сизифъ; ⁶ разбиралъ, гдѣ замѣтна въ ваянѣ
 Слабость рѣзца; гдѣ металлъ отлился неудачно и грубо;
 Зналъ я, что статуя стоитъ: сколько тысячъ сестерцій;
 25. Дома, сады покупать, въ томъ со мною никто не равнялся,
 Такъ, что меня при продажахъ любимцемъ Меркурія звали! ⁷

ГОРАЦІЙ.

Это я знаю!—Дивлюсь, какъ отъ этого ты изцѣлился!

ДАМАЗИППЪ.

- Такъ, какъ бываетъ это всегда, что всякая новость
 Выгонитъ старое!—Крови приливъ къ головѣ, или къ боку,
 30. Вдругъ обращается къ груди!—Иной, летаргіей былъ боленъ;
 Смотришь—врача своего на кулачный ужь бой вызываетъ!

ГОРАЦІЙ.

Лишь бы меня не касалось; съ другими—будь что угодно!

ДАМАЗИППЪ.

Другъ! понапрасну не льстись! Всѣ глупцы, да и самъ ты безуменъ,⁹
Если намъ правду Стертиній твердилъ!⁹ — Отъ него я науку

35. Превосходную принялъ, тогда, какъ меня убѣдилъ опъ

Мудрую эту браду себѣ отростить въ утѣшенъ,¹⁰

И отъ моста Фабриція въ мирѣ домой воротиться:¹¹

Ибо, когда я, въ упадкѣ всѣхъ дѣлъ, съ головою покрытой,¹²

Броситься въ волны хотѣлъ, онъ стоялъ ужъ по правую руку!¹³

40. Берегись недостойнаго дѣла! вскричалъ опъ.¹⁴ — Ты мучимъ
Ложнымъ стыдомъ; ты боишься безумнымъ прослыть межъ безумцевъ!

Но рассмотримъ вопервыхъ: «что есть безуміе?»—Если

Ты лишь безуменъ одинъ: я ни слова!—Пусть смертью отважной

Кончишь ты жизнь!—Но если кого лишь слѣпое незнанье

45. Зла и добра—побуждаетъ къ тому, то Хризиппъ и вся школа¹⁵

Прямо того почитаютъ безумцемъ!—Подъ правило это

Всѣ, и цари и народы подходятъ, кромѣ лишь мудрыхъ!

Слушай же: я объясню, почему—тѣ, которымъ безумцемъ

Кажешься ты, всѣ и сами не менѣе—тоже безумны!

50. Если два путника, идучи лѣсомъ, въ немъ заблудятся,

Этотъ съ дороги собьется на право, а этотъ на лѣво:

Оба блуждаютъ они, но только по разнымъ дорогамъ!

Такъ всѣ равно и безумны, хотя надъ тобой и смѣются!

Вѣрь мнѣ: съ хвостомъ и она! ¹⁶—Бояться, гдѣ вовсе нѣтъ страха—

55. Это безуміе, точно такое жь, какъ еслибъ кто началъ
Въ полѣ открытомъ кричать, что рѣка преграждаетъ дорогу,
Или огонь!—А противная крайность—есть тоже безумство,
Только другое—броситься прямо въ рѣку, или въ пламя,
Какъ ни кричалибъ, и мать, и сестра, и отецъ, и супруга:
60. «Здѣсь глубочайшая бездна, скала! берегися несчастный!»
Нѣтъ! Онъ не слышитъ, безумный, какъ Фузіи, который на сценѣ
Пьяный на ложѣ заснулъ, и проспалъ Иліону ¹⁷ — и тщетно
Нѣсколько тысячъ ему голосовъ изъ партера кричали:
«Матерь! тебя я зову!»—Заблуждаются всѣ! Докажу я!
65. Дамазиппа считаютъ безумнымъ за то, что скупааетъ
Старыя статуи онъ? а кто вѣритъ ему, тотъ умнѣе ль?
Еслибъ тебѣ я сказалъ: «На—вотъ это! возми безъ возврата!»
Быль ли бы глушь ты, еслибы взялъ?—Нѣтъ! ты быль бы глуше,
Еслибы не взялъ, что даромъ Меркурій тебѣ посылаетъ!
70. На инаго хоть десять разъ вексель у Нерія пишешь,
Хоть сто разъ у Цикуты; ¹⁸ опутай его хоть цѣпами:
Все ни во что! ускользнетъ онъ злодѣй съ проворствомъ Протея! ¹⁹
А потащишь къ суду: онъ смѣется, онъ вдругъ превратится
Въ птицу, въ кабана, въ свинью, и въ дерево, если захочеть!
75. Если безумный дѣйствуетъ худо, ²⁰ разумный же лучше:
То Периллій безумнѣй тебя, получая твой вексель,
По которому знаетъ впередъ, что ты не заплатишь!
Подберите же тоги, чтобъ слушать меня со вниманьемъ! ²¹
Всеякой, кто съ честолюбія, кто съ сребролюбія блѣденъ,
80. Всеякой, кто невоздержностью, кто суевѣріемъ боленъ,
Или другою горячкою души: всѣ ко мнѣ подходите!

Всѣ попорядку! Я докажу вамъ, что всѣ вы безумцы!

Самый сильный пріемъ чемерицы слѣдуетъ скрягамъ;

Думаю даже, не худо-бѣ отдать имъ и всю Антициру! ²²

85. Завѣщаль же Стаберій скупецъ, ²⁵ чтобъ на камнѣ надгробномъ
 Вырѣзалъ сумму наслѣдства наслѣдникъ его; а иначе
 Долженъ народу дать пиръ, какъ устроить придумаетъ Аррій; ²⁴
 Сто паръ бойцовъ, да пшеницы—годичную Африки жатву. ²³
 «Справедливо ли это, или нѣтъ, мнѣ наслѣдникъ не дядя! ²⁶
90. Такъ я хочу!»—Вѣроятно, что такъ разсуждалъ завѣщатель.

ДАМАЗИППЪ.

Для чего же велѣлъ написать онъ на камнѣ наслѣдство?...

СТЕРТИИЙ.

Для того, что онъ бѣдность считалъ величайшимъ порокомъ,

Что боялся ужасно ея; и еслибы умеръ бѣднѣе

Хоть квадрантомъ однимъ: то считалъ бы себя безсомнѣнья

95. Человѣкомъ дурнымъ!—У людей подобнаго рода

Слава, честь, добродѣтель: все—предъ людьми и богами

Ниже богатства!—Одинъ лишь богатый—мужественъ, славенъ,

И справедливъ!

ДАМАЗИППЪ.

Неужели и мудръ?

СТЕРТИИЙ.

И мудрецъ! безсомнѣнья!

Даже и царь! и все, что захочетъ!—Онъ думалъ, что деньги
100. Добродѣтель замѣнять ему и прославятъ въ потомствѣ!

ДАМАЗИПЪ.

Какъ съ нимъ несходенъ былъ грекъ Аристиппъ, ²⁷ рабамъ приказавшій
Золото бросить въ ливійскихъ пескахъ, потому лишь, что тягость
Ихъ замедляла въ пути.—А который изъ нихъ былъ безумнѣй?

СТЕРТИНЪ.

- Спорнымъ примѣромъ спорный вопросъ разрѣшить невозможно!
105. Если кто цитры скупаеъ, музыки вовсе незная,
Ежели кто собираеъ — колодки башмашныя, шила,
Самъ же совѣмъ не башмашникъ; или—кто парусы, снасти
Любить въ запасѣ хранить, отвращење имѣя къ торговлѣ:
Тотъ безумный, по мнѣнію всѣхъ!—А разумнѣе-ль этотъ
110. Скрыга, который золото прячетъ свое, и боится
Тронуть его, какъ будто оно какая святыня!
Если кто, съ длиннымъ въ рукахъ багатомъ, передъ кучею жита
Протянувшись, лежитъ господиномъ, его карауля;
Самъ не беретъ ни зерна и питаеъся горькой травой; ²⁸
115. Если до тысяча кружекъ, тысяча до трѣхъ-сотъ, фалерна
Самаго стараго, или хіосскаго, въ погребѣ скрыга,
Самъ же кислятину пьетъ, ²⁹ и лѣтъ семдесятъ девять проживши,
Спитъ на набитомъ соломой мѣшкѣ, имѣя въ запасѣ
Тюфяки въ кладовой, тараканамъ и моли въ добычу:
120. То—онъ по той лишь причинѣ въ безумствѣ замѣтенъ немногимъ,
Что есть множество, кромѣ его, въ такой же болѣзнь!

- О старикъ, ненавистный богамъ! Къ чему бережешь ты?
 Развѣ за тѣмъ, чтобъ твой сынъ, или отпущенникъ прожилъ наслѣдство?
 Ты опасаясь нужды?—Конечно!—Изъ эдакой суммы
125. Много убавится, если отложишь частичку на масло,
 Чтобы капусту приправить, или голову глаже примазать!
 Если столь мало нужно тебѣ, изъ чего же даешь ты
 Ложныя клятвы?—За чѣмъ похищаешь? За чѣмъ отнимаешь?
 Какъ!—Ты въ здоровомъ умѣ? ⁵⁰ — Да еслибъ въ народъ ты каменья
130. Вздумалъ бросать, или въ рабовъ, тебѣ же стѣющихъ денегъ,
 Все бы мальчишки, дѣвчонки, кричали, что ты сумасшедшій;
 А отравишь жену, или мать, ты и въ здоровомъ разсудкѣ!....
 Да! почему же не такъ!—Вѣдь ты не мечемъ, не въ Аргосѣ
 Ихъ погубилъ, какъ Орестъ!—Или думаешь, онъ помѣшался
135. Послѣ убійства; и преданъ гоненію мстительныхъ фурій
 Послѣ того, какъ согрѣлъ онъ въ матерней груди желѣзо?
 Нѣтъ! съ той поры, какъ былъ признанъ безумнымъ, онъ никакого
 Зла не свершилъ: не напалъ онъ съ мечемъ на сестру и на друга;
 Фуріей только Электру сестру называлъ, а Пилладу
140. Тоже давалъ имена, сообразно горячности гнѣва!
 Бѣдный Опмій, столь много сребра сохранявшій и злата, ⁵¹
 Въ праздники вейское пившій вино изъ глиняной кружки, ⁵²
 Въ будни-жъ довольный и кслымъ, однажды былъ спячкою боленъ
 И какъ мертвый лежалъ; а наслѣдникъ ужъ, въ радости сердца,
145. Бѣгалъ съ ключами вокругъ сундуковъ, любовался мѣшками!
 Врачъ его вѣрный придумалъ однакоже скорое средство,
 Чтобъ больнаго отъ сна пробудить: онъ къ постелѣ больнаго
 Столь придвинуть велѣлъ; изъ мѣшковъ же высыпалъ деньги;
 Призвалъ людей, и заставилъ считать. Вотъ больной и проснулся!

150. «Если не будешь самъ деньги беречь, врачъ сказалъ: то наслѣдникъ
 Все унесетъ!»—Какъ! при жизни моей! —«Да! при жизни! Не спи же,
 Ежели хочешь пожить!»—Такъ что же мнѣ дѣлать?—«А вотъ что:
 Твой желудокъ совсѣмъ опустѣлъ; а въ жилахъ и крови
 Скоро не будетъ. Надобно ихъ подкрѣпить поскорѣе!

155. На-вотъ каши изъ рису; поѣшь!»—А дорого-ль стоитъ?
 —«Малость!»—Однакоже сколько?—«Восемь лишь ассовъ!»—Бѣда мнѣ!
 Не умру отъ болѣзни—умру раззоренъ и ограбленъ!

ДАМАЗИППЪ.

Кто же въ здоровомъ разсудкѣ?

СТЕРТИНЪ.

Кто не безуменъ!

ДАМАЗИППЪ.

А скряга?

СТЕРТИНЪ.

Онъ и глупецъ, и безумный! ⁵⁵

ДАМАЗИППЪ.

Слѣдственно тотъ безсомнѣнно

160. Въ здоровомъ умѣ, кто не скряга?

СТЕРТИНЪ.

Ничуть!

ДАМАЗИППЪ.

Отъ чего же?

Слушай! Представь, что врач Кратеръ⁵⁴ сказалъ о больномъ: «онъ желудкомъ
Вовсе здоровъ!» — Такъ, стало быть — можетъ и встать онъ съ постели? —
— «Нѣтъ! потому что страдаетъ отъ боли въ боку, или въ почкахъ.»

Этотъ, положимъ, не клятвопреступникъ, не скряга: пусть ларамъ
165. Въ жертву за это свинью принесетъ! ⁵⁵ — Но онъ честолюбецъ:
Пусть въ Антициру плыветъ! ⁵⁶ — Не та ли же глупость — имѣнье
Бросить въ пучину, или не смѣть до него дотронуться!

Сервій Оппидій богачъ родовая въ Канузій земли

Двумъ раздѣлилъ сыновьямъ. Но предъ смертью, призвавъ ихъ, сказалъ имъ

170. «Я замѣтилъ, что въ дѣтствѣ ты, Авлъ, и орѣхи, и кости,
Въ пазухѣ просто носилъ, и проигрывалъ ихъ, и дарилъ ихъ;
Ты же, Тиберій, напротивъ, заботливо пряталъ ихъ въ уголь
И пересчитывалъ; съ этой поры я всегда сокрушался,
Что въ двѣ разныя глупости въ зрѣлыхъ лѣтахъ вы впадете,

175. Что одинъ Номентаномъ, другой же Цикутою будешь! ⁵⁷

Потому заклинаю пенатами васъ: берегитесь —

Ты — уменьшать, а ты — прибавлять къ тому, что отецъ вашъ
Почтяетъ довольнымъ для нуждъ, сообразныхъ съ природой!
Кромѣ того я хочу, чтобъ вы съ клятвою мнѣ обѣщали

180. Славы, честей щекотанья — беречься; и если который

Будетъ эдилемъ, или преторомъ: ⁵⁸ тотъ — самъ себя да объявить
Проклятымъ мной, неспособнымъ владѣть завѣщаннымъ мною!» ⁵⁹

Какъ! чтобы чваниться въ циркѣ, чтобъ ликомъ своимъ величаться,

Вылитымъ въ бронзѣ, ⁴⁰ — ты на горохѣ, бобахъ и лупинахъ

185. Все имѣнье отца проживешь? ⁴¹ — не Агриппѣ-ль захочешь

Льву благородному, хитрый лисенокъ, быть подражатель? — ⁴²

- Что ты, Атридъ, запрещаешь предать погребеню Аякса ? ⁴⁵
- «Помни: я царь!»—Я плебей! замолчу и вопросъ оставляю!
- «Что повелѣлъ я, то справедливо! Однакожь, кто мыслить,
190. Будто я въ этомъ неправъ, говори предо мной безопасно!»
- О! да даруютъ же боги, властитель! тебѣ съ кораблями,
Трою разрушивъ, обратно приплыть. ⁴⁴ — И такъ, миѣ вопросы
И возраженья... дозволены?—«Спрашивай! я позволяю!»
- Царь! За что же Аяксъ, сей герой, вторый по Ахиллѣ,
195. Столько разъ грековъ спасавшій, тлѣеть подъ небомъ открытымъ?
Или на радость Приама и Трои—лишень погребенья
Тотъ, кѣмъ ихъ юноши были могилъ лишены въ ихъ отчизнѣ? —
«Нѣтъ! а за то, что напавъ на овецъ, восклицалъ онъ, что рѣжетъ
Менелая, Улисса, меня!»—А когда ты въ Авлидѣ
200. Дочь, какъ телицу, на жертву привелъ къ олтарю, и осыпалъ
Солью съ мукдю ей голову, былъ ли ты въ здоровомъ разсудкѣ? —
«Почему?»—Но безумный Аяксъ перерѣзалъ лишь стадо;
А супругу и сына онъ пощадилъ!—Онъ проклятемъ
Зла не сдѣлалъ тебѣ; не напалъ на Улисса и Тевкра! —
205. «Я—чтобы вѣтеръ попутный судамъ, отъ враждебнаго берега,
Боги послали—хотѣлъ примирить ихъ той жертвенной кровью!»
—Чѣю?... своею, безумный!—«Своею; но совѣмъ не безумный!»
—Всеякій безумень, кто, удаляясь отъ истины, ложно
Видитъ предметы, и зла отъ добра отличить не умѣетъ,
210. Гнѣвъ ли причиной тому, иль обманчивыхъ чувствъ возмущенье!
Пусть былъ безумень Аяксъ, поражающій агнцевъ невинныхъ;
Но не безумень ли былъ ты и самъ, когда преступленье
Мыслилъ свершить, честолюбемъ надменный и гордостью сердца!
- Еслибъ кто вздумалъ носить на покойныхъ посллкахъ овечку,

215. Шить ей, какъ дочери, платья, и дать ожерелья, служанокъ;
 Куколкой, дѣвочкой ласково звать и готовить въ замужство:
 Втрю бы преторъ ему запретилъ управленье имѣньемъ,
 Върнобъ его и имѣніе отдалъ роднымъ подѣ опеку!
 Какъ! неужели въ умѣ—тотъ, кто вмѣсто безгласной овечки
220. Въ жертву приносить родимую дочь?—Что ты скажешь на это?
 Гдѣ безразсудность, тамъ и безуміе; кто же преступникъ,
 Тотъ и безумецъ!—Кто хрупкимъ стекломъ обольщается славы,
 Вѣрь мнѣ, что тотъ оглушенъ и громами кровавой Беллоны!⁴⁵

Но рассмотримъ теперь расточительность и Номентана!⁴⁶

225. Здравый разсудокъ тебѣ—легко ихъ безумство докажетъ.
 Этотъ—какъ скоро талантовъ до тысячи схватить въ наслѣдство,
 Тотчасъ объявить всемъ рыболовамъ и всемъ продающимъ
 Овощи, птицъ и душистыя мази, всей сволочи этой,⁴⁷
 Всемъ шутамъ, мясникамъ, чтобъ на завтра же утромъ явились!
230. Все прибѣгутъ!—Вотъ рабами торгующій рѣчь начинаетъ:⁴⁸
 «Все, что ни есть у меня и у ихъ, все твое!—Прикажи лишь,
 Завтра, или нынчеже, все непременно доставлено будетъ!»
 Слушай же какъ благородно юный богачъ отвѣчаетъ:
 «Ты, говоритъ онъ, проводишь все ночи въ снѣгахъ луканійскихъ
235. Съ тѣмъ, чтобъ доставить на столъ мнѣ, тобою добытаго венря;
 Ты, не взирая на бурное море, ловишь мнѣ рыбу!
 Я—не тружусь, а пользуюсь всемъ недостойный!—Возмиже
 Десять тысячъ сестерцій себѣ; и столько же ты!—А тебѣ я
 Втрое даю, за жену: хоть въ полднѣ позову, прибѣгаетъ!»
240. Сынъ Эзопа—жемчужшу, бывшую въ ухѣ Мегеллы,⁴⁹

Въ укусу крѣпкомъ велѣлъ распустить, чтобы разомъ—сестерцій
Проглотить миллионъ: не умнѣе, чѣмъ въ воду закинуть!

Квинта же Аррія дѣти, двое извѣстные братья, ⁵⁰

Два близнеца по распутству, имѣли привычку—въ обѣдѣ

245. Каждый день блюдо имѣть изъ однихъ соловьевъ! ⁵¹ — Неужели

Не сумасбродство и то?—Чѣмъ отмѣтить ихъ: мѣломъ или углемъ? ⁵²

Если старикъ забавляется дѣтской игрой въ четъ и нечетъ, ⁵³

Или на палочкѣ ѣздетъ верхомъ, или домики строить,

Или мышей запрягаетъ въ колязочку: онъ сумасшедшій!

250. Ну, а если разсудокъ докажетъ тебѣ, что влюбленный

Больше ребенокъ, чѣмъ онъ?—Что валяться въ пескѣ, какъ мальчишка,

Что въ ногахъ у красавицы выть: не одно ли и тоже?...

Можешь ли ты напримѣръ поступить Палемону подобно? ⁵⁴

Бросишь ли признаки страсти, эти запястья, подвязки, ⁵⁵

255. Эти вѣнки, какъ бросилъ ихъ онъ, виномъ упоенный,

Только услышалъ случайно философа слово, который

Въ школѣ своей натошакъ проповѣдывалъ юношамъ мудрость!

Дай разсерженному мальчику яблоко: онъ незахочетъ!

«На, мой голубчикъ, возми!» ⁵⁶ — Не беретъ!—Не давай: онъ попроситъ!

260. Такъ и влюбленный!—Выгнанный вонъ, передъ дверью любезной ⁵⁷

Онъ разсуждаетъ: войти, или нѣтъ!—А тотчасъ вошелъ бы

Еслибъ она не звала!—«Сама, говоритъ, умоляетъ;

Лучше нейти, и разомъ конецъ положить веѣмъ мученьямъ!

Выгнала; что же и звать! Не пойду, хоть проси съ униженьемъ!»

265. Столь же разумный слуга между тѣмъ говоритъ господину:

«Что не подходитъ подъ правила мудрости, или разчета,

То въ равновѣсіе какъ привести?—Въ любви то и худо:

Въ ней—то война, то послѣдуетъ миръ!—Но кто захотѣлъ бы

Сдѣлать то постояннымъ, что переменнo, какъ вѣтеръ,

270. Или какъ случай: это все тоже, какъ еслибъ онъ вздумалъ

Жить, какъ безумный, и вмѣстѣ по точнымъ законамъ разсудка!»

Какъ!—когда ты, гадая, зернышки яблокъ бросаешь ⁵³

И такъ радъ, что попалъ въ потолокъ: неужель ты въ разсудкѣ?...

Какъ! когда ты, беззубый, лепечешь въ любви увѣренья,

275. То умнѣ ль ребенка, который домики строитъ?

Вспомнимъ и кровь и желѣзо, которыми тушатъ сей пламень;

Вспомнимъ Марія: онъ заколовши несчастную Геллу, ⁵⁹

Бросился самъ со скалы и погибъ: не безумецъ ли былъ онъ?

Если же это безуміе ты назовешь преступленьемъ;

280. Въ сущности будетъ все тоже; различіе только въ названьи!

Вольноотпущенникъ пѣкто, не ѣвши и вымывши руки, ⁶⁰

Добѣгу бѣгалъ по всѣмъ перекресткамъ, гдѣ только есть храмы,

Громко крича: «Избавьте, о боги, меня вы отъ смерти!

Только меня одного! Всемогушіе, это легко вамъ!»

285. Всѣмъ онъ здоровъ былъ, и слухомъ и зрѣньемъ; но за разсудокъ,

При продажѣ его, господинъ бы не могъ поручиться! ⁶¹

Эту всю сволочь Хризиппъ въ собратья Мененія числитъ! ⁶²

«О Юпитерь, отъ коего все: и болѣзнь и здоровье!»

Такъ молилася мать, у которой ребенокъ былъ боленъ:

290. «Если его ицѣлишь, обещаюсь, что завтра же утромъ,

Такъ какъ на утро свершаемъ мы постъ въ честь тебѣ, всемогущій, ⁶⁵

Въ Тибръ его окуну!»—Чтожь! еслибы лѣкаръ, пль случай

И избавилъ его отъ болѣзни: то глухая мать

Непремѣннобъ ему лихорадку опять возвратила!

295. Что тутъ причиною безумства?—Причиной одно: суетьере!

Такъ Стертиній — мой другъ, осьмой межъ семью мудрецами, ⁶⁴
 Далъ мнѣ оружіе, дабы отнынѣ никто не остался
 Безнаказанъ, задѣвши меня! — Кто мнѣ скажетъ: «безумецъ!»
 Тотчасъ ему я въ отвѣтъ: «Оглянись! не виситъ ли что сзади!» ⁶⁵

ГОРАЦІЙ.

300. Стоякъ! Да будешь ты, послѣ банкротства, дороже
 Новый товаръ продавать! ⁶⁶ — Но, какъ много родовъ есть безумства,
 То какоежъ мое? — А по мнѣ... я здоровъ головою! ⁶⁷

ДАМАЗИППЪ.

Но — неужели Агава, голову сына воткнувши,
 Въмѣсто звѣриной, на тирсѣ, почитала себя сумасшедшей? ⁶⁸

ГОРАЦІЙ.

305. Правдѣ пришлось уступить! — Сознаюсь откровенно: глупецъ я!
 Даже безумный подчасъ! — Но скажи мнѣ однакожъ: какую
 Я страдаю болѣзнию души?...

ДАМАЗИППЪ.

Вопервыхъ: ты строишь! ⁶⁹

То есть: ты подражаешь людямъ высокимъ; ⁷⁰ а самъ ты
 Ежели смѣрять твой ростъ, не выше двухъ пядей ⁷¹ — и самъ же
 310. Ты насмѣхаешься Турбѣ, ⁷² его и походкѣ и виду,
 Въ бранныхъ доспѣхахъ, которые вовсе ему не по росту!
 Меньшеля смѣшопъ ты, когда съ Меценатомъ равняться желаешь?
 Гдѣ же тебѣ, столь песходному съ нимъ, въ чемъ нибудь состязаться!
 Разъ лягушонка теленокъ ногой раздавилъ; ускользнувши

315. Въ сильномъ испугѣ, другой рассказывать матери началъ,
 Что товарища звѣрь растопталъ!—«А великъ ли?» спросила
 Мать, надуваясь: «будетъ такой?»—Нѣтъ! тотъ вдвое былъ больше!
 «А такой?» мать спросила, надувшись еще.—Нѣтъ! хоть лопни,
 Все не будешь съ него!—Не твое ли подобіе это?...

320. Къ этому должно прибавить еще—страсть твою къ стихотворству, ⁷⁵
 Страсть, съ которой ты масла еще на огонь подливаешь! ⁷⁴
 Если въ умѣ сочиняютъ стихи, то и ты не безумный! ⁷³
 Правъ твой горячій... о немъ ужь молчу... ⁷⁶

ГОРАЦІЙ.

Перестань!...

ДАМАЗИППЪ.

О пздержкахъ

Сверхъ состоянія....

ГОРАЦІЙ.

Вспомни себл, Дамазиппъ! ⁷⁷

ДАМАЗИППЪ.

Я ни слова

325. Про безумную къ дѣвочкамъ страсть и къ мальчишкамъ дружбу! ⁷⁸

ГОРАЦІЙ.

О! пощади же ты, бѣльшій безумецъ, меньшаго безумца!

ПРИМЪЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 3.

1) Ст. 2. Древніе для письма начерно употребляли навосченные таблички, съ которыхъ могли стирать написанное. Но набѣло переписывали на бумагу, которая называлась charta и дѣлалась изъ египетскаго растенія папируса; или на пергаментѣ, который дѣлался изъ шкуръ животныхъ и назывался у римлянъ membranas. Здѣсь, упрекая Горация, что онъ рѣдко беретъ въ руки пергаментъ, Дамазиппъ говоритъ тоже, что впоследствии, т. е. что Горацийъ безпрестанно переправляетъ свои сочиненія, и потому рѣдко переписываетъ ихъ набѣло.

2) Ст. 5. То есть: въ сабинскую деревеньку; что въ стихѣ 10 обозначено яснѣе. Сатурналии приходились въ половинѣ декабря: слѣдовательно это было не въ то время года, въ которое обыкновенно переезжаютъ въ деревню; почему Дамазиппъ и думаетъ, что Горацийъ не могъ имѣть другой причины удалиться изъ Рима, въ такую пору года и въ дни праздниковъ, какъ развѣ для того, чтобы писать и заниматься поэзіей.

При этихъ стихахъ слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь въ первый разъ упоминаетъ Горацийъ о своей сабинской землицѣ, между тѣмъ, какъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ говоритъ о ней нерѣдко. Изъ этаго довольно основательно можно заключить, что онъ не задолго до этаго времени получилъ ее отъ Мецената; можетъ быть въ самомъ этомъ году, по крайней мѣрѣ не прежде 720 года отъ основ. Рима.

3) Ст. 12. Всѣ сочиненія Горациевы доказываютъ его близкое знакомство съ греческими музами. Но это мѣсто особенно замѣчательно тѣмъ, что даетъ намъ понятіе о любимомъ его чтеніи, по крайней мѣрѣ въ этотъ періодъ его жизни: Платонъ, Менандръ, Эвполисъ, Архилохъ; вѣроятно къ нимъ можно прибавить Кратина и Аристофана.

Словомъ: *свита*, я хотѣлъ выразить латинское слово: *comites*, которое указываетъ на толпу кліентовъ, провожавшихъ знатныхъ римлянъ, когда они выходили изъ дому. Не зная въ подробности образа жизни римлянъ, нельзя и вообразить, съ одной стороны—ихъ пышности и чванства, съ другой—подлости добровольныхъ ихъ прислужниковъ. Эти провожатые, составлявшіе свиту богатыхъ и знатныхъ римскихъ гражданъ, даже раздѣлялись на степени. Одни имѣли право идти близко къ своему патрону, другіе только въ отдаленіи; одни по правую руку, другіе по лѣвую; и все это дѣлалось по большой части за *sportula*, за порцію съѣстнаго, за подачку! Это слово: *comites*, употребленное о Эвполисѣ и Архилохѣ, въ отношеніи къ Горацию, должно было казаться очень забавнымъ для современниковъ. Но въ переводѣ древняго много смѣшное требуетъ истолкованія, и потому оно для насъ исчезаетъ.

4) Ст. 18. Стопки, сдѣлавшіе изъ этаго званія профессію, промыслъ, казались въ это время уже смѣшными и были почти въ презрѣніи. Сколько послужили къ этому господствующіе нравы того времени, столько и самая наружность стонковъ, въ которой они болѣе и болѣе приближались къ циникамъ, «къ своей собачьей собратіи»—какъ выражается Виландъ. Они также не разчесывали волосъ, отрицивали длинную бороду, и отличались отъ людей хорошаго общества своею неопрятностію, грубымъ обращеніемъ и безстыдствомъ.

У многихъ, вѣроятно, эта неопрятность происходила отъ нищеты. Но какъ бы то ни было, а это выраженіе благодарности Горацию очень забавно! Послѣ важныхъ наставленій философа, поэтъ не находитъ лучшей награды за его добро, какъ пожелать ему брѣдобрья, который бы сдѣлалъ его похожимъ на другихъ людей! Это тѣмъ смѣшнѣе, что стопки очень дорожили своей бородою, какъ принадлежностію мудрости. Увидимъ ниже, что Дамасиппъ называетъ ее *sapientem barbam*, «мудрою бородою.»

5) Ст. 19. То есть: «съ тѣхъ поръ какъ обанкрутился.»—Метафора, взятая отъ кораблекрушенія.

«У средняго Януса.» Некоторые объясняютъ такъ, что на форумъ было три статуи Януса: двѣ по концамъ и одна по срединѣ; что у средней помѣщались банкиры и мѣнялы. Другіе же говорятъ, что «средній Янусъ» означаетъ здѣсь не статую, а покрытую аркаду; что двѣ такія аркады были на Тосканской улицѣ, которая была занята кунцами и банкирами. Объ этомъ упоминаютъ также Светоній и Публій Викторъ. Последний полагаетъ опредѣлительно, въ III-й части Рима и на форумъ: *Iani duo, celeberris mercatorum locus*; «два Януса, место значительныхъ торговцевъ.» А Титъ Ливій говоритъ, что на форумъ, (въ томъ же мѣстѣ, на которое указываетъ П. Викторъ, т. е. близъ Фабіевыхъ триумфальныхъ воротъ); были *три* Януса, или *аркады*; ибо у него находимъ въ концѣ 41-й книги гл. 27, что Фульвій Флаккъ велѣлъ окружить форумъ портниками и лавками, и сдѣлать три Януса, т. е. аркады. *Forum porticibus tabernisque claudendum, et Ianos tres faciendos locasse.* Цицеронъ во многихъ мѣстахъ упоминаетъ о среднемъ Янусѣ. Въ концѣ 2-й кн. «О должно-

стях» онъ говоритъ, что всѣ дѣла, касающіяся до платежа и отдачи въ долгъ, до помѣщенія своихъ денегъ и полученія съ нихъ дохода, производится гораздо лучше такого рода людьми, которые сидятъ у средняго Януса, чѣмъ философами.

Какъ-бы то ни было, но выраженіе: «попалъ у средняго Януса на мель»—значить, что Дамазиппъ имѣлъ денежныя, или торговыя дѣла у римскихъ банкировъ и кончилъ банкротствомъ.

6) Ст. 22. Этотъ Сизифъ, еще въ героическія времена, царствовалъ въ Коринѣ. О его хитрости рассказываютъ греки разныя исторіи, отъ чего и была пословица: «сизифская хитрость.»

Виландъ полагаетъ, что здѣсь говорится о такъ называемой *коринской мѣди*, о которой между римлянами было такъ много споровъ и различныхъ мнѣній: была ли она известна древнимъ, или произошла отъ соединенія различныхъ металловъ, расплавившихся въ пожаръ Коринѣа, разрушеннаго римлянами.

7) Ст. 26. Этотъ *Юніусъ Дамазиппъ* былъ сенаторъ и стоическій философъ. Прежде вступленія своего въ секту стоиковъ онъ занимался покупкою и продажою статуй и всякихъ древностей, отъ чего и разорился. Цицеронъ упоминаетъ о немъ въ своихъ письмахъ. Онъ поручалъ одному своему пріятелю купить для украшенія своей Арпинской виллы нѣсколько бюстовъ; но какъ пріятель заплатилъ за нихъ дорого, то Цицеронъ желалъ вновь продать ихъ. «Нельзяли, пишетъ онъ, найти какого нибудь Дамазиппа, который купилъ бы ихъ у меня за ту же цѣну?» Въ другомъ письмѣ рѣчь идетъ о садѣ, который онъ желаетъ сбыть съ рукъ тоже Дамазиппу.

Но какъ между этими письмами и разговоромъ Горачія съ Дамазиппомъ прошло лѣтъ двадцать, то очень понятно, что въ это время Дамазиппъ изъ любителя художествъ успѣлъ сдѣлаться торговцомъ и сводчикомъ, и такъ проторговаться, что ему ничего болѣе не оставалось, какъ или утопиться, или идти въ стоики.

8) Ст. 33. Слово *insanus*, которое я перевожу словомъ *безумный*, ставитъ переводчика въ большое затрудненіе. На латинскомъ оно употребляется въ противоположность слову *sanus*, которое значитъ и *здоровый*, и находящійся въ здоровомъ умѣ, *здравомыслящій*. Такъ какъ Стертиній, во все продолженіе сатиры, называетъ всѣхъ безумныхъ больными, то эта противоположность здороваго и здравомыслящаго—съ больнымъ и безумнымъ, заключающаяся въ однихъ и тѣхъ же словахъ *sanus* и *insanus*, необходима; но въ нашемъ языкѣ нѣтъ словъ, соответствующихъ обоимъ понятіямъ вмѣстѣ. (Это же примѣч. относится къ стихамъ 75 и 159).

9) Ст. 34. «Если намъ правду Стертиній твердилъ.» Словомъ: «твердилъ,» я перевелъ латинское *sperare*. Еще ближе было бы перевести простонароднымъ словомъ: *тростилъ*, или: *долбилъ*, что очень употребительно о многократномъ повтореніи одного и тогоже. Но я такого убѣжденія, что поэзія въ самой шуткѣ, и въ самой

простонародности, должна быть всегда благородна: такова она у Горация, даже въ предметахъ низкихъ и каррикатурныхъ.

Но болѣе всего я долженъ обратить здѣсь вниманіе на слово: *если*. *Si* на латинскомъ языкѣ значить иногда и утвержденіе: некоторые объяснители принимаютъ его здѣсь въ смыслѣ утверженія; но, кажется, они ошибаются.

10) Ст. 36. Древніе философы отращивали себѣ бороду, чтобы показать презрѣніе къ попеченіямъ о тѣлѣ и малую о немъ заботливость. Но что было сначала побочною принадлежностію мудрости и послѣдствіемъ оной, то сдѣлалось наконецъ главнѣйш. Борода, которая у основателей школъ философовъ была случайнымъ признакомъ мудрости, сдѣлалась у ихъ послѣдователей единственною ихъ мудростію. И потому однимъ изъ главнѣйшихъ ихъ правилъ было: *barbam rasere, питать бороду*, т. е. отпущать длинную бороду. Потому-то Дамаскиппъ и называетъ бороду *мудрою*, что она была у нихъ признакомъ мудрости. Къ этому относится изреченіе Луціана: «Если мудрость философовъ состоитъ въ бородѣ, то и козель такой же мудрецъ, какъ они.»

11) Ст. 37. Мостъ Фабриціевъ соединялъ Римъ съ островомъ, находящимся посреди Тибра; а съ другимъ берегомъ соединялся этотъ островъ мостомъ Цестія. Эти два моста существуютъ и донинѣ. Первый называется *il ponto di quarto capi*; а второй мостомъ св. Вароламея.

12) Ст. 38. Тѣ, которые обрекали себя смерти, напр. для спасенія отечества, покрывали голову, въ знакъ обѣта передъ богами ада, и въ знакъ того, что отрѣкаясь отъ жизни, они лишаютъ себя дневнаго свѣта.

13) Ст. 39. Вопервыхъ сторона поправую руку считалась у римлянъ счастливою, какъ у грековъ лѣвую; во вторыхъ римляне вѣрили, что добрые гении являлись по правую руку. Этимъ хочеть сказать Дамаскиппъ, что Стертній явился ему, какъ добрый гений.

14) Ст. 40. Здѣсь начинается уже разговоръ Стертнія съ Дамаскиппомъ. До самаго стиха 296-го Гораций въ сторонѣ; онъ только слушаетъ; а Дамаскиппъ, не дозрѣвая этаго, разыгрываетъ передъ нимъ настоящую комедію, въ которой одни лица смѣются другими. Не даромъ эта сатира почитается лучшею изъ всѣхъ сатиръ Горация.

15) Ст. 45. *Зенонъ*, основатель школы стоиковъ, собиралъ своихъ слушателей въ Афинскомъ портикѣ, украшенномъ живописью Полигнота. Портикъ погречески *стоа*; отъ чего послѣдователи Зенона и прозваны стоиками. *Хризиппъ* былъ ученикъ Зенона. Говорятъ, что онъ худо понималъ ученіе Зенона и довелъ его до грубыхъ понятій, которыхъ не было у его наставника, и до грубыхъ правилъ, которыхъ тотъ не требовалъ. Многіе, отличавшіеся грубымъ невѣжествомъ, признали его своимъ наставникомъ и составили ту школу, къ которой принадлежалъ и *Стертній*.

ний. Потому-то онъ и подтверждаетъ свои правила авторитетомъ Хризиппа, какъ величайшаго философа. А въ стихъ 47-мъ слова: «кромѣ лишь мудрыхъ» — разуметь Дамазиппъ о стоикахъ. Ихъ однихъ называетъ онъ мудрыми.

16) Ст. 54. «Съ хвостомъ и они!» — *Caudam trahat*. — Одинъ древній комментаторъ замѣчаетъ, что эта поговорка произошла отъ обычая ребячь привязывать тихонько хвостъ къ тому, надъ кѣмъ они хотѣли посмѣяться.

17) Ст. 62 — 64. Актеръ *Фузіи* представлялъ лице Пліоны, въ трагедіи Пакувія. Въ той сценѣ, въ которой тѣнь Поллidora является спящей Пліонѣ, и возвышая ей, что онъ убить Поллimestoneомъ, проситъ совершить погребеніе, пьяный *Фузіи* дѣйствительно заснулъ на сценѣ. Какъ ни кричалъ *Каміенъ*, представлявшій тѣнь Поллidora: *Mater, te arallo!* «Матерь, тебя я зову;» какъ ни кричали тоже самое зрители: и эти тысячи голосовъ не могли разбудить пьяной Пліоны.

Здѣсь у Горация: *Pionam edogmit*, т. е. вмѣсто «игралъ Пліону», — «спалъ Пліону» — Это также, какъ въ другой сатирѣ: *saltare Cyclopa*, «плясать Циклопа.» Чтобы сколько нибудь приблизиться къ подлиннику, я написалъ: «проспалъ Пліону.»

У Горация еще: «тысячи *Каміеновъ* кричали.» Оно забавно; но было бы въ переводѣ непонятно, и потому я написалъ: «нѣсколько тысячъ *голосовъ*.»

18) Ст. 71. «Это мѣсто очень трудно, говоритъ Дасе: я не видывалъ еще, чтобы кто нибудь совершенно объяснилъ его.» Вотъ какъ самъ онъ его объясняетъ, или, лучше сказать, полагаетъ, что должно разуметь его.

Древніе отдавали деньги взаймы двумя способами. Или отсчитывали ихъ у себя дома, и дома же заставляли писать обязательство, въ которомъ никогда не забывали словъ: *ex domo, ex arca*, т. е. что эти деньги вынуты изъ сундука, и тутъ же выданы; или, такъ какъ они обыкновенно хранили деньги свои у банкировъ, то у нихъ и отсчитывали сумму, и у нихъ же совершали заемное обязательство, которое дѣлалось такимъ образомъ. Заемщикъ писалъ въ книгѣ банкира: *я получилъ отъ такого-то банкира деньги такого-то*. Это называлось *scribere*. Когда должникъ хотѣлъ заплатить, онъ приходилъ къ банкиру, и отсчитавши ему деньги, вымарывалъ, или зачеркивалъ написанное имъ прежде: что называлось *rescribere*.

И такъ Горацийъ вводитъ здѣсь Дамазиппова заимодавца Периллія, или того, который продаетъ ему статупъ на кредитъ, и который для болѣе вѣрности диктуетъ ему обязательство у Периллія. «Пиши, говоритъ онъ ему, что ты получилъ отъ Нервія 10 тысячъ сестерцій.» Тутъ Стертинійъ вступаетъ въ рѣчь и говоритъ: «этого недовольно; возьми всѣ возможныя предосторожности, свяжи его крѣпче.» Таковъ смыслъ этого мѣста, которое темно по недостатку связи, препятствующему различить отдѣльныя рѣчи разныхъ лицъ, говорящихъ то въ третьемъ лицѣ, то во второмъ.

Этихъ лицъ трое: *Дамазиппъ*, который занимаетъ; *Перилліій*, который даетъ

взаимы; и *Нерій*, башкирь, въ книгѣ котораго прописывается обязательство, какъ будто деньги занимаются у него.

Цикута былъ старый нотаріусъ и ростовщикъ, который былъ мастеръ опутывать своихъ должниковъ.

Рышительно невозможно было перевести этого мѣста съ точностію. По этой причинѣ я рѣшился избѣгнуть, сколько можно, темной разговорной формы, и не измѣняя въ сущности рѣчей подлинника, представилъ ихъ въ видѣ одной рѣчи, въ родѣ отступленія, которыхъ у *Дамасиппа* много.

19) Ст. 72. *Протей*, сынъ Нептуна. Онъ принималъ различные образы, чтобы избѣжать тѣхъ, которые хотѣли узнать тайное.

20) Ст. 75. См. примѣч. 8 къ стиху 33.

21) Ст. 78. Стертншій требуетъ здѣсь отъ своихъ слушателей долгаго вниманія. Длинная одежда римлянъ мѣшала движеніямъ и путалась. Поэтому, въ народныхъ собраніяхъ, или въ сенатѣ, когда слушали оратора, подбирали тоги, чтобы онъ не мѣшалъ. Эта выходка Стертнша показываетъ въ немъ совершеннаго шарлатана.

22) Ст. 84. Объ *Антицирѣ*, см. въ моемъ переводѣ *Науки Поэзіи* Горация, ст. 301 примѣч. 55 и этой сатиры примѣч. 36

23.) Ст. 85. *Стаберій*—лице неизвѣстное.

24) Ст. 87. Этотъ *Аррій*, по мнѣнію Санадона, которое вѣроятнѣе всѣхъ другихъ предположеній, былъ одинъ изъ священниковъ, называвшихся *septemviri epulo-nes*, которые учреждали публичныя пиршества передъ статуями боговъ, дававшіяся въ важныхъ случаяхъ и называвшіяся *lectisternia*. Напрасно думаетъ *Виландъ*, что этотъ *Аррій* одинъ изъ расточителей, о которыхъ упоминается ниже.

25) Ст. 88. Именно та часть Африки, которую мы называемъ Варваріей, (Варварійскими владѣніями), и которая, вместе съ Сициліей и Египтомъ, снабжала Римъ хлѣбомъ.

26) Ст. 89. «Мнѣ насѣдникъ не дядя» т. е. «онъ мнѣ не указчикъ.» Римляне употребляли слово: *patruus*, *дядя*, чтобы означить *ворчуна*, брюзгливаго *указчика*: «потому, говоритъ Санадонъ, что дяди не такъ снисходительны къ племянникамъ, какъ отцы къ сыновьямъ.»

27) Ст. 101. *Аристиппъ*, философъ кіпршейской секты, первый изъ школы Сократовой, начавшій брать съ учениковъ своихъ деньги. Онъ признавалъ только двѣ страсти, какъ два величайшихъ двигателя всѣхъ другихъ: *удовольствіе* и *скорбь*. Стертншій даетъ здѣсь, безъ всякаго основанія, иной оборотъ, поступку *Аристиппа*, заслужившему одобреніе *Цицерона*. Думаютъ обыкновенно, что за *Аристиппомъ* шло

множество рабовъ, и рассказываютъ, что онъ всѣ свои деньги велѣлъ имъ *бросить* въ степи; но съ нимъ былъ только одинъ рабъ, которому онъ велѣлъ только оставить лишнюю тягость. Вотъ что пишетъ Диогенъ Лаерцій, следуя Біону: «Такъ какъ его рабъ, который несъ деньги во время путешествія, былъ слишкомъ отягощенъ, то онъ сказалъ ему: «брось лишнее, и носи только то, что можешь.» Цицеронъ же говоритъ именно о деньгахъ, которые Аристиппъ бросилъ въ море. Это доказываетъ только, что эту исторію рассказывали различно, и что трудно узнать, что въ ней справедливаго.

28) Ст. 114. Горькія травы, говоритъ Дасье, не значать здѣсь, какъ полагають нѣкоторые, полевою дикую зелень, въ противоположность садовой; а зелень, безъ приправы оливковаго масла.

29) Ст. 117. *Acetum*, какъ объясняютъ многіе, здѣсь не означаетъ укуса, а кислое вино; почему я и употребилъ слово: «кислятина.»

30) Ст. 129. Здѣсь другая сена. Стертиній обращается къ другому лицу, изъ тѣхъ, которыхъ онъ вызывалъ въ стихахъ 78 до 82: «всѣ ко мнѣ подходите! всѣ по порядку!» Вѣроятно онъ обращается здѣсь къ Сцеэвъ, о которомъ говорится у Горация, въ первой сатирѣ, 2 книги.

31) Ст. 141. Въ Римѣ была знаменитая фамилія *gens Opatia*. Но вѣроятно здѣсь имя *Опиміа* выдуманно самимъ поэтомъ, и можетъ быть для игры словъ, которой нельзя было сохранить въ переводѣ: *pauper Opatius*. — *Opatius* значитъ полатынъ *тучный, богатый*; а Гораций соединилъ это имя съ эпитетомъ *бѣдный*.

32) Ст. 142. Вейское вино, изъ Вейц, въ Тосканѣ, почиталось въ Римѣ самымъ плохимъ изъ всѣхъ винъ Италіи: *Глиняной кружкой* перевелъ я *campana trulla*, потому что въ Кампаніи дѣлали простую глиняную посуду. Объ ней упоминаеть Гораций въ шестой сатирѣ 1 книги.

33) Ст. 159. См. примѣч. 8 къ стиху 33.

34) Ст. 161. *Кратеръ* былъ знаменитый врачъ во время Августа. Цицеронъ говоритъ о немъ въ письмахъ къ Аттику.

35) Ст. 165. Ларамъ приносили въ жертву свинью. Это видно изъ 23 оды Горация, книги третьей.

36) Ст. 166. *Антицира*—островъ на Эгейскомъ морѣ. На немъ росла въ изобиліи чемерица, которую употребляли древніе, какъ врачебное средство противъ сумасшествія.

37) Ст. 175. *Номентанъ*, извѣстный расточитель, упоминаемый во многихъ сатирахъ Горация. О *Цикутѣ* см. въ концѣ примѣч. 18 къ ст. 70—77.

38) Ст. 181. Эдмилы были обязаны давать народу игры, что стоило немнѣшнихъ суммъ, которыя вели бы чиновниковъ къ раззоренію; но они пускались въ это по

разсчету: эдилство вело къ должностямъ высшимъ, въ которыхъ извѣстно какъ умѣли римляне вознаграждать себя.

39) Ст. 182. На латинскомъ: *instabilis*, слово, котораго нельзя перевести по-русски однимъ же словомъ. И потому я перевелъ мысль, а не самый терминъ. У римлянъ, кто не могъ дѣлать завѣщаніе, и быть свидѣтелемъ, тотъ не могъ и воспользоваться завѣщаніемъ. *Sacer*—проклятый и обреченный богамъ. Таковыхъ можно было убивать безнаказанно: само собою разумѣется, что они не могли ни завѣщивать, ни наследовать по завѣщанію.

40) Ст. 183. Здѣсь говоритъ Стертній собственно отъ своего лица, какъ дѣлающей замѣчаніе на последнюю волю Опидія.

41) Ст. 185. Тѣ, которые искали должностей, старались задобрить народъ своею щедростію, которая состояла въ раздачѣ гороху, бобовъ, зерноваго хлѣба, а иногда и денегъ. Римляне издерживали на это огромныя суммы и иногда отъ того разорялись. Лупины—овощъ, который былъ извѣстенъ только въ Италіи.

42) Ст. 186. *Агриппа* — извѣстный любимецъ Августа, который обращался съ нимъ, какъ съ другомъ и товарищемъ; мужъ великой души, прямой и честный.

Игры давались эдиламъ, (исключая нѣкоторые необыкновенные случаи), на собственный ихъ счетъ. После Эмілія Скавра, который, въ должности эдила, употребилъ на одно сооруженіе и украшеніе театра невѣроятно огромную сумму, соперничество эдильей и ожиданія народа дошли до такой степени безумія, что, по выраженію Тита Ливія, на траты, требуемыя званіемъ эдильей, едва достаточны были и царскія богатства. На это единственное средство угодить народу, пока существовала республика, честолюбцы разорялись въ званіи эдила, дабы потомъ получить должность проконсула, или другую, и вознаградить себя на счетъ провинцій. Но, по окончаніи последней гражданской войны, когда знатнѣйшія фамиліи или были истреблены, или разорились, а благосклонность народа потеряла свое значеніе, никто уже не хотѣлъ принимать на себя столь разорительной должности.

По этой-то причинѣ *Агриппа*, хотя былъ консуломъ еще въ 717 году Р. по совету Августа, пріянявъ на себя въ 720 г. званіе эдила, и съ вспоможеніемъ Августа исправляя ее съ такимъ блескомъ и великолѣпіемъ, что затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ.

43) Ст. 187. Здѣсь начинается новая сцена. Стертній вызываетъ къ отвѣту Атрида Агамемнона. Гораций переходитъ отъ одной сцены къ другой, безъ всякой связи; но эта связь заключается и здѣсь въ прежнихъ словахъ Стертнія:

«Все ко мнѣ подходите!

Все по порядку! Я докажу вамъ, что все вы безумцы!»

Теперь, после другихъ, является къ отвѣту самъ Агамемнонъ.

44) Ст. 192. Въ этихъ словахъ Горацийъ слѣдуетъ обыкновенію грековъ и всѣхъ восточныхъ народовъ начинать рѣчь желаніями и благословеніями.

45) Ст. 223. *Беллона*—богиня войны, и потому богиня ярости; а ярость производитъ безуміе, какъ и безуміе производитъ ярость. Ея жрецы, которыхъ называли *bellonarii*, бѣгали, какъ безумные, туда и сюда, и наносили себѣ ножами глубокія раны.

46) Ст. 224. Здѣсь опять новая сцена; но уже не разговорная. Стертнѣй говорить одинъ. Въ этой сатирѣ чрезвычайно трудно различить, отъ чьего лица идетъ рѣчь. Потому-то я и почелъ нужнымъ всегда означать это въ примѣчаніяхъ.

47) Ст. 228. Всѣ эти люди почитались въ Римѣ, какъ и въ Греціи, людьми безславными. Цицеронъ въ первой книгѣ *о Должностяхъ* говоритъ: *Minimeque artes hae probandae, quae ministrae sunt voluptatum; cetarii, lanii, coqui, fartores, piscatores, ut ait Terentius.* «Меньше всего достойны одобренія тѣ ремесла, которыя служатъ къ роскоши; какъ то: ремесло промышленяющихъ морской рыбой, мясниковъ, поваровъ, приспѣшниковъ, рыбаковъ, какъ говоритъ Теренцій.» Это мѣсто находится у Теренція въ *Евнухѣ*. У грековъ была о рыбакахъ пословица: «дочь за рыбака отдавай; а самъ не женись на рыбачьей дочери.»

Продавцы духовъ, мазей и другихъ снадобьевъ, тоже были въ презрѣнціи, потому что они продавали иногда снадобья вредныя, служащія или для услуги пороку, или для прикрытія его послѣдствій.

Шуты, или забавники, называвшіеся *scuagae*, были большіе пріятели всѣмъ этимъ людямъ, потому что они поручали иногда *скуррамъ* продажу своихъ товаровъ, которые сіи послѣдніе мастерски умѣли сбывать, пополамъ съ шутками.

Здѣсь, признаюсь, я пропустилъ: *Tusci vicus*; т. е. вмѣсто: «всей сволочи этой»—надобно было сказать: «всей сволочи *тосканскаго квартала*.» Во время Горация въ этомъ кварталѣ: *vicus Tuscus*, жили всѣ продавцы рабовъ, душистыхъ водъ и мазей, и проч. Горацийъ называетъ ихъ *impria turba*, «нечестивая сволочь», какъ людей безъ всякой чести и преданныхъ разврату.

48) Ст. 230. Какъ самое значительное лице между ними.

49) Ст. 240. Клавдій *Эзонъ* былъ сынъ знаменитаго трагическаго актера Эзона, который и самъ былъ расточителенъ; но сынъ превзошелъ въ этомъ отца. Онъ разпустилъ въ укусъ и проглотилъ жемчужину необыятной цѣны, подаренную ему Метеллой. Объ этомъ пишетъ Плиній старшій. Но кто была эта Метелла—неизвѣстно. Дасье думалъ, что она была сестра Цецилія Нумидика, бывшая за мужемъ за Лукулломъ. Но это только догадка. Бель доказалъ хронологически ея неосновательность.

Клеопатра, распустившая въ укусъ тоже жемчужину, цѣною въ шесть сотъ мил-

лионовъ сестерцій, только подражала въ этомъ Эзопу. «Не большая честь для царицы Египетской!» замѣчаетъ одинъ объяснитель Горация.

50) Ст. 243. Какъ Виландъ полагалъ, что одинъ изъ этихъ братьевъ — тотъ Аррій, о которомъ говорится въ стихъ 87, такъ другіе думаютъ, что это его дѣти. Ни на чемъ неоснованная догадка.

51) Ст. 245. Здѣсь должно замѣтить двѣ черты роскоши. Впервые кушанье изъ однихъ соловьевъ, которое они употребляли только потому, что соловьи, по своему пріятному пѣнію, продавались очень дорого; вторыхъ, что они ѣли ихъ за обѣдомъ, противъ обыкновенія римлянъ имѣть столь однажды въ день, вечеромъ, т. е. ужинать.

Во всей исторіи расточительности, замѣчаетъ Виландъ, не находится подобнаго примѣра. Одинъ соловей стоилъ въ Римѣ 6000 сестерцій; а цѣлое блюдо, (считая сестерцій въ четверть драхмы), стоило 600 тысячъ сестерцій. Такъ говоритъ Валерій Максимъ. Плиній же пишетъ, что цена соловья равнялась цѣнѣ обыкновеннаго раба; съ чѣмъ сходится и оцѣнка Валерія Максима.

52) Ст. 246. То есть: оправдать ли ихъ, или обвинить?

53) Ст. 247. «Въ четъ и вѣчетъ.» Известная игра, которою забавлялись только дѣти и которою никогда не занимались взрослые. Обыкновенно въ эту игру дѣти играли на орѣхи. Но Августъ писалъ къ дочери своей Юліи: *Misi tibi denarios ducentas quinquaginta, quos singulis convivis dederam, si vellent inter se, inter caenam, vel talis, vel impar ludere.* «Я послалъ къ тебѣ двѣсти пятьдесятъ денаріевъ. Столько же далъ я каждому изъ приглашенныхъ, чтобы они могли, если хотять, поиграть за ужиномъ въ четъ и вѣчетъ.»

54) Ст. 253—257. *Палемонъ* былъ молодой афинянинъ, преданный пьянству и распутству. Однажды, бѣгая по улицамъ съ пѣвицей и съ музыкантами, онъ вошелъ въ Академію, въ школу Платона, которой начальникомъ былъ въ то время Ксенократъ. Сей философъ, увидѣвъ этаго ветренника, тотчасъ началъ говорить своимъ ученикамъ о мудрости и воздержности, и говорилъ съ такою силою, что Палемонъ, пораженный его рѣчью, въ ту же минуту рѣшился отказаться отъ невоздержной жизни, изорвалъ венокъ, бывшій у него на головѣ, бросилъ все свои позорные наряды и пристрастился къ добродѣтели. Онъ наследовалъ наконецъ Ксенократу и былъ четвертымъ послѣ Платона: Платонъ, Песевзиппъ, Ксенократъ, Палемонъ. Эту исторію рассказываютъ со всеми обстоятельствами Луціанъ и Валерій Максимъ.

55) Ст. 254. Все эти наряды: *fasciolas, cubital, focalia*, перевести въ точности невозможно. Сами ученые и комментаторы несогласны въ ихъ значеніяхъ.

56) Ст. 259. *Polatium: Sume, satelle!* «Возми, щеночекъ!» У римлянъ это было ласковымъ словомъ; такъ называли дѣтей матери и кормилицы. Но по русски оно не имѣетъ значенія ласковаго названія, и потому я написалъ: «пѣ, голубчикъ, возми!»

57) Ст. 260. Въ Теренціевомъ «Евнухъ,» изъ котораго взято это мѣсто.

58) Ст. 272. Брали яблочное зернышко и пожимали его двумя пальцами, чтобы оно вспрыгнуло вверхъ. Если оно доставало до потолка, то это почиталось хорошимъ предзнаменованіемъ. Особенно были пригодны для этаго гаданія зернышки пицетскихъ яблокъ.

59) Ст. 277. И *Марій* и *Гелла*—лица неизвѣстныхъ. Хотя Дасье и говорить, что это происшествіе случилось незадолго до сочиненія этой сатиры; но на чемъ онъ основывается, тоже неизвѣстно. Гораздо вѣрнѣе простое замѣчаніе Санадона, что эта исторія вѣроятно была всѣмъ извѣстна въ то время, когда писалъ Гораций.

60) Ст. 281. Онъ былъ *не пьши*: следовательно нельзя принять его за пьялаго; онъ бѣгалъ *вымывши руки*: следовательно онъ дѣлалъ это въ полномъ разсудкѣ, приготовившись, какъ къ благочестивому обряду.

61) Ст. 286. Тѣ, которые продавали рабовъ, обязаны были объявлять о важнѣйшихъ ихъ недостаткахъ.

62) Ст. 287. Фамлія Мененіевъ была одна изъ древнѣйшихъ въ Римѣ. Имя это прославилось некогда знаменитымъ Мененіемъ Агриппою, который, въ первыя времена республики, одержалъ побѣду надъ Сабинянами и укротилъ народное возмущеніе, кончивъ рѣчь къ народу извѣстною притчею о возмущеніи противъ желудка прочихъ членовъ тѣла.

Но что значить выраженіе Горация: *facunda in gente Meneni*, что я перевелъ: «въ собраты Мененія»—это разрѣшить трудно. Видно только, что былъ одинъ Мененій, извѣстный въ Римѣ, какъ сумасшедшій. Но чтобы по этому выраженію можно было полагать, какъ думаетъ Санадонъ, чтобы сумасшествіе было въ фамліи Мененіевъ наследственнымъ: это ничѣмъ не доказано, и съ этимъ согласиться невозможно.

63) Ст. 291. Что у римлянъ были посты, т. е. дни воздержанія отъ пищи, это доказано изслѣдованіемъ г. Morin, помѣщенномъ въ трудахъ бывшей парижской академіи надписей. Виландъ полагаетъ, что здѣсь говорится объ одномъ изъ особенныхъ дней, посвященныхъ Юпитеру, какъ напримѣръ: десятый день передъ январскими календами.

64) Ст. 296. Здѣсь начинается опять разговоръ Дамазиппа съ Горациемъ.

65) Ст. 299. Очень забавенъ здѣсь оборотъ, который даетъ Гораций Дамазипповой мудрости. Весь результатъ Стертиніева ученія заключается для него въ томъ, что если кто назоветъ его дуракомъ, онъ научился отвѣчать: «и самъ такой же!»—Стоило труда идти въ философы, да еще и въ стоики! Касательно словъ: «оглянься, не виситъ ли что сзади;» обращаю читателя къ примѣч. 16 этой же сатиры.

66) Ст. 301. Прекоркая шутка надъ стоикомъ! Онъ отрекся отъ всего для мудрости; а Гораций совѣтуетъ ему идти опять въ торгоши, и желаетъ продать дороже ирежняго.

67) Ст. 302. Здесь опять слово *sanus*. (Прошу читателя обратиться къ примѣч. 8). Такъ какъ *sanus* значитъ и *здоровый* и *здравомыслящій*; а *Дамазиппъ* называется безуміе болѣзною: то здѣсь это слово употреблено въ обоихъ значеніяхъ, чего нельзя было сохранить поруски.

68) Ст. 304. Здѣсь я отступилъ отъ выраженія подлинника, которое было бы для насъ совершенно непонятно. Я рѣшился перевести это мѣсто такъ, чтобы въ самыхъ стихахъ заключалось нѣкоторымъ образомъ объясненіе.

Агава была дочь *Кадма*, супруга *Эввіона*, царя евскаго, и мать *Пентея*. Въ вакхической ярости, во время праздника вакхова, она растерзала на части своего сына, думая, что терзаетъ дикаго звѣря. Она не только не опаматовалась отъ своего безумія; но воткнула голову своего сына на тирсъ, принимая ее за львиную, и припесла къ своему отцу *Кадму*, чтобы онъ повѣсилъ ее надъ дверьми своего дома, по обычаю того времени. *Виландъ* говоритъ, что здѣсь приведенъ примѣръ изъ *Эврипидовой трагедіи: Вакханки*: которую *Акцій* перенесъ на римскую сцену.

69) Ст. 307. Вотъ одно мѣсто, въ которомъ говоритъ *Гораций* о своихъ постройкахъ, и изъ котораго можно заключить о его охотѣ строить. Въ другомъ мѣстѣ (кн. 1 эп. 1 ст. 100) онъ тоже обвиняетъ себя въ этой страсти:

Diruit, aedificat, mutat quadrata rotundis.

т. е.

Строить, ломаетъ, изъ круга квадратъ, и кругъ изъ квадрата!

70) Ст. 308. Здѣсь слово *высокій* я старался употребить въ двухъ значеніяхъ, какъ у *Горация* слово *longus*, т. е. въ значеніи высокаго званія и высокаго роста. Эти двусмысленности чрезвычайно трудно сохранить въ переводѣ.

71) Ст. 309. *Гораций* былъ малъ ростомъ и толстъ. Онъ самъ сохранилъ намъ свое изображеніе въ 20 эпистолѣ, кн. 1 ст. 24. Тамъ говоритъ онъ о своемъ ростѣ: *corpore exigui*, «ростомъ малъ.» А въ 4 эп. ст. 15 смѣется надъ своею толстотою:

*Me pinguem, et nitidum bene curata cute vises,
Cum ridere voles Epicure de grege porcum.*

т. е.

Хочешь ли ты посмѣяться свиньѣ *Эпикурова стада*,
Привѣжай посмотришь, какъ я толстъ, какъ гладка моя кожа!

Но вотъ свидѣтельствующій объ этомъ отрывокъ изъ шутиваго письма къ нему отъ *Августа*. *Pertulit ad me Dionysius libellum tuum: quem ego, ne accusem brevitatem, quantulus cumque est, boni consulo. Veveri autem mihi videris ne majores libelli tui sint quam ipse es. Sed si tibi statura deest, corpusculum non deest. Itaque licebit in sextariolo scribas, quam circuitus voluminis tui sit охжодесата sicut est ventriculi tui.* «*Діонисій* принеси мнѣ твою книгу. Какъ она ни мала, принимаю ее съ

удовольствіемъ. Мнѣ кажется, ты боишься, чтобы твои книги не были больше тебя самого. Но если у тебя недостаетъ роста, покрайней мѣрѣ нѣтъ недостатка въ дородствѣ. Тебѣ можно сѣсть въ небольшой сектарій, (мѣра жидкостей), да въ немъ и писать, потому что книга твоя ростомъ въ тебя, и вся въ толщину, какъ твоѣ брюшко.»

Древній сочинитель жизнеописанія Горация, которое приписываютъ Светонію, и въ которомъ находится вышеприведенный отрывокъ, говоритъ тоже: *habitu corporis brevis, atque abesus*. «Онъ былъ малъ и тученъ.»

72) Ст. 310. *Турба* былъ гладиаторъ малаго роста, но очень тучный. О немъ упоминаетъ Присціанъ.

73) Ст. 320. Стоики вообще осуждали поэзію; немудрено и то, что ее осуждаетъ глупый педантъ, каковъ Дамазиппъ. Всякой, кто недостоинъ и неспособенъ ее чувствовать, по сухости души, по тупости органовъ и по холодности сердца, натурально будетъ судить о ней, какъ Дамазиппъ. Но здѣсь забавно то, что въ началѣ разговора онъ упрекалъ Горация, что онъ мало пишетъ, а подъ конецъ обвиняетъ за то, что онъ пишетъ.

74) Ст. 321. У римлянъ была таже поговорка, какъ и у насъ: *oleum in ignem, in ignis oleo*.

75) Ст. 322. Къ этому мнѣнію о безуміи поэтовъ могли подать поводъ Демокритъ и Платонъ, которые называли восторгъ изступленіемъ, или неистовствомъ. Какъ понимать это, объяснено у меня въ примѣчаніяхъ къ моему переводу: «Науки поэзіи Горация.» См. тамъ примѣч. 54.

76) Ст. 323. Горацийъ былъ дѣйствительно горячъ и вспыльчивъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ послѣдней эпистолѣ 1-й книги: *igasci celer*; а стоики проповѣдывали терпѣніе.

77) Ст. 324. Здѣсь Горацийъ напоминаетъ Дамазиппу одно изъ главныхъ правилъ стоиковъ: не заботиться о чужихъ недостаткахъ, а обращать все вниманіе на самихъ себя.

78) Ст. 325. Къ этому упреку Горацийъ подаетъ поводъ нѣкоторыми своими одами. Древній его жизнеописатель, о которомъ упомянуто выше, возводитъ на Горация большія обвиненія. Но гениальный Лессингъ, (въ своей мастерски написанной статьѣ: *Rettingen des Horaz*) прекрасно и побѣдоносно опровергнулъ всѣ обвиненія, возводимыя на этого великаго поэта!

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ.

ИСКУСТВО ПИРШЕСТВЪ.

ГОРАЦІЙ.

Катій! Откуда? Куда?

КАТІЙ. ¹

Мнѣ не время теперь!—Занимаюсь
Новымъ ученіемъ, высшимъ всего, чему ни учили
Самъ Пифагоръ, и ученый Платонъ, и Сократъ обвиненный!

ГОРАЦІЙ.

- Виновать, что тебѣ помѣшалъ такъ не кстатѣ, и прервалъ
5. Нить размышленій твоихъ; извини же меня, мой добрыйшій!
Если и выдеть изъ памяти что у тебя, ты воротись;
Отъ природы-ль она, отъ искусства-ль, но чудная память! •

КАТІЙ.

Да! я о томъ и стараюсь, чтобъ все удержать въ ней подробно!
 Это претонкія вещи! И тонко предложены были!

ГОРАЦІЙ.

10. Кто же наставникъ твой былъ? Нашъ ли римлянинъ, иль чужеземецъ?

КАТІЙ.

Я науку тебѣ сообщу; но учителя скрою!

Слушай, и помни!... Яица, длинныя съ виду, вкуснѣе; ²

Сокъ ихъ питательнѣй, нежели круглыхъ: у нихъ и скорлупка
 Тверже; зародышъ въ нихъ мужеска пола. За званымъ обѣдомъ

15. Ихъ подавай!—Капуста, растущая въ полѣ, вкуснѣе,

Чѣмъ подгородная: эту излишней поливкою портать! ³

—Если къ тебѣ неожиданно гость вдругъ явится на ужинъ,
 То, чтобы курица мягче была и нѣжнѣе, живую

Надо ее окунуть въ молодое фалернское прежде! ⁴

20. —Лучшій грибокъ—луговой; а другимъ довѣрять—ненадежно! ⁵

—Много здоровью способствуетъ, если имѣешь привычку

Шелковичныя ягоды ѣсть въ окончаніи обѣда; однакожь

Снятыя съ вѣтвей, покуда—солнце еще невысѣло! ⁶

—Съ крѣпкимъ фалернскимъ, предъ пищею, смѣшивалъ медь Ауфидій. ⁷

25. Нѣтъ! приличнѣй полегче питье для пустаго желудка!

Жиденькой медь, напримѣръ, несравненно полезнѣе будетъ!

—Если животъ отягченъ, то мелкихъ раковинъ мясо,

Или щавель полевой, облегчатъ и свободно и скоро,

Только бы бѣлое косекое было притомъ не забыто! ⁸

30. — Черепоконныя полны, когда луна прибываетъ. ⁹

Но не все же моря изобилуютъ лучшимъ ихъ родомъ!

Такъ и улитки лукринскія лучше, чѣмъ въ Байскомъ заливѣ

Даже сама червеница; ¹⁰ црцейскія—устрицы въ славѣ;

Ежъ водяной—изъ Мизены; а гребень мореккой—изъ Тарента!

35. Но искусствомъ шировъ—не всякой гордися, покуда

Въ точности самъ не изучитъ все тонкія правила вкуса!

Мало того, чтобъ скупить дорогою цѣною всю рыбу,

Если не знаешь, къ которой подливка идетъ, а которой

Жареной быть, чтобъ наѣвшійся гость—приподнялся на локоть! ¹¹

40. Кто не охотникъ до легкаго мяса, поставь погрузище

Блюдо съ умбрійскимъ кабаномъ, питавшимся желудемъ дуба;

Но лаврентійскій негоденъ: онъ ѣсть камыши и поросты! ¹²

Гдѣ виноградики растеть, тамъ дикіе козы невкусны.

Плечи чреватой зайчихи—знатокъ особенно любить! ¹³

45. Рыбы и птицы, по вкусу, и возрастъ узнать, и откуда,

Прежде никто не умѣлъ: я первый открытіе сдѣлалъ!

Многіе новый пирогъ изобрѣсть почитаютъ за важность!

Нѣтъ! недовольно *въ одномъ* показать и искусство, и знанье:

Такъ иной о хорошемъ винѣ предлагаетъ заботу;

50. Не заботяся о рыбѣ, какимъ поливается масломъ!

Если масикское выставить на-ночь подъ чистое небо,

Воздухъ прохладный очиститъ его и послѣднюю мутность,

Вовсе отнявши и запахъ, для нервъ неприятыи и вредныи;

Если жь цѣдить сквозь холстину его, то весь вкусъ потерять!

55. Кто суррентинскимъ виномъ паливаетъ фалерскія дрожди, ¹⁴

Стоитъ въ него лишь яйцо голубиное выпустить: вскорѣ

Всю постороннюю мутность оттянетъ на дно непременно!

- Позывъ къ питью чтобы вновь возбудить въ утомившемся гостѣ,
Жареныхъ раковъ подай, предложи африканскихъ улитокъ;
60. Ибо въ желудкѣ, послѣ вина, латукъ бесполезно
Плаваешь сверху: тутъ лучше еще ветчина съ колбасами,
Все, что съ душкомъ, или что отзывается прямо харчевней! ¹⁵

Нужно однако знать въ точности свойство двухъ разныхъ подливокъ.

- Есть простая: она состоитъ изъ чистаго масла
65. Съ чистымъ виномъ и разсоломъ изъ капера-рыбы,
Только, чтобъ онъ, разумѣется, былъ не иной, византійскій!
Если же въ ней поварить, искрошивши, душистыя травы,
Настоять на корикскомъ шафранѣ, ¹⁶ а послѣ подбавить
Венафранскаго масла: то вотъ и другая готова!
70. Тибуртинскія яблоки много въ пріятности вкуса
Уступаютъ пиценскимъ, хоть съ виду и кажутся лучше!
Венукульской изюмъ бережется въ горшечкахъ; ¹⁷ но альбской
Лучше въ дыму засушенный!—Я первый придумалъ
Яблоки съ нимъ подавать, и анчоусы въ чистенькихъ блюдцахъ
75. Ставить кругомъ, подъ бѣлымъ перцомъ и сѣрою солью! ¹⁸

Но большая ошибка—три тысячи бросивъ сестерцій,
Втискать въ тѣсное блюдо, къ простору привыкшую, рыбу!

Неопрятность родить отвращенье къ ѣдѣ; непріятно,

- Если слѣдъ масляныхъ пальцевъ слуги на бокалѣ замѣтенъ,
80. Или насохло на днѣ и замѣтно, что чаша не мыта!
Дорого-ль стоить—метелка, салфетка, или опилки? ¹⁹
Просто бездѣлка!—А нерадѣнье—безчестье большое!
Поль разноцвѣтный изъ камней; а грязною пальмой запачканъ! ²⁰
Лбжа подъ пурпуромъ тирскимъ: глядишь, а подушки—нечисты!

85. Ты не забудь: чѣмъ меньше что стоитъ труда и издержекъ,
Тѣмъ справедливѣй осудятъ тебя; не такъ, какъ въ предметахъ
Только приличныхъ однимъ богачамъ и имъ лишь доступныхъ!

ГОРАЦІЙ.

Катій ученый! прошу, заклиная богами и дружбой!

Гдѣ бы наставникъ твой ни-былъ, дай самогò мнѣ послушать!

90. Ибо, какъ память твоя ни вѣрна, согласиися однако,

Все вѣдь ты передалъ мнѣ—ученье чужое!—Прибавь же

Видъ, выраженье лица: о блаженный! ты видѣлъ все это!

Ты объ этомъ не думаешь!—Я же, напротивъ, пылаю

Сильнымъ желаньемъ увидѣть безвѣстный науки источникъ,

95. Самъ почерпнуть изъ него ученье блаженныхъ жизни!

7 Февр. 1853.

ПРИМЪЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 4.

1) Это Catus Insuber, о которомъ упоминается у Цицерона и Квинтилиана. Онъ написалъ многія сочиненія о философіи; какъ-то: четыре книги *о натурѣ вещей* и книгу *о высочайшемъ благѣ*. Темъ забавнѣе философъ, разсуждающій о кухнѣ. Недаромъ Цицеронъ писалъ къ *Кассію*, оставившему стонковъ для школы эпикуровой: Ubi igitur, inquires, philosophia?—Tua quidem in culina.—«Гдѣ же, скажешь ты, философія?—Твоя, конечно, въ кухнѣ.»

Въ предыдущей сатирѣ Гораций насмѣхался надъ стонками; въ этой онъ издѣвается надъ эпикурейцами, то есть: надъ *софистами* этой школы: ибо утверждаютъ, что Эпикуръ подъ словомъ наслажденіе разумѣлъ высшее довольство души, упражняющейся въ добродѣтели. Покрайней мѣрѣ послѣдователи Эпикура называли этихъ проповѣдниковъ обжорства *софистами*. Катій былъ между ними изъ первыхъ.

2) Ст. 13. Катій начинаетъ по порядку съ яицъ, потому что столъ римлянъ начинался явцами.

3) Ст. 16. Тоже говоритъ Плиній (кн. 19 гл. 8). Humor finisusque si defuere, major saporis gratis est. Si abundavere, laetior fertilitas. «Капуста бываетъ вкуснѣе, если подъ нее мало кладутъ навозу, и мало ее поливаютъ; но если больше, то она лучше растетъ.»

4) Ст. 19. Здѣсь употреблено Горациемъ слово *mersare*, которое значитъ только *окунуть*, но римляне, чтобы птица была мягче и нежнѣе, полагали нужнымъ не только окунуть ее въ вино, а живую *утопить*, *задушить* ее, *suffocare*.

При словѣ *фалерское*, надобно еще замѣтить, что у Горация употреблено слово *mustus*, что значитъ не только *новое* вино, но мутное, неперебродившееся. Римляне умѣли долго сохранять его въ этомъ видѣ.

5) Ст. 20. Вообще замѣчаютъ комментаторы, что это неверно; что и въ Италіи, какъ и вездѣ, лучшіе грибы лѣсные. И у насъ тоже.

6) Ст. 23. Здѣсь также замѣчаютъ неутрность правилъ Катія. Такъ какъ древніе ѣли одинъ столъ, вечерній, то тѣ, которые не могли голодать до вечера, ѣли утромъ хлѣбъ, или виноградъ, фиги и шелковичныя ягоды. Это называлось у римлянъ: *grandium, gustus, gustarium*. Галіенъ говоритъ о шелковичныхъ ягодахъ, что онѣ нѣсколько неполезны послѣ другаго кушавья; но что напротивъ онѣ скоро портятся въ желудкѣ.

7) Ст. 24. *Marcus Aufidius Lurco*. (Не тотъ *Aufidius Luscus*, о которомъ упоминается кн. 1 въ сат. 5). Онъ любилъ хорошей столъ, и извѣстенъ былъ тѣмъ, что откормилъ 688 павлиновъ и получилъ за нихъ большую сумму.

Чтобы повѣсть это мѣсто, нужно знать, что тѣ, которые ничего не ѣли въ продолженіе дня, начинали свой вечерній обѣдъ съ питья, которое называлось *mulsus*, или *promulsis*. Это было вино смѣшанное съ медомъ. Кто заботился о своемъ здоровьи, тотъ употреблялъ для этаго крѣпкіи вины, которыя, какъ говорятъ Плиній и Діоскоридъ, не дуютъ живота и лучше другихъ соединяются съ медомъ; но лакомки, каковъ Катій, находили это слишкомъ крѣпкимъ.

8) Ст. 29. Катонъ прибавляетъ къ этому капусту и свеклу. Островъ *Косъ*, одинъ изъ острововъ спорадическихъ, находится на Средиземномъ морѣ; винъ называется онъ *Lango*, или *Stranchio*. На немъ родились Апельсъ и Гипократъ.

9) Ст. 30. Это было общее мнѣніе древнихъ, что устрицы и раки полазе во время прибывающа луны, чѣмъ во время ея убыли; они думали даже, что кости въ это время полите мозгомъ. Опытъ доказалъ, что это заблужденіе и предразсудокъ.

10) Ст. 33. Устрицы изъ Лукринскаго озера почитались лучшими. Гораций упоминаетъ объ нихъ же, какъ о лучшихъ, кн. 5 въ одѣ 2. *Non me Lucina juvenit conchylia*. Извѣстно по исторіи, что Сервій Ората построилъ великолепныя палаты при этомъ озерѣ, для того только, чтобы ѣсть самыя свѣжія устрицы.

11) Ст. 39. Римляне этаго времени ѣли, лежа и опираясь на лѣвый локоть, что называли они: *accubare, assumbere, discumbere*. Когда начинали ѣсть, они приподнимались на локтъ; когда переставали, клали на него голову. Посему это выраженіе Горация: «приподняться на локоть», значитъ здѣсь: «захотѣть опять ѣсть.» Одни женщины у нихъ, изъ благопристойности, ѣли сидя. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ первые времена Рима, всѣ, и мужчины и женщины, ѣли сидя, такъ какъ и греки во времена Гомера.

12) Ст. 42. Прежде открытія, сдѣланнаго этимъ новымъ философомъ, говорятъ Дасье, предпочитали кабановъ, вскормленныхъ въ мѣстахъ болотистыхъ; ибо кабаны любятъ болота. Объ этомъ говоритъ Варронъ кн. 2 гл. 6.

13) Ст. 44. Здесь словом *знатокъ* я перевелъ *zariens*. Какъ же иначе въ этомъ случаѣ? Одинъ комментаторъ говоритъ, что здѣсь вмѣсто *agni*, «плеча», должно разумѣть *lumbi*, «спинну;» но другое мѣсто Горация опровергаетъ эту догадку. Сат. 8 этой же 2 кн. ст. 89. упоминается именно, что плеча зайца вкусье спинки.

14) Ст. 51—55. Что здѣсь сказано о массинскомъ винѣ, Плиній советуетъ это вообще о всѣхъ винахъ Кампаніи. Суррентинское обыкновенно вливали въ бочку изъ подъ фалернскаго, и нарочно оставляли въ ней прежнія дрожжи. Суррентинское вино имѣло вяжущій вкусъ: этимъ средствомъ его смягчали.

15) Ст. 62. Обѣдъ оканчивали всегда латукомъ, полагая, что онъ, по своему прохлаждающему свойству, прогоняетъ винные пары; но Катій, какъ обжора, требуетъ напротивъ яствъ, возбуждающихъ жажду.

16) Ст. 68. *Cozycus*—гора въ Цилиціи, странѣ малой Азіи, простирившейся отъ запада къ востоку, вдоль Средиземнаго моря, противъ острова Кипра. Нынѣ сія страна называется Караманію. На этой горѣ росло много шафрана, отъ котораго она получила и имя; ибо сирское слово *sogeam* значитъ тоже, что *crocus*, шафранъ.

17) Ст. 72. Откуда происходитъ это названіе, неизвѣстно. Дасе полагаетъ, что римляне называли этотъ виноградъ *veniscula*, или *veniscula*, или по красотѣ его, или потому что онъ былъ изъ лозъ чужеземныхъ.

18) Ст. 75. Это мѣсто понять трудно, тутъ встрѣчается слово *ales*, которое переводится *анчоусъ*; но другое *faex* значитъ *дрожжи*. Полагають, что это нѣкоторый родъ сои изъ анчоусовъ.

19) Ст. 81. Опилками посыпали полъ для того, чтобы они вбирали въ себя пролитое вино, или воду. По окончаніи обѣда ихъ тотчасъ выметали. Вотъ, въ доказательство, одно мѣсто изъ Сенеки, гдѣ онъ говоритъ о преторѣ Фламиніи, который по прозвѣбъ одной прелестницы велѣлъ во время пира отрубить голову одному преступнику: *Inter purgamenta et jactus caenantium, et sparsam in convivio scobem humanus sanguis evergitur*: «вместѣ со всѣмъ, что падаетъ со стола, и съ опилками, которыми покрытъ полъ, выметають и кровь человѣческую.»

20) Ст. 83. Вѣники для половъ дѣлались изъ пальмовыхъ вѣтвей, почему у Горация и названы они здѣсь *palma*.

САТИРА ПЯТАЯ.

ИСКАТЕЛИ НАСЛЕДСТВЪ.

УЛПССЪ.

Вотъ что еще попрошу я тебя мнѣ повѣдать, Тирезій! ¹
Какъ бы, какимъ бы мнѣ средствомъ, поправить растрату имѣнья?
Чтожь ты смѣешься?....

ТИРЕЗІЙ.

Лукавецъ! А развѣ тебѣ недовольно
Возвратиться въ Итаку свою, и отчизны пенатовъ
5. Вновь увидать?...

УЛПССЪ.

Никого ты еще не обманывалъ ложью!
Видишь, что нагъ я и нищъ возвращаюсь, какъ ты предсказалъ мнѣ!
Ни запаса въ моихъ кладовыхъ, ни скота!—Безъ богатства-жь
Добродѣтель и родъ—дешевле морскаго пороства!

ТИРЕЗІЙ.

- Прочь околичности! — Если ты бѣдности вправду боишься,
10. Слушай какъ можешь богатство нажить! — Напримѣръ: не пришлетъ ли Раннюю птичку тебѣ кто нибудь, или рѣдкость другую; Ты съ ней бѣги — къ старику, накопившему много имѣнья! Ранній плодъ сада, или домашнее, что есть получше, Пусть онъ, почетнѣйшій ларь, и отвѣдаетъ прежде, чѣмъ лары! ²
15. Будь онъ хоть клятвопреступникъ, будь низкаго рода, обрызганъ Кровію братней, изъ бѣглыхъ рабовъ; но если захочетъ Чтобъ ты шелъ въ провожатыхъ его — не смѣй отказаться! ⁵

УЛИССЪ.

Какъ! чтобы съ Дамой позорнымъ бокъ-о-бокъ я шелъ? ⁴ — Я подъ Троею Былъ не таковъ: тамъ я съ лучшими въ пѣрвенствѣ спорилъ!

ТИРЕЗІЙ.

20. Ну, такъ будь бѣденъ!

УЛИССЪ.

Все можетъ снести великое сердце!
И не то я сносилъ! — Но ты продолжай. — Гдѣ я могъ бы Золота кучу достать, гдѣ богатство? — Скажи, прорицатель!

ТИРЕЗІЙ.

- Что я сказалъ, то скажу и опять! — Лови завѣщанья!
Обирай стариковъ! — А если иной и сорвется
25. Съ уды, какъ хитрая рыбка, приманку скусливъ рыболова,

- Ты надежды впередъ не теряй, и снова готовься на промыслъ!
 Ежели спорное дѣло между двоихъ заведется,
 Важно ли, нѣтъ ли, кто изъ соперниковъ силею богатствомъ;
 Ты и въ ходатаи!—Нужды нѣтъ, если онъ нагло и дерзко
30. Честнаго тянетъ къ суду!—Будь отвѣтчикъ хоть лучшій изъ гражданъ,
 Но—есть сынъ у него, да жена—за него не вступайся!
 «Публіи почтенный!» скажи или «Квинтусъ!»—(за тѣмъ, что прозванья—
 Знатности признакъ—пріятны ушамъ!)⁵ — меня привязало
 Уваженіе къ тебѣ; а дѣла и правá мнѣ знакомы!
35. «Лучше пусть вырвутъ глаза мнѣ, чѣмъ допущу, чтобъ соперникъ
 Хоть скорлупкой орѣха обидѣлъ тебя!—Будь покоенъ!
 Ты не будешь въ потерѣ; не дамъ надъ тобой паругаться!»
 Послѣ—проси, чтобы шелъ онъ домой и берегъ бы здоровье!
 Самъ—хлопочи, *хоть бы рдѣющій пещъ раскальвала злобно*
40. *Статуи*—вовсе невпниныя; или, съ разпученнымъ брюхомъ,
 Фуріи *плеваля бы спльзомъ съдымъ на выскія Альпы!*⁶
 «Посмотри-ка!» тутъ скажетъ иной, толкнувши соеда:
 «Вотъ трудолюбець! вотъ другъ-то! вотъ прямо заботливъ!»
 Съ этимъ—огромныя рыбы сами собой повалятся
45. Въ сѣти твои; а изъ нихъ и въ садокъ!—Но ежели дряхлый
 Въ домъ богатомъ есть сынъ—чтобъ отвлечь подозрѣние
 Холостыхъ богачей—угождай и поползай, въ надеждѣ
 Быть хоть вторымъ въ завѣщаньѣ, на случай, ежели мальчикъ
 Рано отправится къ Орку!—Тутъ рѣдко случится дать промахъ!
50. Если кто проситъ тебя прочитатъ его завѣщанье,
 Ты откажись и таблички рукой оттолкни; по сторонкой
 Самъ потихоньку взгляни между тѣмъ: чтò на первой табличкѣ
 Въ пунктѣ второмъ;⁷ и одинъ ли назначенъ наследникомъ, или

Многіе вмѣстѣ: все это быстрѣй пробѣги ты глазами!

55. Иногда вѣдь дѣлецъ, излагавшій послѣднюю волю,
Такъ проведетъ, какъ ворону лѣса!—А послѣ Коранусъ
И начнетъ хохотать надъ ловцемъ завѣщаній, Назикой!

Улиссъ.

Въ изступленья пророческомъ ты, или шутишь въ загадкахъ?

Тирезій.

О Лаертидъ! что сказалъ я, то все неминуемо будетъ!

60. Даръ провѣщанья мнѣ данъ самимъ Аполлономъ великимъ!

Улиссъ.

Ежели можно, однако—скажи мнѣ: что это за басня?

Тирезій.

Нѣкогда юный герой, страхъ пареянъ, отъ Энеева рода, ⁸

Славой наполнить своею и землю и море!—Въ то время ⁹

Дочь за Корануса выдастъ въ замужество Назика, изъ страха

65. Чтобы Коранусъ богачъ съ него не потребовалъ долгу!

Вотъ же что сдѣлаетъ зять. Онъ тестю подастъ завѣщанье

Съ прозьбой—его прочитать!—Назика противиться будетъ;

Но возьметъ наконецъ и прочтетъ про-себя, и увидитъ,

Что ему завѣщаютъ одно: о покойникѣ плакать!

70. Вотъ еще мой совѣтъ: когда старикомъ управляютъ

Или хитрая женщина, или отпущенникъ; нужно

Быть за одно; ты хвали ихъ ему, чтобъ тебя расхвалили!

Помогаетъ и то! Но вѣрнѣй овладѣть головою,

То есть самимъ старикомъ!—Не пишетъ ли онъ сумасшедшій

75. Глупыхъ стиховъ?—Ты хвали!—Нешалунъ ли? не любитъ ли женщинъ..¹⁰

Но послушай, что въ Опахъ случилось.—Старушка лукаво

Завѣщала, чтобъ тѣло ея, умащенное масломъ,

Самъ наследникъ на голыхъ плечахъ отнесъ на кладбище!

Ускользнуть отъ него и по смерти хотѣла; за то, что

80. Слишкомъ къ живой приступалъ онъ!—Смотри же и ты: берегися,

Чтобъ не выпустить вовсе изъ рукъ неумѣстнымъ стараньемъ!

Кто своенравенъ, ворчливъ, тому говорливость досадна!

Впрочемъ, не все же молчать!—Стой, какъ Давъ, лицедѣй всѣмъ пзвѣстный,

Головой наклоняя и съ робкимъ, почтительнымъ видомъ!

85. Но на услуги будь скоръ: подуетъ ли вѣтеръ—напомни,

Чтобы голову, столь драгоценную всѣмъ, поберегъ онъ

И накрылъ чѣмъ нибудь; въ тѣспотѣ—предложи опереться,

И плечомъ подслужись; а болтливъ онъ—внимательно слушай!

Лестъ ли онъ любить—хвали, пока онъ не скажетъ: довольно!

90. Дуй ему въ уши своей похвалою, какъ мѣхъ раздувательный!

Еслижъ своею кончиной избавить тебя онъ отъ рабства,

И услышшишь ты вдругъ на яву: «завѣщаю Улисеу

Четверть наследства!»—воскликни тогда: «о любезный мой Дама!

И тебя уже нѣтъ!—Гдѣ такого найти человѣка?....»

95. Самъ зарыдай, и не худо, чтобъ слезы въ глазахъ показались:

Это полезно, чтобъ скрыть на лицѣ невольную радость!

Памятникъ сдѣлай богатый, и пышно устрой погребенье,

Такъ, чтобы долго дивились и долго хвалили сосѣди!

Еслиже твой сонаследникъ старикъ, и въ одышкѣ, и въ кашлѣ,

100. Ты предложи неудобно ли взять, или домъ, или другое
Лучшее въ части твоей, за какую назначить онъ цѣну;
Увѣрй, что готовъ уступить!... Но меня увлекаетъ
Грозною властью своей Прозерпина!.. Живи... и будь счастливъ!

16 Сеп. 1850.

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 2. САТИРА 5.

1) Ст. 1. При этой сатирѣ слѣдуетъ вспомнить Гомерову Одиссею. пѣсь 11 ст. 90—151. Тамъ Одиссей, вызвавшій тѣхъ прорицателя Тирезія, вопрошаетъ его о будущей судьбѣ своей. Эта сатира представляетъ тоже, но какъ бы въ пародіи на рассказъ Гомера: здѣсь Одиссей спрашиваетъ Тирезія, какимъ бы средствомъ разжиться послѣ разоренія. Она начинается продолженіемъ начатаго прежде разговора, но не того, который описанъ у Гомера; ибо здѣсь, въ стихѣ 7 говорится, что прежде предвѣщаніе Терезія уже исполнилось.

2) Ст. 14. Ларамъ, или домашнимъ богамъ, приносились обыкновенно первые плоды всего, что производилось на землѣ принадлежащаго къ домашнему хозяйству.

3) Ст. 17. Здѣсь, словомъ *провожатые* я перевелъ латинское слово *comites*, которое въ другой сатирѣ я выразилъ словомъ: *свита*. Для объясненія этого см. кн. 2 сат. 3 примѣч. 3 къ стиху 12.

4) Ст. 18. *Дача*— было, какъ замѣчено прежде, имя рабовъ; и потому, кажется, оно поставлено здѣсь какъ общее имя человека низкаго рода и низкихъ свойствъ. Впрочемъ можетъ быть Гораций имѣлъ въ виду и извѣстное лице этого имени. Хотя страхъ бѣдности и перевѣшиваетъ въ Одиссѣе все другое; однако все-таки было бы несообразно съ его характеромъ, еслибы онъ согласился, безъ всякаго противорѣчія, играть столь презрительную роль, какую ему предлагасть Тирезій.

5) Ст. 33. Рабы и люди изъ престога народа у римлянъ неизмѣнн *предъ-имени* (*praenomen*), или покрайней мѣрѣ никогда имъ неазывались. И потому, если какойнибудь искатель наслѣдства называетъ какогонибудь *Дачу*—Квинтомъ, или Публіемъ: то этимъ самымъ онъ какъ-бы причисляетъ его къ званымъ; ибо Публій и Квинтусъ были изъ числа тѣхъ именъ, которые принадлежали въ Римѣ людямъ свѣ-

боднаго происхожденія и знаменитаго рода. Впрочемъ во времена Императоровъ, имена самыхъ знаменитыхъ фамилій давались уже произвольно и нисколько не свидѣтельствовали о родѣ. Даже въ послѣднія времена республики, рабы, вмѣстѣ съ свободою, принимали имена своихъ господъ; а иностранецъ, получившій гражданство, обыкновенно украшалъ себя именемъ своего патрона. Есть даже мнѣнiе, что и имя *Флакка* не принялъ ли отецъ Горация по имени своего господина, которымъ онъ былъ отпущенъ на волю. Знаменитое имя Корнелiя сдѣлалось столь обыкновеннымъ, что его приняли вдругъ десять тысячъ рабовъ, отпущенныхъ на волю диктаторомъ Силою.

6) Ст. 41. *Рдлющій пестъ* — есть созвѣздіе пса, или *canicula*.

Оба эти фигурныя выраженія, которыя употребляетъ Тирезій вмѣсто простыхъ словъ *жара* и *холода*, и взяты Горациемъ изъ поэмы *Марка Фуриѳ Бибакула*, который въ то время былъ въ некоторой славъ. Квинтиліанъ упоминаетъ о немъ съ некоторымъ отличіемъ; но въ другомъ мѣстѣ, не называя его, приводитъ слѣдующій стихъ:

Jupiter hibernas sana nive conspuit Alpes.

Зимнымъ свѣгомъ съдымъ *плюетъ* Юпитеръ на Альпы.

Этотъ-то стихъ пародируетъ здѣсь Горацийъ, замѣнивъ имя Юпитера именемъ самаго стихотворца Фуриѳ. О немъ же см. кн. 1 сат. 10 ст. 37 примѣч. 18.

7) Ст. 53. Римляне писали завѣщанія на двухъ привязанныхъ одна къ другой навощенныхъ табличкахъ, которыя по этому назывались *diptychas*. У Горация *prima sega* называется первая табличка, на которой въ первомъ пунктѣ (*versu*) именовался завѣщатель, а во второмъ наследникъ.

8) Ст. 62. Это относится къ Августу.

9) Ст. 63. Для разсказа этаго современнаго случая поэтъ не могъ выбрать лучшаго и остроумнѣйшаго оборота, какъ заставить Тирезіѳ пророчествовать объ этомъ, какъ о будущемъ происшествіи. Похвала же Цезарю Августу, вложенная въ уста Тирезіѳ, какъ прорицаніе, приобретаетъ черезъ это особенную важность и грацію: ибо душа Тирезіѳ не имѣетъ никакой причины льстить молодому римлянину, который, болѣе нежели черезъ тысячу лѣтъ послѣ него долженъ былъ родиться. Кроме того прорицатель упоминаетъ здѣсь о Цезарѣ какъ будто только для того, чтобы опредѣлить время, когда это происшествіе *Корана* и *Назики* должно случиться. Онъ не упоминаетъ даже его имени; ибо это было бы противно характеру прорицанія.

10) Ст. 75. Здѣсь пропущено въ переводѣ девять стиховъ, по той же причинѣ, по какой и въ другихъ мѣстахъ сдѣланы пропуски.

САТИРА ШЕСТАЯ.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

- Вотъ въ чемъ желанія были мои: необширное поле,
Садикъ, отъ дома вблизи непрерывно текущій источникъ,
Къ этому лѣсъ небольшой!—И лучше и больше послали
Боги безмертные миѣ; не тревожу ихъ прозьбою болѣ,
5. Кромѣ того, чтобъ все эти дары миѣ они сохранили! ¹
Если достатокъ мой я не умножилъ постыдной корыстью,
Если его не умалилъ небрежностью, плъ безпорядкомъ,
Если я дерзкой мольбы не взношу къ небесамъ, какъ другіе:
«О! хоть бы этотъ еще уголокъ миѣ прибавить къ владѣнью!
10. «Хоть бы урну найти съ серебромъ, какъ наемникъ, который,
«Взыскавъ Алкидомъ, купилъ и себѣ обрабатывать началъ
«Поле, которое прежде — онъ же пахалъ на другога;» ²
Если доволенъ, признателенъ я; и за то, что имѣю:
То молю, о сынъ Маиц, я объ одномъ — угучный ты
15. Эти стада, и храни все мое покровительствомъ прежнимъ; ³

Только ума моего не прошу утучнять, покровитель!

Скрывшись из шумнаго города въ горы мои, какъ въ твердыню,
Чуждый заботъ честолюбы, отъ вѣтровъ осеннихъ укрытый,
Страшную жатву всегда приносящихъ тебѣ, Либицина, ⁴

20. Что мнѣ здѣсь дѣлать, когда не бесѣдовать съ пѣшею музой? ⁵

Раннего утра отецъ! или, (если пріятнѣй другое
Имя тебѣ), о богъ Янусъ, которымъ всея челоуѣки
Жизни труды начинаютъ, какъ боги имъ повелѣли! ⁶

Будь ты началомъ и этихъ стиховъ!—Живущаго въ Римѣ,

25. Рано тамъ ты меня изъ дому для дѣла вызываешь!

«Нужно, ты мнѣ говоришь, поручиться по другѣ; ты долженъ
Дѣломъ чести спѣшить; не ужѣли другому уступишь?»

Сѣверный вѣтеръ, зима, день короткой—нѣтъ пужды; иду я
Голосомъ яснымъ ручательство дать—себѣ въ разоренья!

30. Продираясь назадъ чрезъ толпу, я слышу: «куда ты?

Что, какъ безумный, толкаешься?—Идетъ Меценатъ?—Не къ нему ли?»
—Этотъ упрекъ, признаюся, мнѣ сладокъ, какъ медъ!—Но лишь только
До эсквильской дойдешь высоты, какъ вспомнишь, что сотня
Дѣлъ на плечахъ!—Тамъ Росціи проселъ побывать въ путеалѣ ⁷

35. Завтра поутру; а нынче есть общее новое дѣло;

Скрибы велѣли напомнить: «Квинтъ! не забудь; приходи же!» ⁸

Тутъ кто нибудь подойдетъ: «постарайся, чтобъ къ этой бумагѣ
Меценатъ твой печать приложилъ!»—На отвѣтъ: «постараюсь!»

Мнѣ возражаютъ: «тебѣ не откажетъ! захочешь, такъ можешь!»

40. Скоро вотъ будетъ осьмой уже годъ, ⁹ какъ я къ Меценату

Сталъ приближенъ, какъ въ числѣ оныхъ своихъ и меня почитаетъ!

Близость же эта вся въ томъ, что однажды съ собой въ колесницѣ

Бралъ онъ въ дорогу меня; а довѣренность въ самыхъ бездѣлкахъ!

Спросить: «который часъ дня?»—или: «кто изъ борцовъ превосходнѣй?»¹⁰

45. Или замѣтить, что холодно утро, и надо беречься;

Или другое, что можно довѣрить и всякому уху!

Но завистниковъ день ото дня наживаю я болѣ,

Съ часу на часъ!—Покажуся ли я съ Меценатомъ въ театрѣ,

Или на Марсовомъ полѣ—все въ голосъ: «любимецъ фортуны!»

50. Чуть разнесутся въ народѣ какіе тревожные слухи,

Всякой, кого я ни встрѣчу, ко мнѣ приступаетъ съ вопросомъ:

«Разскажи намъ; (тебѣ безсомнѣнія все ужь извѣстно!

Ты вѣдь близокъ къ богамъ!)—не слыхалъ ли чего ты о Дакахъ?»

—Я? ничего!—«Да полно шутить!»—Клянусь, что ни слова!

55. «Ну, а тѣ земли, которыя воинамъ дать обѣщали,

Гдѣ ихъ, въ Сициліи, или въ Италіи Цезарь назначилъ?»

Ежели я поклянусь, что не знаю, — дивятся, и всякой

Скрытнымъ меня челоуѣкомъ съ этой минуты считаетъ!

Такъ я теряю мой день, и нерѣдко потѣмъ восклицаю:

60. «О! когдажъ я увижу поля?—И дозволить ли жребіи

Миѣ, то въ писаніяхъ древнихъ, то въ сладкой дрѣмотѣ и въ лѣни,

Вновь насладиться забвеніемъ жизни пустой и тревожной!

О! когдажъ на столѣ у меня опять появѣтся

Бобъ, Пноагору родной, и съ приправою жирною зелень!»¹¹

65. О! пирь достойный боговъ, когда вечеряю съ друзьями

Я подъ кровомъ домашнимъ моимъ, и транезы остатки

Весело сносятъ рабы и потѣмъ межъ собою пируютъ!

Каждый гость кубокъ беретъ по себѣ, кто большой, кто поменьше;

Каждый, чуждаясь законовъ пустыхъ,¹² кто вдругъ вышиваетъ

70. Чашу до дна, кто пьетъ съ разетаповкою, мало по малу!

Нашъ разговора предметъ—не домá, и не зѣмли чужія;

Нашъ разговоръ не о томъ— хорошо ли и ловко ли пляшетъ
Лѣпосъ: но то, что нужнѣе, что вредно не знать человѣку!

Судимъ: богатство ли дѣлаетъ счастливымъ, или добродѣтель;

75. Выгоды, или наклонности, къ дружбѣ вѣрнѣе приводятъ;

Или: въ чемъ свойство добра, и въ чемъ высочайшее благо?

Цервій межъ тѣмъ, нашъ сосѣдъ, побасенку расскажетъ намъ кетати!

Если богатство Ареллія кто, напримѣръ, перевозоситъ,¹³

Не слыхавъ о заботахъ его; онъ такъ начинается:

80. «Мышь деревенская разъ городскую къ себѣ пригласила,

Въ бѣдную нору: онѣ старинными были друзьями!

Какъ ни умѣренна; но угощенья она не жалѣла!

Чѣмъ богата, тѣмъ рада; что было, ей все предложила:

Кучку сухаго гороху, овса; притащила въ зубахъ ей

85. Даже изюму, и сала обглоданный прежде кусочикъ,

Думая въ гостѣхъ хоть разностию яствъ побѣдить отвращенье!

Гостя же, съ гордостью, чуть прикасалась къ кушанью зубомъ,

Между тѣмъ, какъ хозяйка, все лучшее ей уступивши,

Лежа сама на соломѣ, лишь куколь съ мякиной жевала.

90. Вотъ наконецъ горожанка такъ рѣчь начала: «что за радость

«Жить, какъ живешь ты, подруга, въ лѣсу, на горѣ, одиноко!

«Если ты къ людямъ и въ городъ желаешь изъ дикаго лѣса,

«Можешь пуститься со мною туда!— Все, что жизнью дышетъ,

«Смерти подвластно на нашей землѣ; и великій и малый

95. «Смерти никто не уйдетъ: для того-то, моя дорогая,

«Если ты можешь, живи, наслаждаясь и пользуясь жизнью,

«Помня, что кратокъ нашъ вѣкъ!»¹⁴ — Деревенская мышь, убѣжденья

Дружбы послушавшись, прыгъ—и тотчасъ изъ норы побѣжала!

Обѣ направили къ городу путь, поспѣшая, чтобъ къ ночи

100. Въ стѣну пролѣзть. Ночь была въ половинѣ, когда двѣ подруги
 Прибыли къ пышнымъ палатамъ; вошли: тамъ пурпуръ блестящій
 Пышнымъ же ложамъ изъ кости слоновой служилъ драгоценнымъ
 Мягкимъ покровомъ; а тамъ въ дорогой и блестящей посудѣ
 Были остатки вчерашняго великолѣпнаго пира!
105. Вотъ горожанка свою деревенскую гостью учтиво
 Пригласила прилечь на пурпурное ложе, и быстро
 Побѣжала ее угощать, какъ прилично хозяйкѣ!
 Яства за яствами ей подаетъ, какъ привычный служитель,
 Не забывая отвѣдать притомъ отъ каждаго блюда.
110. Та же, разлегшись покойно, такъ рада судьбы перемѣнѣ,
 Такъ весела на пиру!—Но вдругъ хлопнули дверью—и съ ложа
 Бросились обѣ въ испугѣ бѣжать, и хозяйка и гостя!
 Бѣгаютъ въ страхѣ кругомъ по затворенной залѣ; но пуще
 Страхъ на полмертвыхъ паналъ, какъ слышали громкое въ залѣ
115. Лаянье псовъ!—«Жизнь такая ипчуть не по мнѣ!» тутъ сказала
 Деревенская мышь: «наслаждайся одна; а я снова
 «На-гору, въ лѣсъ мой уйду—преспокойно глотать чечевичу!»

ПРИМЪЧАНІЯ.

кн. 2. сат. 6.

1) Ст. 5. Начало этой сатиры перевелъ ямбами незабвенный въ летописяхъ добра и просвѣщенія, Михайла Никитичъ Муравьевъ. Вотъ переводъ его:

Хотѣлось мнѣ имѣть земли уголокъ,
И садикъ, и вблизи прозрачный ручеекъ,
Лѣсочекъ сверхъ того: и лучше мнѣ, и болье
Послали небсса. Мнѣ хорошо въ сей долѣ!
И больше ни очемъ не докучаю мнѣ,
Какъ только, чтобъ сей даръ оставили мнѣ!

2) Ст. 12. Геркулесъ почитался имѣющимъ власть надъ всеми сокровищами. Полагали, что онъ благопріятствовалъ находкамъ и нечаянной прибыли, какъ Меркурій прибыли отъ работы и промышленности.

3) Ст. 15. Гораций приписываетъ многіе счастливые случаи своей жизни покровительству Меркурія; какъ-то: онъ спасъ его въ сраженіи при Филиппахъ; онъ предохранилъ его отъ упавшаго дерева; онъ избавилъ его, въ бурю, отъ потопленія; онъ послалъ къ нему голубей, которые прикрыли его листьями, когда онъ заснулъ на горѣ, будучи еще младенцемъ.

4) Ст. 19. *Либитина*—одно изъ променованій Венеры, подъ которымъ почиталась она, какъ богиня погребеній, присутствующая при похоронахъ. Въ Римѣ былъ посвященный ей храмъ, въ которомъ находилась все нужное для погребеній. Для сего относились къ *либитинаріямъ*, учредителямъ похоронъ. Въ томъ же храмѣ держали списокъ всѣмъ умершимъ и съ каждаго получалась серебряная монета. Доходы богини, или, правильнѣе сказать, ея храмовъ, само собою разумется, умножались

во время бóльшей смертности. У грековъ была Венера *Эпитимвія*, тоже, что *Либитина* у римлянъ. Пные полагають, что Либитина была одно съ Прозерпиной.

5) Ст. 20. Горацийъ называетъ *пльшею музой*, *musa pedestris*, музу сатиры, въ противоположность съ летающею, парящею, крылатою музою; ибо, по его словамъ, сатира только мѣрною рѣчью отличается отъ прозы.

6) Ст. 23. *Янусъ* — божество неизвѣстное грекамъ, которое было въ особенной чести у римлянъ. Несовсѣмъ ясную его ееологию предлагаетъ Овидій въ самомъ началѣ первой книги *Fastovъ*. Изъ него узнаемъ мы между прочимъ, что Янусъ былъ высшій хранитель дверей, въ небѣ и на землѣ; и что всякой входъ и выходъ вратъ небесныхъ, изъ которыхъ исходитъ день, а равно и дверей земныхъ, состоялъ подъ его покровительствомъ. Онъ былъ богъ дня и года; и потому первый часть дня и первый день года были посвящены ему особенно. По этой же причинѣ онъ былъ началомъ всѣхъ трудовъ жизни, или трудовъ житейскихъ.

7) Ст. 34. *Puteas* — собственно значитъ колодезная крыша, поддерживаемая столбами, которая ставили на мѣстахъ, пораженныхъ громомъ. Такой колодезь былъ въ Римѣ близъ судилища претора, которое Горацийъ, по переносному народному названію, называетъ здѣсь *путеаломъ*.

«Росцій просилъ побывать въ *путеалѣ*» Этотъ стихъ относится къ тому, что обыкновенно старались явиться въ судъ съ нѣкоторыми *advocatis*, которые хотя не были дѣйствующими лицами при защитѣ процесса; но были избираемы изъ людей, имѣющихъ вліяніе, для того, чтобы ихъ присутствіемъ подкрѣпить свое дѣло, а въ случаѣ надобности и сослаться на ихъ свидѣтельство.

8) Ст. 36. Это мѣсто подтверждаетъ обстоятельство, упоминаемое древнимъ сочинителемъ жизнеописанія Горация; именно: что Горацийъ, послѣ несчастной битвы при *Филппахъ*, купилъ себѣ должность *scriba quaestorius*, т. е. писарь, или секретарь казначейства. «Общее дѣло,» для котораго зовуть его скрибы, вѣроятно отпослалось до цѣлаго сословія скрибовъ.

9) Ст. 40. Въ подлинникѣ: *Septimus annus jam fugerit propior octavo*. Слово въ слову: «седьмой годъ приближается уже къ осьмому.»

10) Ст. 44. Въ подлинникѣ находятся здѣсь имена гладиаторовъ, которые въ это время, видно, почитались въ Римѣ самыми знаменитыми. Я сократилъ это мѣсто, выпустивъ имена собственныхъ.

11) Ст. 64. «Бобъ, Пивагору родной» *Pythagore cognata*. Пивагоръ, основатель италійской школы, принимая переселеніе души, запрещалъ употреблять въ пищу животныхъ; изъ растений же запрещалъ бобы. Горацийъ, какъ видно, полагаетъ ту же причину, т. е. средство всего одушевленнаго съ душою человека; а потому сред-

ство и бобовъ, подвергшихся запрещенію Пнеагора на равнѣ со всѣмъ одушевленнымъ.

12) Ст. 69. Это относится къ старинному обыкновенію римлянъ, наблюдавшемуся во время пиршества: когда снимались со стола блюда и начинали пить вино, избирали *Magistrum convivii*, котораго законамъ пирующіе должны были слѣдовать безпрекословно.

13) Ст. 78. Кто этотъ *Ареллій* — неизвѣстно.

14) Ст. 91—97. Это философствованіе мыши насмѣшка надъ философіею эпикурейцевъ, хотя тоже ученіе проповѣдуетъ и самъ Гораций, въ нѣкоторыхъ своихъ одахъ, напр. къ Делію, къ Левкоповъ, къ Гроссу.

САТИРА СЕДЬМАЯ.

НАСТАВЛЕНІЯ ОТЪ РАБА.

ДАВЪ.

Слушаю я ужь давно!—И хотѣлось бы слово промолвить;
Но я, рабъ твой, немножко боюсь!....

ГОРАЦІЙ.

Кто тамъ?... Давъ?..

ДАВЪ.

Давъ, вѣрнѣйшій

Твой господскій слуга, усердный, довольно и честный,
Стоящій, право, жизнь сохранить! ¹

ГОРАЦІЙ.

Хорошо! Такъ и быть ужь,

5. Пользуйся волей декабрьской: такъ предки уставили наши! ²

Ну, говори!.....

ДАВЪ.

- Есть люди, которые, въ злѣ постоянны,
 Прямо къ порочной ихъ цѣли идуть; а другіе, колеблясь
 Между зломъ и добромъ, то стремятся за добрымъ, то злое
 Ихъ пересилить!—Вотъ Прискъ, напримѣръ: ⁵ то по три онъ перетня
 10. Носить бывало; то явится съ голою лѣвой рукою! ⁴
 То ежечасно мѣняетъ свой пурпуръ; то угнѣздится
 Онъ изъ роскошнаго дома въ такой, что право стыдился бѣ;
 Вольноотпущенникъ, если пригожъ, изъ него показаться!
 То щеголяетъ онъ въ Римѣ; то вздумаетъ лучше въ Афинахъ
 15. Жить, какъ философъ!—Не въ гнѣвъ ли всѣхъ онъ Вергумновъ родился! ⁵
 А Воланеусъ, когда у него отъ хирагры ослабли
 Пальцы, (оно и за дѣло!) нанялъ, кормилъ человѣка,
 Въ кости играя, трясти и бросать за него!—Постоянство
 Право и въ этомъ—все лучше: онъ меньше презрѣнъ и несчастливъ
 20. Нежели тотъ, кто веревку свою то натянетъ, то спуститъ!

ГОРАЦІЙ.

Скажешь ли, висѣльникъ, мнѣ: къ чему ты ведешь рѣчь такую?...

ДАВЪ.

Да къ тебѣ!

ГОРАЦІЙ.

Какъ ко мнѣ, негодяй?

ДАВЪ.

Не сердися!—Не ты ли

Нравы и счастье предковъ хвалилъ?—А если бы это

Счастіе боги тебѣ и послали — вѣдь ты бы не принялъ!

25. Все отъ того, что не чувствуешь въ сердцѣ, что хвалишь уѣтами;
 Что въ добрѣ ты не твердъ; что глубоко увязъ ты въ болотѣ,
 И что лѣнь, какъ ни хочется, вытащить ноги изъ тины!
 Въ Римѣ тебя восхищаетъ деревня; поѣдешь въ деревню —
 Римъ перевозносишь до звѣздъ! — Какъ нѣтъ приглашенья на ужинъ —
30. Хвалишь и зелень и овощи; счастьемъ считаешь, что дома
 Самъ ты себѣ господишь — какъ будто въ гостяхъ ты въ оковахъ!
 Если же на-вечеръ звать пришлетъ Меценатъ: «подавайте
 Масла душистыя! Эй! да слышитъ ли кто?» — Какъ безумный,
 Ты закричишь, зашумишь, бѣготню во всемъ домѣ поднимешь!
35. Мульвій и всѣ прихлебатели — прочь! — Какъ тебя проклинаятъ,
 Я не скажу ужъ тебѣ! — «Признаться, легонекъ желудокъ!»
 Разсуждаетъ иной: «хоть бы хлѣба понюхалъ!» — Конечно
 Я и лѣнивъ, и обжора! — Все такъ! — Да и самъ ты таковъ же,
 Если не хуже; только что рѣчью красивой умѣешь
40. Всѣ недостатки свои прикрывать! — Что, если и вправду
 Ты безумиѣй меня, за котораго ты же бездѣлку,
 Пять сотъ драхмъ заплатилъ! ⁶ — Да постой! не грозь, не сердися!
 Руку и желчь удержи; и слушай, пока раскажу я
 Все, чему надумилъ меня приворотникъ Криспина! ⁷
45. «Ты — говоришь — не развратецъ! ⁸ — А я — я не воръ! Ежедневно
 Мимо посуды твоей прохожу: серебро; а не трону!
 Но не страхъ ли насъ держать въ уздѣ! — Отними, и увидишь
 Какъ природа возметъ власть свою надъ обоими нами!
- Ты господишь мой; а рабъ и вещей, и рабъ чловѣковъ
50. Больше, чѣмъ я, потому что съ тебя и самъ преторъ ударомъ
 Четырекратнымъ жезла — добровольной неволи не сниметъ! ⁹

Къ этому вотъ что прибавь, что не меньше вниманія стоить:

Рабъ, подвластный рабу, за него неправяющей должностъ,

Равный ему, или нѣтъ?—Такъ и я предъ тобой! ¹⁰ — Ты мнѣ тоже

55. Приказанья даешь; самъ же служишь другимъ, какъ наемникъ,
Или, какъ кукла, которой другіе за проволочку движуть!

Кто же свободенъ?—Мудрецъ, который владѣетъ собою;

Тотъ лишь, кого не страшать—ни бѣдность, ни смерть, ни оковы;

Тотъ, кто, противясь страстямъ, и почестъ и власть презираетъ;

60. Кто совмѣщенъ самъ себѣ; кто какъ шаръ, и круглый и гладкій,
Внѣшнихъ не знаетъ препонъ; передъ кѣмъ—бесильна Фортуна!

Съ этимъ подобьемъ ты сходенъ ли?—Нѣтъ! Попросить красотка

Пять талантовъ съ тебя, да и двери съ насмѣшкой затворитъ,

И холодной водой окатитъ; а послѣ приманитъ!

65. Вырвись, попробуй, изъ этихъ оковъ на свободу!—Такъ что же
Ты говоришь: «я свободенъ!»—Какая же это свобода!

Нѣтъ! надъ тобой есть такой господинъ, что лишь чуть облѣнишься,

Колеть тебя остріемъ; а отстанешь, такъ онъ погоняетъ!

Смотришь картинки ты Павзіа, къ мѣсту какъ будто прикованъ! ¹¹

70. Что же, ты въ этомъ умиле-ль меня, какъ я загляжуся

На Рутубу и Фульвіа, ¹² просто написанныхъ углемъ

Съ красною краской; когда, на борьбу ихъ смотря, я люблюсь, ¹³

Или дивлюся Плацидіану, смотря, какъ колѣномъ

Онъ уперся!—Удивленіе!—Точно и вправду другъ другу,

75. То вдругъ ударъ нанесутъ, то отскочутъ!—Какъ будто живые!

Давъ засмотрѣлся на нихъ—ротозѣй опъ; а ты заглядишься —

Дѣло другое: ты тонкой оцѣнщикъ художества древнихъ!

Я на горячій наброшусь пирогъ — негодай!—Добродѣтель,

Разумъ высокій тебя отъ жирныхъ пировъ удаляютъ!

80. Мнѣ и вреднѣ оно: я всегда поплачуся спиною!
 Но и тебѣ не проходитъ вѣдь даромъ!—Твой пиръ безконечный
 Въ желчь превратится всегда и въ разстройство желудка; а ноги
 Всякой разъ отрекутся служить ослабѣвшему тѣлу!
 Рабъ твой, бездѣлку стянувъ, промѣняетъ на кисть винограда —
85. Онъ виноватъ; а кто зѣмли свои продаетъ въ угожденье
 Жадному брюху, тотъ рабъ или нѣтъ?—Да прибавь, что ты дома
 Часу не можешь пробыть самъ съ собой; а свободное время
 Тратишь всегда въ пустякахъ!—Ты себя убѣгаешь, и хочешь
 Скуку въ вишѣ потопить, или спомъ отъ заботъ позабыться,
90. Какъ невольникъ какой, или съ барщины рабъ убѣжавшій!
 Только напрасно! Они за тобой, и повсюду нагонять!

ГОРАЦІЙ.

Хоть бы камень какой мнѣ попался!

ДАВЪ.

На что?

ГОРАЦІЙ.

Хоть бы стрѣлы!

ДАВЪ.

Что это съ нимъ?—Помѣшался, или стихи сочиняетъ?...

ГОРАЦІЙ.

Воишь!—А если сей часъ не уйдешь, то отправлю въ Сабину

95. Я и тебя на работу къ другимъ!—Ты ужь будешь девятый! “

ПРИМЪЧАНІЯ.

КН. 2. САТИРА 7.

1) Ст. 4. Римляне имѣли надъ своими рабами право жизни и смерти. Изъ этихъ словъ Дава можно вывести такое заключеніе, что онъ честенъ ни больше, ни меньше, сколько нужно, чтобы не бояться смертной казни. Впрочемъ это мѣсто подало поводъ ко многимъ разногласіямъ. Нѣкоторые видятъ въ этихъ словахъ Дава намекъ на старинное народное суевѣріе, что добрые люди, не долговѣчны. Одинъ схолиастъ говоритъ: *Qui nimii sunt bonis, eos vitales non esse praedicimus.*

2) Ст. 5. Сатурналии праздновались въ декабрь; они начинались 17 числа этого мѣсяца и продолжались три дня. Известно, что въ эти дни возобновлялось то баснословное равенство, которымъ будто бы наслаждались челоуки въ золотомъ вѣкѣ, въ царствованіе Сатурна. На эти дни власть господъ прекращалась, и рабы пользовались вольностію въ рѣчахъ и поступкахъ. Слова Горация: «пользуйся волей декабрьской,» относятся къ этой свободѣ сатурналій.

3) Ст. 9. Полагають, что эготъ Прискъ былъ или сенаторъ, или всадникъ; ибо только они имѣли право носить кольца. Но здѣсь очевидно говорится не о тѣхъ кольцахъ, которыя служили знакомъ отличія, а о тѣхъ, которыя надѣвались для шегольства. Это требуетъ подробнаго объясненія.

Римляне сначала имѣли только три рода колець: первыя служили къ различенію состояній; вторыя были кольца обручальныя, или свадебныя; третьи служили вмѣсто печати и назывались *seogarthi*. Императоры, между прочими Неронъ, издавали по сему предмету многія узаконенія; но вскорѣ римляне перестали соблюдать ихъ. Сперва носили по одному кольцу; потомъ по одному на каждомъ пальцѣ (*Mart. L. 2 ep. 60*); потомъ даже по кольцу на каждомъ суставѣ пальца. Мало по малу роскошь этого рода дошла до такой степени, что были особыя кольца для каждой недѣли. Были также кольца зимнія и лѣтнія. Ювеналь, въ сат. 7 ст. 89 упоминаетъ еще о кольцахъ полугодныхъхъ. Лампрідій говоритъ (гл. 32), что никто не доходилъ въ этомъ до такой роскоши, какъ Геміюгabalъ, который никогда не надѣвалъ колець больше одного разу.

4) Ст. 10. Кольца носили на левой руке. Полагают, что это произошло первоначально от того, что носить их стыдился, и потому надевали на пальца левой руки, которую подь той не так видно.

5) Ст. 15. Впервыхъ, Вертумнъ, богъ садовъ, или плодовъ древесныхъ, почитался также богомъ всѣхъ переменъ, измѣненій, измѣнчивости: почему непостоянство Приска Давъ и приписываетъ гнѣву этаго бога. Что же касается до выраженія: «*всѣхъ Вертумновъ*»—то въ Италиі, особенно же въ Этруріи, въ городахъ и мѣстечкахъ, было великое множество статуй Вертумна. Давъ полагаетъ, что *всѣ* эти Вертумны были въ гнѣвъ при рожденіи Приска.

Самое слово *Vertumnus* почитаютъ бывшимъ въ древнемъ языкѣ римлянъ прошедшимъ причастіемъ глагола *verto, vertere*, вращаю, верчу, обращаю, составленнымъ какъ *alumnus* отъ *alere*, и потому, по ихъ мнѣнію, самое имя *Vertumnus* значитъ *измѣняющійся*. (*Pauly Real-Encycl. des classisch. Alterthums*).

6) Ст. 42. Давъ считаетъ греческими драхмами. По исчисленію Дасье и Сападона, 500 драхмъ составляютъ 250 франковъ: следовательно на наши деньги 62 р. 50 коп. серебр. или 218 р. 75 коп. аснги.

7) Ст. 44. Философъ, о которомъ упоминается въ концѣ первой сатиры Горация. Нельзя было придумать лучшей насмѣшки надъ философомъ, какъ представить, что и его приворотникъ, наслушавшись господина, преподастъ рабамъ своего рода философію.

8) Ст. 45. Здѣсь я долженъ былъ опять пропустить 26 стиховъ подлинника. Приглашаю любопытныхъ прочитать ихъ въ оригиналѣ. Они слѣдуютъ послѣ стиха: *Dim, quae Crispine docuit me janitor, edo*.

9) Ст. 51. Одинъ изъ обрядовъ, соблюдавшихся въ Римѣ, при отпускѣ рабовъ на волю.

10) Ст. 54. Некоторые объясняютъ это тѣмъ, что въ каждомъ домѣ былъ обыкновенно *servus atheniensis*, дворецкой, тоже изъ рабовъ. Но вернѣе объясненіе Гейнекція и Габерфельда. Они относятъ это къ тому, что сами рабы имѣли право, на собственные деньги покупать рабовъ, которые, или исправляли за нихъ ихъ должность, или платили имъ оброкъ. Такой рабъ, исполнявшій должность за своего покупателя, назывался *vicarius*, т. е. *исправляющій должность*. Гораций говоритъ: «такой рабъ есть ли только *vicarius*, какъ вы его называете, (т. е. исправляющій должность), или *conservus*, т. е. *сослужитель купившаго?*»

11) Ст. 69. *Павзіи*—знаменитый живописецъ, современникъ Апеллеса. Давъ называетъ его произведенія *картинками*, *tabella*, можетъ быть, потому, (какъ думаютъ объяснители), что здѣсь говорится о небольшихъ *энкаустическихъ*, (на воску писанныхъ), картинахъ Павзіи. Онъ особенно былъ искусенъ въ изображеніи дѣтей,

цвѣтовъ, и вообще предметовъ граціозныхъ. Одна изъ знаменитѣйшихъ его картинъ была—изображеніе цвѣточницы *Гликеріи* съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ въ рукахъ.

12) Ст. 71. *Рутуба, Фульвій и Платидіанъ*—имена гладіаторовъ.

13) Ст. 72. Это относится къ вывѣскамъ, которыя начальники гладіаторовъ вывѣшивали надъ дверьми того мѣста, гдѣ должна была происходить борьба.

14) Ст. 95. Эта угроза отправить въ Сабину на полевою работу—угроза нешуточная; потому что у римлянъ рабы, занимавшіеся земледѣліемъ, работали въ оковахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ: Овидій, *Trist.* IV. 1 ст. 5.—Плینی, кн. IV гл. 3.—Флоръ кн. III гл. 19.—Сенека, *De benef.* VII 10.—Луканъ, VII ст. 402. (*Desobry*, томъ 3 стр. 321). И такъ у чувствительнаго Горация, поэта-философа, во семь рабовъ было уже сослано работать въ оковахъ. Такова была древность въ сравненіи съ нашимъ временемъ!

САТИРА ОСЬМАЯ.

УЖИНЪ.

ГОРАЦІЙ.

Что! хорошъ ли былъ ужинъ счастливца Назидіена? ¹

Я вчера посылалъ звать тебя; но сказали, что съ полдня

Тамъ ты пируешь!— ²

ФУНДАНИЙ.

Ужинъ чудесный былъ! Въ жизнь мою, право,

Лучше не видывалъ я! ³

ГОРАЦІЙ.

Разскажи же мнѣ, ежели можно,

5. Что за кушанье прежде всего успокоило ваши желудки?

ФУНДАНИЙ.

Вепрь луканійскій, при южномъ, но легкомъ, пойманый вѣтрѣ: ⁴

Такъ намъ хозяинъ сказалъ.—Вокругъ же на блюдѣ лежали

- Рѣпа, радисъ и латукъ, все, что позывъ къ ѣдѣ возбуждаетъ; ⁵
Сахарный корень и сельди, съ подливкой изъ винныхъ поддонковъ. ⁶
10. Только что снять былъ кабанъ, высоко́ подпоясанный малый
Столъ изъ кленоваго дерева лоскутомъ пурпурнымъ вытеръ; ⁷
А другой подобралъ все ненужное, все, что могло бы
Быть неприятно гостямъ!—Потомъ, какъ афинская дѣва
Со святыней Цереры, вступилъ мѣдлолицый гласпець
15. Съ ношей цекубскаго; слѣдомъ за нимъ грекъ явился съ хіосскимъ,
Непричастнымъ морей! ⁸ — Тутъ хозяинъ сказалъ Меценату:
«Есть и фалернское, есть и альбанское, если ты любишь!»

ГОРАЦІЙ.

Жалкое чванство богатства!—Однакожь скажи мнѣ, Фунданій,
Прежде всего: кто были съ тобою тутъ прочіе гости?

ФУНДАНИЙ.

20. Верхнимъ былъ я; Вискъ подлѣ меня; а съ нами же, ниже,
Помнится, Варій; Сервилій Балáтронъ съ Вибидіемъ, оба
Были, какъ тѣни: обохъ привезъ Меценатъ ихъ съ собою!
Межъ Номентана и Порціа былъ самъ хозяинъ; ⁹ а Порцій
Очень насъ тѣмъ забавлялъ, что глоталъ пироги, не жевавши! ¹⁰
25. Номентанъ былъ нарочно за тѣмъ, чтобъ указывать пальцемъ
Что проглядятъ; а толпа, то есть мы—все прочіе гости,
Рыбу, и устриць, и птицъ—не совѣмъ различали по вкусу! ¹¹
Вкусъ ихъ совѣмъ былъ не тотъ, какой мы всегда въ нихъ находимъ;
Что и открылось, когда онъ попотчивалъ насъ потрохами
30. Ромба и камбалы: я такихъ не отвѣдывалъ прежде! ¹²
Далѣе—онъ объяснилъ намъ, что пигвы, снятыя съ вѣтвей

Въ первую четверть луны, бываютъ красны!—А причину
Самъ спрося у него!—Тутъ Вибидій сказалъ Балатрону:
«Не напившиися насмерть, мы право умремъ безъ отмщенья!» ¹⁵

35. И спросили бокаловъ большихъ!—Поблѣднѣлъ нашъ хозяинъ!

Ничего не боялся онъ такъ, какъ гостей опьяняемыхъ:

Или за тѣмъ, что въ рѣчахъ допускаютъ излишнюю вольность,

Или, что крѣпкія вины у лакомокъ вкусъ притупляютъ.

Вотъ Балатронъ и Вибидій, за ними и мы съ ихъ примѣра

40. Чаши наливши виномъ—вверхъ дномъ въ алфанскія кружки! ¹⁴

Только на нижнемъ концѣ пощадили хозяина гости! ¹⁵

Вотъ принесли намъ мурену, длиною въ огромное блюдо; ¹⁶

Въ соусѣ плавали раки вокругъ.—Хозяинъ сказалъ намъ:

«Не метала еще! какъ помечетъ, становится хуже!» ¹⁷

45. А къ подливкѣ прибавлена часть венафрумскаго масла,

Первой выжимки; ¹⁸ взваръ же изъ сока рыбъ иберійскихъ, ¹⁹

Съ пятилѣтнимъ виномъ; не заморскимъ однако. А впрочемъ

Если подбавить въ готовый отваръ, то хіосское лучше!

Тутъ же прибавлено бѣлаго перцу, и уксусъ, который

50. Выжать изъ гроздій Метимна однихъ и чистый заквашень! ²⁰

Зелень дикой горчицы варить—я выдумалъ первый;

Но морскаго ежа кипятить не промытымъ—Куртилій

Первый открылъ: такъ вкуснѣй, чѣмъ въ разсолѣ изъ черепокѣжныхъ!»

Только что кончилъ онъ рѣчь, какъ вдругъ балахинъ надъ гостями

55. Съ облакомъ пыли, какъ будто воздвигнутой сѣвернымъ вѣтромъ,

Съ трескомъ на блюда упалъ!—Мы, избавясь опасности, страха,

Справились вновь; но хозяинъ, потупивши голову, въ горѣ,

Плакалъ, какъ будто надъ сыномъ единственнымъ, въ дѣтствѣ умершемъ!

Какъ знать, когда бы онъ кончилъ, когдабъ мудрецомъ Номситаномъ

60. Не былъ утѣшенъ онъ такъ: «О Фортуна! кто изъ безсмертныхъ
Къ смертнымъ жесточе тебя! Ты рада играть человѣкомъ!»
Варій отъ смѣха чуть могъ удержаться, закрывшись салфеткой!
А Балатронъ, всегдашній насмѣшникъ, воскликнулъ: «таковъ ужъ
Жребій всѣхъ человѣковъ; такая судьба ихъ, что слава
65. Никогда ихъ трудовъ не заплатитъ достойной наградой!
Сколько ты мучился, сколько заботъ перенесъ, безпокойства,
Чтобъ меня угостить!—Хлопоталъ, чтобъ былъ хлѣбъ безъ подгару,
Чтобъ подливки приправлены были и въ мѣру, и вкусно,
Чтобы слуги прилично и чисто всѣ были одѣты!
70. Случай—и все ни во что! Вдругъ, какъ насмѣхъ, обрушится сверху
Твой балдахинъ; пли конюхъ споткнется—и въ дребезги блюдо! ²¹
Но угоститель, равно какъ иной полководецъ великій
Въ счастіи былъ не замѣченъ, а въ бѣдствіи вдругъ познается!
—«О! да исполнять же боги тебѣ всѣ желанія сердца,
75. Мужъ добродѣтельный! добрый товарищъ!» Такъ съ чувствомъ воскликнулъ
Назидень, и надѣвши сандалии, тотчасъ же вышелъ. ²²
Гости межъ тѣмъ, улыбаясь, между собою шептали
На-ухо; только на ложахъ и слышанъ былъ тайный ихъ шопоть!

ГОРАЦІЙ.

Никакого бы зрѣлища такъ не хотѣлось мнѣ видѣть!

80. Ну, чему же потомъ вы еще посмѣялись?

ФУНДАНИЙ.

Вибидіи

Грустно служителямъ сдѣлалъ вопросъ: «не разбиты ль кувшины,
Потому что бокалы гостей... стоятъ не налиты?»

- Между тѣмъ какъ смѣялся, чему помогаль и Балатронъ,
 Снова вступаетъ Назидіенъ, но съ лицомъ ужъ веселымъ,
85. Точно какъ будто искусствомъ готовъ побѣдить онъ Фортуну!
 Слѣдомъ за нимъ принесли журавля; на блюдѣ глубококомъ
 Рознять онъ былъ на куски, и посыпанъ мукою и солью!
 Подали потрохи бѣлаго гуся, съ начинкой изъ свѣжихъ
 Фигъ, ²³ и плечки зайца: они превосходнѣе спинки!
90. Вскорѣ увидѣли мы и дроздовъ, подгорѣлыхъ немножко;
 И голубей безъ задковъ. ²⁴ — Претонкія лакомства вкуса,
 Еслибы пира хозяинъ о каждомъ кушаньѣ порознь
 Намъ не рассказывалъ все: и натуру, и дѣло искусства;
 Такъ что мы ихъ и не ѣли, какъ будто,дохнувши на блюда,
95. Вѣдьма Кандія ихъ заразила змѣинымъ дыханьемъ! ²⁵

ПРИМЪЧАНІЯ.

КН. 2. СЛ. 8.

1) Ст. 1. *Назидіенъ Руфъ*. О немъ, кромъ имени ничего неизвѣстно.

2) Ст. 3. Пиръ, начатый съ половины дня показываетъ уже нѣкоторое своевольство пиршества; потому что римляне не сѣлись за столъ такъ рано. Надобно замѣтить однако, что это не нашъ полдень, считая начало сутокъ съ полуночи; а половина дня съ восхожденія солнца до заката: следовательно гораздо позже нашего полдня.

3) Ст. 4. *Фунданій* былъ лучшей комическій поэтъ того времени, и большой насмѣшникъ. И потому Гораций не безъ намѣренія заставляетъ рассказывать здѣсь Фунданія. Объ немъ же говорится сл. 10 ст. 20. Нѣкоторые въ словахъ Фунданія, что онъ «лучше этаго ужина никогда не видывалъ,» находятъ противорѣчіе съ послѣдующимъ рассказомъ; но очевидно, что эти слова — пропія.

4) Ст. 6. Сильный южный вѣтеръ портилъ мясо дичины. Вѣроятно кабанъ былъ испорченъ и протухъ. Этими словами: «при южномъ, но легкомъ, пойманный вѣтръ,» хозяинъ пира хотеть увѣрить, что кабанъ свѣжъ, потому что вѣтеръ былъ очень слабъ, когда онъ былъ пойманъ.

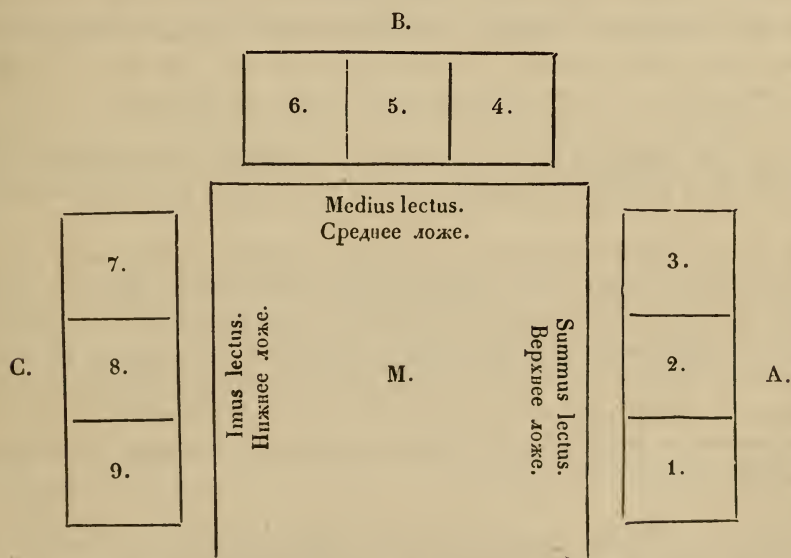
5) Ст. 8. Когда подавали на столъ кабана, края блюда обкладывались обыкновенно яблоками. Но Назидіену казалось этаго недостаточно. Онъ обложилъ его пряными и возбуждающими аппетитъ овощами.

6) Ст. 9. Эта подливка состояла изъ разсола, смѣшаннаго съ поддонками коссаго вина. (См. примѣч. къ ст. 75 сл. 4 этой же книги).

7) Ст. 11. Высоко подпоясанный, или съ туникою высоко поддернутою поясомъ. Почему замѣтилъ это Фунданій, для насъ непонятно; ибо мы не знаемъ всѣхъ мелочей въ обычаяхъ римлянъ. Но столъ изъ кленоваго дерева значитъ самый простой; а между тѣмъ вытирають его пурпуромъ: это показываетъ чвалство хозяина, которое выставлется еще сильнѣе въ противоположностяхъ.

8) Ст. 16. Это толкуютъ двумя различными способами. Одни думаютъ, что выраженіе: «непричастнымъ морей,» *vinum magis exprers*, значить, что Назидіенъ выдавалъ свое домашнее вино за хіосское. Известно, что Хіосъ есть островъ; слѣдовательно вино изъ Хіоса должно быть перевезено черезъ море. Другіе полагаютъ, что здѣсь говорится о чистомъ хіосскомъ винѣ, безъ примѣси морской воды. Римляне разбавляли морскою водою всѣ греческія вина, чтобы отнять у нихъ крепость и нѣкоторую жесткость вкуса. Одни больные, или слабые здоровьемъ употребляли ихъ безъ примѣси воды.

9) Ст. 20—23. Чтобы правильно понять описываемый здѣсь порядокъ пирующихъ, нужно составить себѣ ясное понятіе о триклиніумѣ древнихъ, какъ оказывается это изъ многихъ памятниковъ. Триклиній состоялъ изъ стола, окруженнаго съ трехъ сторонъ мягкими скамьями, которыя мы называемъ *ложе*, съ мягкими же подушками, обращенными къ столу. Четвертая сторона оставалась свободною, дабы слуги, подающіе кушанья, могли подходить къ столу, не безпокая возлежащихъ гостей. Длина стола и подушекъ соответствовала числу обѣдающихъ, которыхъ, по свидѣтельству Авла Геллія, (Noct. Att. XIII 2) обыкновенно было не менѣе троихъ, и не болѣе девяти. Назидіенъ пригласилъ восемь человѣкъ, самъ хозяинъ былъ девятымъ. И такъ съ каждой стороны стола было три ложа и три подушки, для троихъ человѣкъ. Порядокъ ихъ представляетъ слѣдующую фигуру, которая извлечена Виландомъ изъ комментарія Сомеза на Солина.

М. означаетъ четвероугольный столъ. А. верхнее ложе, В. среднее, С. нижнее. Первые два ряда были для гостей; третій для хозяина и его домашнихъ собесѣдниковъ. На первомъ были: 1. *Фунданій*—(*summus ego, верхнимъ былъ я.*) 2. *Вискъ*—(*prope me Viscus Thuringus, Вискъ подлѣ меня.*) 3. *Варій*—(*infra, si memini, Varius, съ нами же ниже меня, помнится, Варій.*) На другомъ, или на среднемъ

ложь: 4. *Сервилій Балатронъ*; 5. *Вибидій*—(cum Servilio Balatro Vibidius, *Сервилій Балатронъ съ Вибидіемъ*). 6. *Меценатъ*. На третьемъ, или нижнемъ ложь были 7. *Номентанъ*; 8. *Назидіенъ*—(Nomentanus erat super ipsum. *Номентанъ былъ выше его*.) 9. *Порцій*—(Porcius infra, *Порцій ниже*). Таковъ былъ порядокъ, въ которомъ сидѣли пирующие.

Фунданій, Вискъ, Туринусъ и *Варій* — были приглашены Назидіеномъ, какъ люди, которыхъ общество любилъ Меценатъ. *Сервилій Балатронъ* и *Вибидій* были, кажется, два очень тонкіе *скурры*, (забавники, шуты), которыхъ привезъ съ собою Меценатъ, опасаясь скуки длиннаго угощенія. Они названы, въ стихѣ 22, тѣнями, потому что они не были приглашены хозяиномъ, а находились въ свитѣ Мецената. Такъ назывались у римлянъ тѣ, которыхъ приглашенный гость привозилъ съ собою неприглашенныхъ.

Санадонъ полагаетъ мѣсто Мецевата между обоими этими шутами; но это ошибочно: ибо, по свидѣтельству древнихъ, шестое мѣсто почиталось самымъ почетнымъ, или даже консульскимъ

10) Ст. 24. *Номентанъ* и *Порцій* были два забавника самого хозяина, Назидіена. *Номентанъ*—известный расточитель, о которомъ упоминается во многихъ мѣстахъ сатиръ Горация.

11) Ст. 27. Это, или насмѣшка надъ *Номентаномъ*, который указывалъ гостямъ кушанья, какъ будто они сами не умѣли различить ихъ; или знакъ, что кушанья были такъ дурны, что гости дѣйствительно не могли ихъ различать.

12) Ст. 30. Относится къ той же насмѣжкѣ. Выраженіе: «не отвѣдывалъ прежде» — можетъ быть принято тоже двусмысленно, и въ хорошую и въ дурную сторону.

13) Ст. 34. Смыслъ этого стиха и выраженія: *potiemur inulti*, «умремъ безъ отщепенія» — довольно теменъ. Его объясняютъ толкователи такимъ образомъ: такъ какъ хозяинъ кормитъ насъ на смерть, или такъ какъ онъ отравляетъ насъ дурными кушаньями: то отмстимъ ему за нашу смерть, выпивши у него все вино. По понятіямъ древнихъ — не отмстить за насильственную смерть почиталось большимъ бѣдствіемъ. О выраженіи Горация: *nisi damnose bibimus*, замѣчаетъ Габерфельдъ, что оно соотвѣтствуетъ немецкому: *mörderisch trinken*; следовательно и поруски можно перевести выраженіемъ: «мертвецки напиться.»

14) Ст. 40. *Alliphana* назывались большія глиняныя кружки, или кувшины, которые изготовлялись въ самнитскомъ городѣ Аллпфъ, и отъ того получили свое названіе. Изъ нихъ переливалось вино въ небольшія бутылки; а изъ этихъ наливали уже въ чаши. Когда опрастывались аллпфанскіе кувшины, или кружки, ихъ обыкновенно опрокидывали вверхъ дномъ. Этимъ выраженіемъ Фунданій хотѣлъ означить, что гости выпили все вино, поданное хозяиномъ.

15) Ст. 41. На нижнемъ концѣ стола шли менѣе, потому что тамъ сидѣлъ самъ Назидіенъ и два его паразита.

16) Ст. 42. Мурена—родъ морскаго угря, или въюна—достигаетъ до весьма большой величины. Мурены были лакомы до человѣческаго мяса. Известно, что римляне нередко откармливали ихъ, бросая въ садки живыхъ рабовъ своихъ. «Великій народъ!» говоритъ исторія.

17) Ст. 44. Муреною дѣйствительно пренебрегали римляне, когда она была некривая, или уже пометала. Нѣкоторые замѣчаютъ, что это мнѣніе происходило отъ предубѣжденія римлянъ, будто мурены совокупляются со змѣями.

18) Ст. 46. *Venafrum*, городокъ въ сѣверовосточной части Кампаніи, окруженный богатыми масляными, или оливоковыми лѣсами. Изъ нихъ оливокъ получалось превосходное масло; лучшее же было то, которое выходило первое изъ подъ пресса.

19) Ст. 46. Взаръ, или разсолъ—*garum*—получался собственно изъ внутренностей рыбъ, называемыхъ *garri*.

20) Ст. 50. *Метимна*—городъ въ западной части острова Лесбоса. Виноградники, бывшіе къ сѣверу отъ этаго города, были въ большой славы.

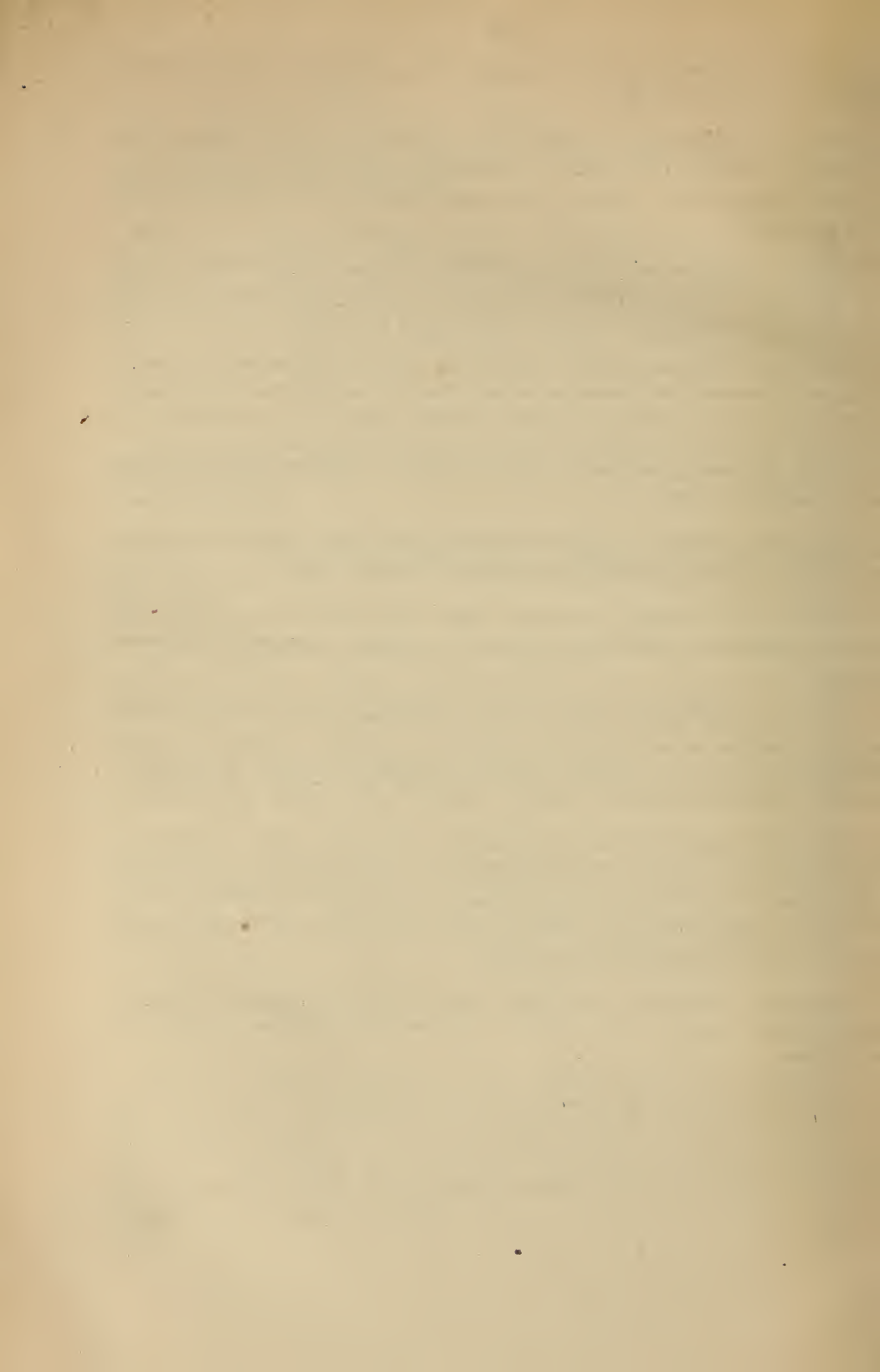
21) Ст. 71. Это значитъ, что хозяинъ, дабы имѣть больше слугъ, и тѣмъ показать свою пышность, употреблялъ на услугу и конюховъ, пересодѣтыхъ комнатными слугами.

22) Ст. 76. Когда римляне шли къ столу, они надѣвали сандалинъ, (родъ туфель); но когда ложились на застольное ложе, тогда и ихъ снимали и оставляли на полу. Вставая же изъ за стола опять ихъ надѣвали. Гораций не говоритъ, что Назидіенъ вышелъ; а просто *soleas poscit*, «спросилъ сандалинъ:» что и значитъ, что онъ вышелъ.

23) Ст. 89. Римляне любили гусиную печенку, и для того особенно откармливали гусей фигами; но и изъ этихъ еще предпочитали тѣхъ, которые были кормлены свежими фигами, а не сухими. Бѣлые гуси предпочитались прочимъ. (Варр. гл. X кн. 3). А такъ какъ откармливаніе гуся свежими фигами стоило дорого, то Назидіенъ подаль гусиные потроха, просто начиненные фигами.

24) Ст. 91. Задняя часть голубей почиталась лучшею. Неизвестно по какой причинѣ Назидіенъ подаль ихъ безъ задковъ. Вѣроятно, говоритъ Дасье, голуби были попорчены.

25) Ст. 95. Объ этой *Каидіи* см. кн. 1 сат. 8 примѣч. 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ переводчика	v
---------------------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сат. 1. Противъ любостыжанія	3
— 2. (Отрывокъ)	11
— 3. Противъ осуждающихъ чужіе недостатки	17
— 4. Въ защиту сатиры	29
— 5. Поездка въ Брундузіумъ	42
— 6. О благородствѣ	56
— 7. Тяжба	71
— 8. Эсквилійскія волшебницы	76
— 9. Встрѣча	81
— 10. Противъ Луцілія	89

КНИГА ВТОРАЯ.

Сат. 1. Совѣщаніе	103
— 2. Объ умеренности	112
— 3. Стопки	123
— 4. Искусство шришествъ	151
— 5. Искатели наслѣдствъ	159
— 6. Похвала сельской жизни	167
— 7. Наставленія отъ раба	175
— 8. Ужинъ	183

THE HISTORY OF THE

...

...

...

О ПЕЧАТКИ.

<i>Напечатано.</i>			<i>Читай.</i>
Стран.	9 строка	41 Визелія	Визелія
—	10 —	23 <i>seginia</i>	<i>seginia</i>
—	« —	32 не одинъ	не одинъ
—	25 —	23 опъ	онъ
—	28 —	7 Домиціанн	Домиціанъ
—	30 —	26 ЧТО КТО».	ЧТО КТО,
—	43 —	25 для насъ.	для насъ,
—	44 —	22 Циклопа,	Циклопа,
—	48 —	11 (<i>Въ исчисленіи географ.миль:</i>) Гнація 7 ²	Гнація 7 ^{2/3}
—	52 —	8 которымъ нравится .	которымъ желаетъ нравиться.
—	56 —	3 Нѣтъ Мекенатъ .	Нѣтъ, Мекенатъ,
—	60 —	10 Тебъ знаменитый сенаторъ!	Тебъ, знаменитый сенаторъ!
—	63 —	20 (<i>plebs</i>)	(<i>plebs</i>),
—	» —	27 <i>libertini</i>	<i>libertini</i> ,
—	68 —	20 «что онъ такое . .	«что онъ такое,»
—	72 —	19 ты, который съ царями,	ты, который съ царями
—	77 —	26 (<i>Въ началъ стиха пропущена цифра 40</i>).	
—	79 —	6 частъ этой	часть этой
—	92 —	20 Деметрій, съ Тигелліемъ	Деметрій съ Тигелліемъ
—	105 —	14 или Аппулеецъ .	иль Аппулеецъ
—	109 —	27 признакъ	признакъ
—	113 —	21 но части!	на части!
—	140 —	16 Ципцеропъ.	Ципцеронъ
—	153 —	21 прилагаеть заботу;	прилагаеть заботу,
—	» —	26 Если жь	Еслижь
—	172 —	12 счастливыс.	счастливыс
—	173 —	14 <i>Putcas</i>	<i>Putcal</i>

ПРОДАЕТСЯ

въ Книжныхъ Магазинахъ :

Ө. О. СВЪШНИКОВА , на Страстномъ бульварѣ , въ домѣ
университетской типографіи.

И. В. БАЗУНОВА , тамъ же , въ домѣ Загряжскаго.

Н. М. ЩЕПКИНА и К^о , на Лубянкѣ , въ домѣ Сысалина.

Цѣна 1 р. 75 коп., съ перес. 2 р.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ :

Наука Поэзіи , Посланіе къ Пизонамъ Квинта Горациа
Флакка, переводъ въ стихахъ *М. Дмитріева*.

Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 коп.

Московскія Элегіи, *М. Дмитріева*.

Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.

Decidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

0 003 093 525 1